

755 $\frac{2}{22}$

755 $\frac{2}{22}$

ОСНИ

ЛИТЕРАТУРНОЙ

АЛЬМАНАХЪ

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ. ВАЛЕРИЙ
БРОСОВЪ. Н. БРЗМЛЕЙ
ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНЪ
И. МАТУСЕВИЧЪ
ИВАНЪ НОВИКОВЪ
М. ВОСЛЯКОВЪ. МАРИНА
ЦВѢТАЕВА.
ГОРИЙ ЧУЛКОВЪ.

МОСКВА
1918

Цѣна 10 руб.

Т 53 1/22

О Г Н И

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХЪ

Ю. АЙХЕНВАЛЬДЪ.—Писатель и читатель. ВАЛЕРІЙ
БРЮСОВЪ.—Сонетъ. Н. БРОМЛЕЙ.—Встрѣча въ
паркѣ. ВЯЧЕСЛАВЪ ИВАНОВЪ.—Монастырь. БО-
РИСЪ КРЕМНЕВЪ.—Достоевскій и судьба Россіи.

ЮСИФЪ МАТУСЕВИЧЪ —Затишье. ЛЕВЪ
НИКУЛИНЪ.—Страдиварій. ИВАНЪ НО-
ВИКОВЪ.—Воръ. М. РОСЛЯКОВЪ.

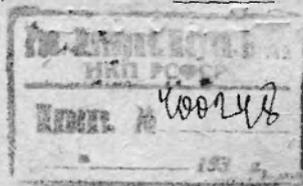
Повѣсть о Пшеничниковѣ. ГЕОР-
ГІЙ ЧУЛКОВЪ.—Возлюблен-
ный Луизы Жели. И. ЭРЕН-
БУРГЪ.—Еще о себѣ.

МОСКВА

1918.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Валерій Брюсовъ. — Сонетъ	3
Георгій Чулковъ. — Возлюбленный Луизы Жели	4
Вячеславъ Ивановъ. — Монастырь	12
М. Росляковъ. — Повѣсть о Пшеничниковѣ	14
И. Эренбургъ. — Еще о себѣ	36
Іосифъ Матусевичъ. — Затишье	38
Левъ Никулинъ. — Страдивари	102
Н. Бромлей. — Встрѣча въ паркѣ	104
Иванъ Новиковъ. — Воръ	114
Ю. Айхенвальдъ. — Писатель и читатель	126
Борисъ Кремневъ. — Достоевскій и судьба Россіи	133

НАРЯДЪ ВЕСНЫ

СОНЕТЪ

За годомъ годъ, ряды тысячелѣтій,—
Нѣтъ! Неисчетныхъ миллионовъ лѣтъ,—
Май, воскрешая луговины эти,
Ихъ убираетъ въ травянистый цвѣтъ.

Пытливы видятъ на иной планетѣ,
Что шаръ земной въ зеленый блескъ одѣтъ,
Быть можетъ, въ гимнѣ тамъ поетъ поэтъ,
Какъ жизнь чудесна въ изумрудномъ свѣтѣ,

Лишь нашъ привычный взоръ, угрюмъ и тупъ;
Обходитъ равнодушно зелень купъ
И свѣжестъ нивъ подъ возрожденной новью.

Нарядъ весны! Мы свыклись въ мѣрѣ съ нимъ!
И изумрудъ весеннихъ травъ багримъ,
Во имя призрака, горячей кровью!

Валеріи Брюсовъ

ВОЗЛЮБЛЕННЫЙ ЛУИЗЫ ЖЕЛИ

РАЗСКАЗЪ ГЕОРГІЯ ЧУЛКОВА

Однажды, застрявъ въ Парижѣ на лѣто, тоскуя по соленому океанскому воздуху и задыхаясь пока что отъ запаха бензина, дыма и ядовитыхъ испареній Сены, бродилъ я по городу и, очутившись на набережной Вольтера, принялся по привычкѣ перелистывать книжки на прилавкахъ букинистовъ.

Мнѣ попалась, между прочимъ, «Новая Элоиза» въ женеvскомъ изданіи 1792 года, и я купилъ эту книжку, прельстившись пріятнымъ фронтисписомъ и недурнымъ переплетомъ. Придя домой и разсматривая свою покупку, я замѣтилъ, что внутренняя бумажка, подклеенная подъ крышку переплета, чуть-чуть приподнялась и, когда я коснулся ея края, оттуда выпали желтые полуистлѣвшіе листы, мелко испи-саные. Это были непритязательныя записки француза, повидимому, молодого человѣка, очень зауряднаго и, пожалуй, наивнаго, но по нѣкоторымъ причинамъ эти записки возбудили мое любопытство. Къ сожалѣнію, большая часть этихъ мемуаровъ погибла, но четыре уцѣлѣвшихъ отрывка я перевелъ и вотъ хочу подѣлиться ими съ моими друзьями.

ПЕРВЫЙ ЛИСТОКЪ

Вчера я зашелъ къ аббату де-Керавенанъ и успѣлъ излить ему всѣ мои чувства и сомнѣнія. Этотъ мудрый и добродѣтельный чело-вѣкъ помогъ мнѣ разобраться въ моемъ положеніи, которое каза-лось мнѣ не только безотраднымъ, но и безвыходнымъ.

Боже мой! Какъ я люблю мою Луизу! Впрочемъ, я не смѣю на-зывать ее моею. Моя бѣдная мать такъ великодушно согласилась на нашъ бракъ, и теперь—увы!—мое счастье рушилось.

Я не сплю по ночамъ, а когда усталость меня побѣждаетъ, мнѣ снится Луиза—и почти всегда въ какомъ-то непонятномъ и ужасномъ положеніи. Вчера мнѣ приснилось, что она стоитъ около церкви Сэнь-Сюльписъ и держитъ въ рукахъ лохматую мертвую голову, а сегодня я видѣлъ ее во снѣ въ обществѣ тигра, который бормоталъ стихи Корнея.

Можно сойти съ ума отъ событій, которымъ всѣ мы невольные свидѣтели, но еще ужаснѣе, когда ты самъ безъ вины и не по своей волѣ вовлеченъ въ этотъ ужасный вихрь, называемый у насъ революціей.

Я уважаю Жанъ-Жака и люблю добродѣтель. Если хотите, я патриотъ, но я не понимаю этой страшной кровожадности и гоненія на святую церковь.

Патриотизмъ! Патриотизмъ! Я, конечно, ему сочувствую и мнѣ вовсе не нравится вся эта рискованная авантюра, которую затѣяли въ Кобленцѣ наши дворяне и которую приходится расхлебывать всѣмъ намъ даже теперь. Однако, я долженъ признаться, что гражданинъ Робеспьеръ, котораго уличные листки называютъ «неподкупнымъ», внушаетъ мнѣ такъ же мало довѣрія, какъ и заграничные друзья Бурбоновъ.

Бѣдныя лиліи растоптаны и едва ли онѣ когда-нибудь оживутъ. Но, вѣдь, Неподкупный былъ противъ войны съ пруссаками. Этого я никогда не забываю и мнѣ странно, что его теперь всѣ считаютъ первымъ патриотомъ.

Кстати лицо гражданина Робеспьера удивительно похоже на мордочку ливретки, которую моя бѣдная мать подарила Луизѣ.

Но я зафилософствовался и пишу о политикѣ, въ которой я ничего не смыслю. И какое мнѣ дѣло до гражданина Робеспьера. Нѣтъ, нѣтъ не онъ, а совсѣмъ другой похитилъ мое счастье, мое единственное сокровище.

Боже мой! Какъ очаровательна моя Луиза! Ея золотые локоны, прядь которыхъ я храню въ моемъ медальонѣ, волнуютъ меня такъ, какъ будто отъ нихъ исходитъ какая-то магическая сила. А когда она улыбается, у меня падаетъ сердце. Но бѣдняжка! Она теперь улыбается такъ рѣдко. Я могу видѣть ее лишь украдкой. Въ послѣдній разъ мы встрѣтились съ нею въ садикѣ Сэнь-Жермень-де-Прэ. Мы бесѣдовали съ нею о радостяхъ молитвы, нашего послѣдняго утѣшенія, ибо и я, и она, слава Богу, не отреклись отъ католической церкви и, право, я никакъ не могу понять, почему бы не примирить ея добрыя заповѣди съ гражданскими добродѣтелями, которыхъ я

не могу не уважать. Мой отецъ, пивоваръ съ улицы Онорэ, не мало натерпѣлся въ свое время отъ господъ изъ Версаля, и я очень понимаю, что всякій буржуа долженъ обладать правами человѣка. Я согласенъ, что хорошія слова «свобода, равенство и братство» должны быть начертаны въ сердцахъ патріотствъ, но постоянная прибавка къ нимъ «или смерть», пугаетъ мое бѣдное сердце. Вѣдь, что бы тамъ ни говорили наши филосфы и ораторы, эти три словечка очень растяжимы, а иногда и двусмысленны. А тутъ вдругъ смерть! Есть отъ чего потерять голову. Кстати о головѣ. Вчера я проходилъ по кварталу Ля-Форсъ и видѣлъ, какъ во дворѣ одного дома пробовали на баранѣ новый ножъ для гильотины. Бѣдное животное! Увидѣвъ кровь, я вдругъ вспомнилъ этотъ ужасный сентябрь прошлаго года.

Ничего не подозревая, отправился я вечеромъ второго сентября съ моею матерью въ театръ Мольера, на улицѣ Сэнъ-Дени. Двери были заперты почему-то. Тогда мы пошли въ театръ св. Екатерины. Онъ тоже былъ закрытъ. Мы возвращались домой черезъ Гревскую площадь, потомъ по Новому мосту. Откуда-то доносились крики и мы никакъ не могли понять, что сейчасъ творится въ городѣ. На углу улицы Бурбонъ-де-Шато стояла кучка женщинъ. Я подошелъ къ нимъ и спросилъ, почему это кричатъ и что случилось.

Одна изъ патріотокъ, въ высоко подоткнутой юбкѣ и деревянныхъ башмакахъ, упершись руками въ могучія свои бедра, смѣрила меня съ головы до ногъ и сказала грознымъ басомъ:

— Откуда взялся этотъ малецъ? Не съ неба ли онъ свалился? Кто же сейчасъ въ Парижѣ не знаетъ, что добрый народъ судить сейчасъ враговъ свободы и братства? Граждане сейчасъ работаютъ по тюрьмамъ. Я уже носила ужинъ въ Аббатство моему бѣдному Франсуа. Онъ такъ усталъ. У него всѣ руки въ крови этихъ проклятыхъ кюрэ.

Моя матушка пошатнулась, и я, боясь, что патріотки замѣтятъ ея волненіе, поспѣшилъ ее поддержать.

По счастью, женщины не обратили на нее вниманія.

— Вотъ,—сказала одна изъ нихъ, показывая на ручей, который, булькая, бѣжалъ по плитамъ улицы. Ручеекъ былъ совсѣмъ красный. Это была кровь убиваемыхъ въ Аббатствѣ Сэнъ-Жермэнъ-де-Прэ.

Теперь тамъ тихо, и Луиза назначаетъ мнѣ свиданіе подъ его деревьями.

Нашъ добрый аббатъ де-Керавенанъ спасся въ ту ночь у тетушки Матильды на чердакѣ. Онъ, вѣдь, тоже не давалъ безбожной присяги и скрывается до сихъ поръ отъ трибунала. Я и Луиза навѣщаемъ его изрѣдка не безъ большого риска.

Я такъ привыкъ его слушаться, что безъ него чувствую себя, какъ овца безъ пастыря, но долженъ признаться, что послѣдніе его совѣты смущаютъ мою душу. Конечно, спасеніе Христовой церкви и жизнь ея вѣрныхъ чадъ дороже моего личнаго и частнаго счастья, но мысль, что мнѣ придется пожертвовать моею Луизою этому рябому чудовищу, со сломаннымъ носомъ и разорванной губою, приводитъ меня въ трепеть. Аббатъ де-Керавенанъ увѣряетъ, что этого злодѣя, которому молва приписываетъ сентябрьскія убійства, можно еще направить на путь истинный и его рукою сласти нашу бѣдную Францію. Но каково мнѣ, уже на порогѣ счастья, вдругъ отказаться отъ надежды повести Луизу къ моему скромному очагу въ качествѣ милой жены и хозяйки.

Я до сихъ поръ ни разу не рѣшался на листкахъ моихъ мемуаровъ написать имя моего злѣйшаго врага, который, впрочемъ, вѣроятно, не помнитъ меня вовсе и едва ли даже замѣтилъ меня, хотя мы съ нимъ встрѣчались нѣсколько разъ не только у Жели, но и въ домѣ стариковъ Шарпантье. Чувствую, что рука моя дрожитъ, когда я пишу это ужасное имя—*Жоржъ-Жакъ Дантонъ изъ Орси-сюръ-Объ*.

ВТОРОЙ ЛИСТОКЪ

Франція воюетъ съ коалиціей. Страна измучена наборами. Извѣстія съ фронта то мрачныя, то радостныя, волнуютъ меня, какъ и всѣхъ разумѣется. Тотъ самый Робеспьеръ, который когда-то, на мой взглядъ предательски, стремился погасить патріотическій духъ, настаивая на томъ, чтобы Франція не воевала вовсе, принявъ унижительныя условія, предложенныя коалиціей, теперь вдругъ разыгрываетъ роль «отца отечества» безъ надлежащей искренности, насколько я понимаю.

Въ Парижѣ настоящій голодъ. У булочныхъ стоятъ хвосты. Максимумъ, конечно, не помогаетъ ничуть и спекулянты провозятъ въ мѣшкахъ съ Юга муку и все прочее по ужасной цѣнѣ. Богатые люди устраниваютъ свои дѣла, санкюлотамъ помогаетъ коммуна, а нашему брату, труженикамъ, которые добываютъ себѣ хлѣбъ умственнымъ трудомъ, живется хуже всего. Отецъ мой разорился. А, вѣдь, моя профессія школьнаго учителя теперь очень затруднительна. На меня косо смотритъ наша секція, потому что многіе подозрѣваютъ во мнѣ вѣрнаго христіанина, что кажется теперь предосудительнымъ.

Но какъ ни тяжело теперь жить, кафэ и театры всѣ открыты. Говорятъ, что многіе развратничаютъ по ночамъ, и это тѣ самые,

которые днем говорят о правах челоѣка и о природной добродѣтели.

Открылся, между прочимъ, художественный салонъ. Я былъ тамъ. По правдѣ сказать, мнѣ было жаль, что теперь уже не въ почетѣ картины Фрагонара, Бушэ и очаровательнаго Ватто. Какимъ-то холодомъ вѣетъ отъ всѣхъ этихъ нынѣшнихъ сухихъ линій и безжизненныхъ красокъ, какими пользуются наши живописцы, изображающіе Брутовъ, Гракховъ и разныхъ тамъ добродѣтельныхъ республиканцевъ. Давидъ, конечно, великій художникъ, но когда я смотрю на его холсты, у меня такое чувство, какъ будто меня кто-то упрекаетъ за то, что я простой челоѣкъ, любящій мою Луизу, жизнь, пѣніе птицъ, траву и деревья.

Между прочимъ, я увидѣлъ въ салонѣ бюстъ женщины. Въ чертахъ ея я узналъ что-то знакомое. Подъ соответствующимъ номеромъ каталога значилось слѣдующее: «Бюстъ гражданки Дантонъ, вырытой изъ могилы черезъ недѣлю послѣ погребенія; маска эта снята съ лица покойной глухонѣмымъ гражданиномъ Дезеннъ».

Такъ подтвердились для меня слухи, которымъ я отказывался вѣрить. Значитъ, въ самомъ дѣлѣ этотъ безбожный челоѣкъ не постыдился потревожить прахъ бѣдной Габріэли, своей первой жены. Боже мой! Свидѣтелями какихъ кошунствъ мы еще будемъ! Говорятъ, что Дантонъ любилъ свою Габріэль. А его ночныя оргіи? А мадамъ де-Бюффонъ? Кому это неизвѣстно? А теперь, не прошло трехъ мѣсяцевъ со дня смерти Габріэли, и онъ уже претендуетъ на бракъ съ моею несчастною Луизою.

Онъ утверждаетъ, что Габріэль завѣщала ему жениться на Луизѣ. Неужели это правда? Я знаю, что покойница въ самомъ дѣлѣ была католичкою и хотѣла, чтобы неистовый ея мужъ вернулся въ церковь. Можетъ быть, она надѣялась, что Луиза своимъ христіанскимъ смиреніемъ успокоитъ буйное сердце этого сумасшедшаго безбожника. Самое мучительное для меня то, что аббатъ де-Керавенанъ тоже возлагаетъ надежды на мою овечку и думаетъ, что она укротитъ нашего свирѣпаго льва. Съ этимъ не мирится мое чувство, но надо повиноваться нашему пастырю, ибо, если мы покинемъ лоно церкви, для насъ не будетъ уже никакой опоры и всѣ мы будемъ раздавлены, какъ кусочки желѣза на наковальняхъ подъ ударами молота. Подъ этимъ тяжкимъ молотомъ я разумѣю наше революціонное правительство.

ТРЕТИЙ ЛИСТОКЪ

Свершилось. Все кончено. Я погибъ. До послѣдней минуты я все надѣялся, что этотъ страшный человѣкъ не рѣшится исполнить требованіе своей несчастной невѣсты. По моему настоянію, Луиза поставила ему условіе, неприемлемое, какъ я думалъ, для этого дерзкаго вольнодумца. Она потребовала, чтобы онъ до свадьбы пошелъ исповѣдываться и принялъ святое Причастіе у неприсяжнаго священника. Но чудовище согласилось на это условіе. Луиза указала ему на аббата де-Керавенанъ.

Я вчера былъ у господина аббата, и онъ мнѣ признался, что не ожидалъ такого исповѣдника. Однако, Дантонъ пришелъ къ нему.

Старая Жервеза бормотала Богъ знаетъ что, увидѣвъ на порогѣ лохматую голову этого нежданнаго гостя. Дантонъ пришелъ къ аббату, слегка оттолкнувъ поблѣднѣвшую служанку. Господинъ аббатъ всталъ. Потомъ онъ говорилъ мнѣ, что вовсе не былъ увѣренъ, зачѣмъ пришелъ къ нему этотъ создатель кроваваго трибунала—затѣмъ ли, чтобы привлечь его къ суду, его, отказавшагося восемь мѣсяцевъ тому назадъ присягать, или затѣмъ, чтобы склонить свою буйную голову передъ Распятіемъ. Я, конечно, не знаю, что говорилъ на исповѣди этотъ необыкновенный человѣкъ. Можетъ быть, надежды добраго аббата будутъ оправданы.

Но я? Вѣдь, я живой человѣкъ! Вѣдь, у меня несчастное влюбленное сердце. Иногда ропотъ подымается въ моей душѣ. Святая церковь, взыскающая неземнаго града, не слишкомъ ли сурова къ моему личному частному, но такому трепетному чувству?

Когда все было рѣшено и назначенъ день свадьбы, Луиза прибѣжала ко мнѣ, чтобы проститься. Матушки не было дома. Я упалъ на колѣни передъ Луизой, я цѣловалъ ея туфли, обливаясь слезами. Она гладила своей ручкой мою голову и я поцѣловалъ ея ладонь, про которую въ счастливые дни я, шутя, говорилъ, что ее слѣдовало бы гильотинировать, ибо она можетъ смутить общественное спокойствіе своею прелестью.

Теперь никогда, никогда мнѣ уже не коснуться губами этихъ нѣжныхъ тонкихъ пальчиковъ. И подумать только, что я могъ бы раздѣлить съ ней иные восторги любви—и вовсе не украдкой, а дома, у семейнаго очага, по праву, освященному церковью.

Послѣ свадьбы они уѣхали въ Арси-сюръ-Объ, гдѣ у этого непримиримаго революціонера и защитника санкюлотовъ есть, кстати сказать, очень благоустроенное и небездоходное имѣніе. Не полу-

чалъ ли и онъ денегъ отъ враговъ отечества, какъ прославленный Мирабо?

Но вотъ я начинаю злословить, но это худо. Надо смириться передъ волею Провидѣнія. Ахъ, у меня кружится голова. Надо лечь въ постель, а то войдетъ матушка и замѣтитъ, что мнѣ дурно.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЛИСТОКЪ

Прошелъ годъ. Какой ужасный годъ! Я не знаю, принесетъ ли онъ добрые плоды въ будущемъ, но то, чему я былъ свидѣтелемъ, наводитъ меня на размышленія о суетности всякихъ земныхъ надеждъ. Равенства я что-то вовсе не замѣчалъ въ эти недѣли и мѣсяцы нигдѣ и ни въ чемъ. О братствѣ смѣшно говорить, ибо оно можетъ быть лишь во Христѣ. О свободѣ? Какая же это свобода, если мои скромныя записки я долженъ прятать такъ тщательно, рискуя своей головой, если кому-нибудь вздумается ихъ найти, прочесть и донести на меня?

А моя любовь? Она растоптана и поругана. Во имя чего? Правда, тотъ, кому я принесъ ее въ жертву, какъ будто бы пошелъ по другому пути послѣ брака съ Луизою, но какія послѣдствія! Богъ мой!

Вчера все кончилось. Онъ погибъ. Луиза свободна. Но я? Моя судьба еще ужаснѣе, чѣмъ его, и мнѣ даже трудно произнести три слова, которыя страшнѣе для меня гильотины: *она полюбила Дантона*.

Я никогда не забуду этого дня, шестнадцатаго жерминаля. Отъ воротъ тюрьмы до эшафота я слѣдовалъ въ толпѣ оборванцевъ, которые бѣжали за траурной телѣжкой, улюлюкая и ругаясь.

Вмѣстѣ съ моимъ врагомъ везли на казнь Демулэна. Бѣдняга журналистъ рыдалъ и бился въ истерикѣ, какъ женщина, и все поминать почему-то 14 июля и свою суетную опозоренную теперь трехцвѣтную кокарду. Чудакъ не понималъ, что не въ томъ дѣло, кто больше любитъ республику, а совсѣмъ въ иномъ. Но врагъ мой, укравшій мое счастье, былъ гордъ и спокоенъ—надо ему отдать справедливость. Я пожиралъ его глазами, но онъ не замѣчалъ меня вовсе. Мнѣ хотѣлось увидѣть на лицѣ его признаки страха или отчаянія. Но онъ былъ спокоенъ, какъ скала.

Такіе люди для меня загадка, и я никогда ихъ не пойму.

— Да сиди же ты смирно!—сказалъ онъ строго Демулэну и тронулъ его за плечо.—Развѣ не видишь, что вокругъ насъ лишь мерзкая сволочь?

Я слышалъ это собственными ушами. Когда мы очутились на

площади и толпа гудѣла вокругъ насъ, у меня такъ закружилась голова, какъ будто бы и меня сейчасъ должны положить подъ ножъ гильотины.

Около меня стояла торговка яблоками и кричала во все горло:
— Я всегда думала, что эта бестія—аристократъ.

Первымъ съ телѣжки сошелъ Геро-де-Сешель. Они, кажется, обнялись съ Дантономъ, но я не слышалъ, что они сказали другъ другу.

Мой врагъ взошелъ на эшафотъ послѣднимъ. Я вдругъ позавидовалъ ему. Я хотѣлъ умереть тогда вмѣстѣ съ нимъ. Почему? Можетъ быть, уже тогда у меня было въ сердцѣ зловѣщее предчувствіе.

— Дорогая! Я не увижу тебя больше!—пробормоталъ мой врагъ, озираясь.

Эти слова я слышалъ. О, эти слова не ускользнули отъ моего слуха!

Потомъ рассказывали, что онъ будто бы сказалъ, обращаясь къ палачу:—«Покажи мою голову народу—она стоитъ этого».

Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ онъ сказалъ такъ. Но я уже ничего не сознавалъ. Я только видѣлъ это изуродованное страшное лицо, которое вдругъ стало прекраснымъ.

Да, да—прекраснымъ. Это такъ. И тогда же я понялъ, что Луиза никогда не будетъ принадлежать мнѣ.

И вдругъ въ тотъ же мигъ я увидѣлъ, что мой соперникъ ищетъ кого-то въ толпѣ глазами. Я обернулся и узналъ аббата де-Керавенанъ. Онъ стоялъ съ лицомъ совсѣмъ бѣлымъ. Глаза у него такъ странно сіяли. О, Господи! Онъ поднялъ руку и благословилъ того, кто стоялъ на эшафотѣ.

Мнѣ показалось, что вокругъ ночь, а вѣдь это было всего только четыре часа пополудни, часъ, когда нація убила своего Жоржа-Жака-Дантона, вернувшись къ Господу нашему Иисусу Христу, о чемъ знали только трое—аббатъ, Луиза и я, невѣдомый ему его врагъ.

Георгій Чулковъ

МОНАСТЫРЬ

Напой душѣ слѣпой,
Пѣвучая псалтирь,
Какою тайною тропой
Приду я въ монастырь,
Гдѣ сердцу милая живетъ,
Гдѣ вешній садъ цвѣтетъ.

Ахъ, снились мнѣ не разъ
Высокая стѣна
И сверху свѣтъ крылатыхъ глазъ,
Упавшій изъ окна —
На гостя, коего у вратъ
Встрѣчалъ молчаньемъ братъ.

И снилось: вдалекѣ
Тѣнистый, мшистый одръ
Манилъ.—Я засыпалъ въ тоскѣ
И просыпался, бодръ,
На вечерѣющей зарѣ,
Подъ звонъ въ монастырѣ.

Въ игрѣ колоколовъ
Небесный хоръ звучалъ,
И въ ликованьи голосовъ —
Одинъ я различалъ...
Но таялъ сонъ, стирая съ вѣждъ
Росу святыхъ надеждъ.

Жизнь — въ дѣбряхъ путь слѣпой,
Иль пѣдолгу — пустырь...
Какою тайною тропой,
Скажи, моя псалтирь,
Напой, пѣвучая псалтирь,
Приду въ тотъ монастырь?

Вячеславъ Ивановъ

ПОВѢСТЬ О ПШЕНИЧНИКОВѢ

I

Учитель городского училища Иванъ Андреичъ Пшеничниковъ переживалъ счастливѣйшую весну. Дѣло въ томъ, что въ Егорьевъ день, 23 апрѣля, онъ рѣшился, наконецъ, открыть свои чувства Леночкѣ Плавутиной, въ которую тайно былъ влюбленъ второй годъ, и къ своей великой нечаянной радости встрѣтилъ съ ея стороны взаимность и поощреніе.

Какъ все произошло, въ какихъ словахъ вылилось признаніе—Иванъ Андреичъ плохо помнилъ, но Леночкины слова запали крѣпко и вотъ уже третью недѣлю кружили голову.

Впрочемъ и запоминать надобности не было. На другой же день, 24 апрѣля, Иванъ Андреичъ прочиталъ ихъ на доскѣ, въ классѣ. Кто-то изъ тридцати восьми сорванцовъ ухитрился быть тайнымъ свидѣтелемъ этого замѣчательнаго въ жизни Ивана Андреича событія, и, конечно, почелъ за долгъ извѣстить весь классъ:

«Иванъ Андреичъ, я такъ взволнована!!! Я согласна!!! Приходите вечеромъ!!!»

Потомъ цѣлая шеренга вопросительныхъ знаковъ, а еще ниже печатными буквами пояснено:

«Къ Леночкѣ Плавутиной».

Съ того дня классная доска приглашала Ивана Андреича къ Леночкѣ Плавутиной ежедневно.

— Дежурный, стереть,—нахмурившись, приказывалъ Пшеничниковъ. И пока дежурный вперевалку шелъ къ доскѣ и мокрой тряпкой нарочно вытиралъ по одной буквѣ, чтобы затянуть время, Иванъ Андреичъ и самъ становился мокрой тряпкой, подъ насмѣшливыми взглядами съ новою острою переживалъ все событіе отъ начала

до конца, удваивалъ вниманіе, и все-таки, не замѣчалъ никакихъ продѣлокъ, и всѣмъ ставилъ щедрыя отмѣтки.

Шель Пшеничникову тридцатый годъ, но любилъ онъ робко, какъ гимназистъ. Была у него въ характерѣ черта: неувѣренность,— нѣчто въ родѣ прирожденной болѣзни. Казалось ему, что онъ не такой, какъ всѣ, не настоящій, а такъ себѣ, и что именно поэтому его права на счастье, на удачу, тоже не такія, какъ у всѣхъ, тоже какія-то не настоящія.

Въ жизни все какъ-то не ладно получалось у Ивана Андреича. Если случалось вступать въ споры—спорять въ уѣздныхъ городахъ жестоко—всѣ хорошія возраженія приходили послѣ времени. Иной разъ—чутьочку позднѣе, ну, на какой-нибудь малый мигъ, но всегда такъ выходило, что возвращаться уже нельзя: поздно. Бывало выльзетъ Иванъ Андреичъ съ такимъ запоздалымъ возраженіемъ, а ему: — Вы что же это прошлогдній снѣгъ вспомнили...

Одинъ конфузъ.

Зато въ мечтахъ Иванъ Андреичъ одерживалъ побѣды удивительныя, былъ неуязвимъ, остроумень и значителень.

Поэтому и жилъ онъ больше мечтой, чѣмъ дѣйствительностью. Въ мечтахъ и влюбленнымъ бывалъ не разъ.

Но какъ только *она*, измѣнчивая, многолика, получила обликъ Леночки Плавутиной, обликъ совершенно опредѣленный, пришли и всегдашнія сомнѣнія, и опять Ивану Андреичу долго надо было привыкать къ мысли, что все устраивается у него не такъ себѣ, а какъ слѣдуетъ.

Надо еще сказать, что Леночка очень высоко стояла въ глазахъ Пшеничникова. И по уму, и по образованію онъ ставилъ ее неизмѣримо выше себя. Она пробыла годъ на Бестужевскихъ курсахъ, слыхала Шаляпина, за ней ухаживали интересные люди. Что для нея какой-то Пшеничниковъ, которому всю жизнь предстоитъ тянуть лямку въ уѣздномъ городѣ, и, въ лучшемъ случаѣ, сдѣлаться инспекторомъ городского училища.

И если, опуская въ почтовый ящикъ самое обыкновенное письмо, Иванъ Андреичъ всегда испытывалъ нѣкоторое опасеніе, что оно не будетъ получено по адресу, то удивительно ли, что въ серьезныхъ дѣлахъ присущая ему неувѣренность запутывала всѣ планы, заслоняла и въ высокой степени осложняла положеніе.

Городокъ стоялъ на Камѣ. По вечерамъ жители выходили на берегъ, въ городской садъ, но Ивана Андреича не тянуло туда. Ему больше нравилось сидѣть въ Леночкиномъ садикѣ.

Передъ Троицей зацвѣли сирени. Зябко пожимая плечами подъ пуховымъ платкомъ, любила Леночка перебирать руками тяжелыя свѣтлолиловыя вѣтки, искать пятилепестковое счастье и, найдя, погружать жаркое лицо въ прохладную душистую пѣну.

Нравилось Пшеничникову слушать ея короткій смѣшокъ, сморѣть, какъ встряхиваетъ она кудряшками не отросшихъ послѣ тифа волосъ.

Тѣсно прижавшись, обнимая Леночкинъ станъ, любилъ Иванъ Андреичъ испытывать сладкую добровольную муку, лишая себя законнаго удовольствія покурить.

На уснувшихъ улицахъ лѣниво таякали собаки, деревянной дробью заливались колотушки сторожей. Зинаида Петровна стучала въ столовой чайной посудой, а въ комнатѣ Виктора виолончель рассказывала о томъ чудесномъ и значительномъ, во что вѣрятъ, что ищутъ и чего никогда не находятъ въ жизни.

II

Зинаида Петровна жила на пенсію. Послѣ мужа, который служилъ въ земствѣ страховымъ агентомъ, осталось у нея четверо и свой маленькій домикъ.

Старшій Викторъ—музыкантъ, человѣкъ не отъ міра сего. Ему бы въ консерваторію, а онъ въ институтъ гражданскихъ инженеровъ. Учиться не учится, а такъ, торчитъ третій годъ на первомъ курсѣ. И все молчитъ. То цѣлыми днями, безъ пояса, въ туфляхъ на-босу ногу, безъ толку шляется дома, то вдругъ на недѣлю пропадетъ рыбачить. Случалось, запивалъ. Но и пилъ молча. Ивану Андреичу съ нимъ всегда какъ-то не по-себѣ. Молчать неловко, говорить—ничего не выходитъ.

Въ Леночкѣ было что-то такое, едва уловимое, что ее роднило съ Викторомъ. Внѣшне это выражалось въ отсутствующемъ, блуждающемъ взглядѣ, въ безпричинной неумѣстной улыбкѣ. Была у нея еще странность—загадка для Пшеничникова: тихая, застѣнчивая, она вдругъ становилась сорванцомъ, задирой, злой на языкъ, начинала высмѣивать и себя, и Ивана Андреича, и ожидающее ее съ Пшеничниковымъ счастье. Это было неестественно, не вязалось съ общимъ представленіемъ о ней, и это пугало Пшеничникова. Въ такія минуты онъ уходилъ отсиживаться къ младшимъ сестрамъ—Олѣ и Шурочкѣ, или же заводилъ разговоръ съ Зинаидой Петровной.

Утромъ въ Духовъ день Иванъ Андреичъ и Леночка отправились въ деревню Мохнаткино, къ знакомому мужику Порфирію—очень ужъ онъ соблазнялъ деревенскимъ весельемъ.

Путь лежалъ берегомъ Камы. На томъ берегу—луга, болота, озера—безлюдье на много версть. А здѣсь—поля, деревушки, опрокинутая борона на полосѣ. Даже въ ельникахъ чувствуется близкое человѣчье жилье.

Рожь высокая, еще не выцвѣла, а яровые тянутся въ трубку. Около деревень виднѣются сквозные изъ жердей иконостасы, накрытые бѣлымъ столами. Толпится умытый причесанный людъ. Въ поляхъ служатъ молебны.

Вотъ показалась вдали длинная вереница. Впереди—мальчишка съ фонаремъ, за нимъ мужики; на длинныхъ древкахъ золотятся хоругви. А тамъ и бабы, и мужики, и дѣти. И тянутся, тянутся по дорогѣ.

Приѣдетъ суетливый батюшка, охрипшимъ теноркомъ наскоро отхватаетъ молебенъ и, окропивъ святой водой мужичьи головы, полѣзетъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать дальше.

Большой, радующій праздникъ—Земля Именинница.

Снизу идетъ большой бѣлый пароходъ, весь убранъ зелеными березками. По-лѣтнему одѣтые мужчины, нарядныя женщины—гсѣ столпились на ближней сторонѣ; темнѣютъ бинокли, мелькаютъ пятки.

И здѣсь праздникъ.

Въ воздухѣ жарко. У Леночки раскраснѣлось лицо, на лбу капельки пота, около носа выступили веснушки.

— Сядемъ,—предлагаетъ она.

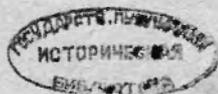
— Вонъ тамъ, на мысочкѣ.

Подъ обрывомъ зеленая лощинка—большая тарелка съ отбитымъ краемъ. Леночка сейчасъ же кувыркомъ на самое дно. А тарелка ужъ была въ употребленіи—дно только издали зеленое: въ травѣ бумага, окурки, подсолнухи. Все захватано, заплевано.

— Не хочу здѣсь.

Леночка выбѣгаетъ изъ тарелки и падаетъ въ зеленую траву. Откалываетъ шляпу и замахивается на сердитаго толстаго шмеля. Шмель густо гудитъ и, улетающій подъ обрывъ, долго виднѣется, толстый и темный.

Иванъ Андреичъ снимаетъ тужурку и бросаетъ рядомъ съ Леночкой. Подложивъ руки подъ голову, навелъ клинчикъ своей мо-

чальной бородки на бѣлое облачко, похожее на бѣлаго медвѣдя и блаженствуетъ.

Зеленая рожь тянется къ обрыву. Хочется ей дотянуться, полюбоваться на себя въ Камѣ, взглянуть на луговое безлюдье. Зарѣчный вѣтеръ не мало разсказалъ ей жуткихъ сказокъ про лѣшихъ, про тоскливую выпь птицу, про разную болотную нечисть.

Леночка украдкой протягиваетъ руку, захватываетъ жиденькій усъ Пшеничникова и, смѣясь, тащитъ къ себѣ.

— Уси-шки!

Ивану Андреичу больно, но онъ крѣпится, покоено слѣдуетъ за Леночкиной рукой.

— Я раньше такъ папу таскала, а онъ: амъ! амъ! И я очень пугалась. Очень!

Ивану Андреичу досадно, что онъ не догадался такъ поступить. Развѣ плохо напугать Леночку, а потомъ поймать шаловливую руку и покрыть поцѣблукми.

А шаловливая рука снова подкрадывается и снова тянетъ.

— Уси-шки!—стиснувъ зубы, словно бы съ досадою, говоритъ Леночка.

• Не помня себя отъ боли, Пшеничниковъ начинаетъ руками освобождать плѣнный усъ, но тонкіе Леночкины пальцы точно изъ стали.

— Уси-шки,—торжествуетъ она.—Уси-шки. Уси-ш-кэ! Проси пощады.

Надо: «амъ! амъ!»—думаетъ Пшеничниковъ, но вмѣсто этого, чуть не плача, говоритъ:

— Вѣдь больно же. Чортъ... Съ ума сошла.

— А... Вотъ вы какъ!

Леночка освобождаетъ плѣнную растительность Пшеничникова и обиженно молчитъ.

У Ивана Андреича на лицѣ досада на свою недогадливость. Всегда вотъ такъ презѣваетъ. Ахъ, тюлень, тюлень!

— У тебя глаза злые,—говоритъ Леночка.—Не смѣй сердиться.

— Я не сержусь,—отвѣчаетъ Пшеничниковъ.

— Сердишься,—произноситъ Леночка убѣжденно:—покажи глаза... Ну, конечно, злые...

— Лена, честное слово...—Пшеничниковъ въ волненіи приподнимается и бьетъ себя въ грудь:—Честное слово, Лена. Ты же знаешь, кака у меня подлая рожа.

— Подлая?

— Ну, да... Такое иной разъ изобразить, о чемъ и въ мысляхъ не было.

— Неужели? Такъ-таки совсѣмъ тебя и не слушается?

Иванъ Андреичъ молчитъ.

— И зеркаломъ твоей души совсѣмъ не желаетъ быть?—допытывается Леночка насмѣшливо.

— Отчего бы это, Ваничка?

— Отчего, отчего... Почемъ я знаю—отчего. Спроси у осины, отчего у нея такая подлая дрожь.

Леночка смѣется тихимъ знающимъ смѣшкомъ.

— Ну, успокойся, милый ты мой. Вѣдь я тебя очень люблю,—говоритъ Леночка, цѣлуя его.—И глаза люблю. Черные злые уголки, любимые мои,—продолжаетъ она.—Уголки люблю и усишки люблю, и губы люблю, а носъ не люблю. Онъ у тебя, Ваня, какъ у гоголевскаго маюра Ковалева, точно въ пирогъ побываль.

Иванъ Андреичъ улыбнулся.

— У твоего брата, Ваня, глаза такіе же—черные уголки?

— Нѣтъ, синіе. Онъ въ мать.

— Такъ она синеглазая?—удивилась Леночка:—я, вѣдь, такъ и представляла себѣ твою старушку. Старенькая, морщинистая, добрая и синеглазая. И еще ворчунья. Правда?

— Конечно.

— И неграмотная?

— Да.

— Ну, вотъ, ни чуточку?

— Ни чуточку.

— И поворчать любить?

— Да ужъ любить. Ты это скоро на себѣ испытаешь.

— Серьезно, Ваня, ты непременно долженъ мнѣ показать твою старушку. Пускай она приѣдетъ къ намъ осенью, какъ только мы повѣнчаемся. А то еще лучше—мы вмѣстѣ лѣтомъ съѣдимъ. Я отпускъ возьму. Вотъ славно-то будетъ. Во всѣхъ твоихъ поляхъ побываемъ. На сѣнокосъ поѣдемъ, землянику будемъ ѣсть. Что же ты молчишь? Испугался? Или ты почему-либо не хочешь, чтобы я поѣхала?

— Да нѣтъ же,—поспѣшно возразилъ Иванъ Андреичъ.—Я писалъ брату. И онъ и мать, очень рады, и хотѣли бы тебя видѣть. Но тебѣ будетъ неудобно. У брата простая мужицкая изба, дѣти.

— Пустяки, пустяки. И слушать не хочу. И мы сегодня же напишемъ твоей матушкѣ.

— Какъ хочешь, но только...

— Ладно, ладно. Опекунъ какой, подумаешь. Да, если нужно, я могу жить и въ городѣ. Вѣдь ты говорилъ, до города отъ вась три версты. Чего же лучше?

— Да поѣдемъ, поѣдемъ. Я очень радъ.

— А я ужъ и полюбить успѣла твою старушку. Почему у тебя нѣтъ ея фотографіи?

— Право, не знаю. Дѣйствительно, странно, что нѣтъ.

— Ну, вотъ, видишь, какой ты,—упрекнула Леночка и наклонилась къ нему, понизивъ голосъ.—Я ее недавно видѣла, Ваня, во снѣ. Будто выходитъ она изъ церкви. Платокъ черный, кофточка—бѣлымъ горошкомъ, коричневая. Въ рукѣ просвирка, а рука морщи-инистая. Отломилъ кусочекъ просвирки и даетъ мнѣ: «ѣшь, говоритъ, со Христомъ»—Леночка засмѣялась.—Такъ это у нея хорошо вышло: «ѣшь со Христомъ, да помолись, говоритъ, за рабу Божью»... Господи, да вѣдь она мнѣ имя свое сказала...

Леночка ухватила Пшеничникова за плечо и начала тормозить:

— Ваня, да говори же, какъ ее зовутъ?

Иванъ Андреичъ густо покраснѣлъ.

— Да-ну, скорѣе.

— Ну... Дарья Матвѣевна,—съ трудомъ выдавилъ онъ.—Какъ ты меня затормозила, право.

Сказалъ и понялъ, что это невѣрно, что настоящее имя матери крѣпко позабылось. Не Дарья и не Матвѣевна даже, а Петровна. И не было смѣлости сознаться въ этомъ.

Смущенный, растерянный, Пшеничниковъ судорожно цѣплялся памятью за необорванные еще нити, связывающія его съ роднымъ домомъ и, какъ утопающій, чувствовалъ, что напрасно.

— Нѣтъ, ту не такъ зовутъ,—грустно отозвалась Леночка.

Въ напряженной погонѣ уходили мгновенья, и уже — понялъ Пшеничниковъ—нельзя, поздно исправить ошибку.

— Да, очень хорошо помню: «ѣшь со Христомъ, да помяни, говоритъ, рабу Божью...»—продолжала Леночка.—Но только не Дарья. Иначе.

Большой толстый шмель гудѣлъ надъ самымъ ухомъ Леночки, хотѣлъ сѣсть на розовый краешекъ его, но раздумалъ и сѣлъ на медуницу. И какъ только умолкъ, присосавшись къ цвѣтку, сейчасъ же стало ясно, что шмелиное густое гуденіе сливалось съ псаломщичьимъ басомъ, такимъ же густымъ и невнятнымъ издалека, съ полуслыша подхватывающимъ неслышные батюшкины возгласы.

— Въ одинъ тонъ жарять,—улыбнулся Пшеничниковъ.

— Кто?

— Шмель и псаломщикъ.

Леночка приподнялась.

— Ну, что же пойдѣмъ къ Порфирію или не стоитъ?

— Мнѣ что-то не хочется, Лена,—сказаль Пшеничниковъ устало.—

Тамъ надо разговаривать.

— И мнѣ не хочется.

Золотомъ горять на солнцѣ хоругви, покачиваются древки въ мужичьихъ рукахъ. Задвигалась толпа, заколыхались праздничныя головы: мужичьи—причесанныя, бабьи—въ яркихъ платкахъ. И всѣ двинулись—одни по дорогѣ съ иконами, другіе по домамъ. Кончился молебенъ, и опять на мѣстѣ, гдѣ чернѣла толпа, только сквозной иконостасъ изъ жердей, да столикъ, накрытый бѣлымъ. А въ воздухѣ—торжественное, послѣмолебенное.

Большой, радующій праздникъ—Земля Имениница. Въ городѣ не знаютъ такого.

— Ваня, до твоей деревни тысячу верстъ будетъ?—спрашиваетъ Леночка.

— Не знаю, должно быть, больше.

— Какъ странно. Можно лежать здѣсь и знать, что дѣлается за тысячу верстъ. Вѣдь у васъ тоже теперь вся деревня въ полѣ?

— Да, вѣроятно.

— Ты о чемъ думаешь, Ваня? О родныхъ, о матери?

— Такъ, ни о чемъ,—неохотно говоритъ Пшеничниковъ.

— Тебѣ какъ-будто непріятно, что я спрашиваю объ этомъ?

— Съ чего ты взяла?

— А отчего ты сталъ невеселый?

Но ему, въ самомъ дѣлѣ, непріятно. Онъ тщетно силится вспомнить, цѣпляется памятью за всѣ черточки, за всѣ мелочи, но уходитъ мгновение за мгновениемъ, а забытое имя, точно тучами, заволакивается постороннимъ.

Леночка вдругъ вскочила и всплеснула руками.

— Ваня, ты сказаль—Дарья Матвѣевна. А какъ же ты говорилъ раньше, что дѣда твоего по матери зовутъ Петромъ? А? Помнишь, ты мнѣ рассказываль: приходятъ мужики изъ города и говорятъ: «Дѣдъ Петра лошадь потеряль, убивается больно»...

— Это кобылу-то, Буреху?—совершенно уничтоженный, переспрашиваетъ Пшеничниковъ.

— Ну, да Буреху. Какъ же это такъ? Потрудитесь объяснить.

— Не понимаю, какъ это могло быть,—говоритъ онъ смущенно, вспотѣвъ и заикаясь:—Конечно, Петровна, а не Матвѣевна. Очень ты меня затормошила, Лена.

— Значить, Дарья Петровна?

— Да,—съ отчаяніемъ соглашается Пшеничниковъ, чувствуя, что завязъ во лжи, какъ муха въ вареньѣ.

«Петровна-то, Петровна. Это вѣрно, что Петровна,—думаетъ Иванъ Андреичъ, вытирая лобъ и лицо.—Но имя-то какъ же? Ахъ, ты, Господи!»

Леночка смѣется:

— Дѣдъ—Петръ, а мать—Дарья Матвѣевна... Свое-то имя еще не забылъ?

— Нѣтъ, не забылъ. Мальчишки въ классѣ часто напоминаютъ. Да вотъ ты еще,—выдавилъ Иванъ Андреичъ смущенную улыбку.

И даже пошутилъ:

— Зато твое твердо помню.

— Ахъ, вотякъ, вотякъ!—смѣется Леночка.

Широко распластавъ крылья, плаваетъ въ небѣ сѣрый хищникъ и все видитъ зоркими своими полевыми глазами.

Зашепталась рожь на берегу, и побѣжалъ шопоть черезъ все поле къ околицѣ, волнуя зеленое море хлѣбовъ. Потянуло изъ-за Камы зарѣчнымъ свѣжимъ вѣтеркомъ.

Хорошо въ полѣ, а Ивану Андреичу божій свѣтъ не милъ. Неспойно ему, невесело. Пала на душу ржавчина и точитъ потихоньку, разѣдаетъ.

— Ахъ, вотякъ, вотякъ,—все еще смѣется Леночка.

Потомъ обрываетъ смѣхъ, потягивается и озабоченно говоритъ:

— А вѣдъ Порфирій-то ждетъ, пожалуй, обидится. Не пойти ли?

— Нѣтъ, Лена, не могу. Голова болить,—отговаривается Пшеничниковъ.

III

Вечерній чай у Плавутиныхъ, обыкновенно, собираетъ всю семью. Зинаида Петровна любитъ посидѣть за чайнымъ столомъ, посмѣяться, посудачить. Облаченная въ широкіи ситцевый капоть, она кудахчетъ, какъ добрая отдыхающая насѣдка. Смородиновое и малиновое варенье не переводится у нея круглый годъ. По праздникамъ подаются пирожки съ мясомъ и яйцами, въ будни—сдобныя булочки. Очень вкусный у Зинаиды Петровны чай.

Иванъ Андреичъ—ея неизмѣнный компаньонъ и собесѣдникъ. Зинаида Петровна наливаетъ ему чаю въ такую же, какъ у нея, ширскую вмѣстительную чашку съ синими разводами. Въ послѣднее время домочадцы Зинаиды Петровны всѣ вразбродъ. Оля и Шуречка пропадаютъ въ городскомъ саду—не жди до одиннадцати, а Викторъ приходитъ и на разсвѣтѣ.

Зинаида Петровна одна за самоваромъ.

— Разбѣжались, какъ тараканы передъ пожаромъ,—ворчить она вслухъ.—Тоска-то какая, право.

Иванъ Андреичъ въ комнатѣ Леночки. Пишетъ брату письмо, извѣщаетъ о прїѣздѣ своемъ съ невестой. Не приходитъ на память забытое имя, а вспомнить надо: Леночка хочетъ сдѣлать отъ себя приписку *Дарья* Петровнѣ. Какъ помѣшать?

Въ пухлыхъ рукахъ Зинаиды Петровны шуршитъ газетный листъ, просмотрѣнный отъ начала до конца, долетаютъ изъ-за перегородки тоскливые вздохи.

— Иванъ Андреичъ, Лена, да будетъ ужъ вамъ, право,—зоветъ она,—еще успѣете отошнѣть другъ дружкѣ.

— Сейчасъ, мама,—отвѣчаетъ Леночка.—Мы письмо пишемъ.— И обращается къ Ивану Андреичу:—Ты кончилъ? Ну, теперь я.

Беретъ перо, минуту думаетъ, потомъ быстро водить по бумагѣ. Вотъ уже исписала полстраныцы. Стопъ. Точка. Перечитываетъ.

Иванъ Андреичъ смотритъ на Леночкину упрямую шею и тѣ три родинки—двѣ на щекѣ, пониже уха, одна на шеѣ—которыя такъ волновали его, при взглядѣ на которыя всегда вспоминалось Пшеничникову кипяченое молоко съ коричневыми пѣнками—эти вкусныя родинки возбуждаютъ теперь въ немъ все усиливающееся злобное отвращеніе.

— Смотри. Хорошо такъ?

Иванъ Андреичъ беретъ листокъ и холодѣетъ. Ну, конечно, такъ и есть: не могла обойтись безъ личнаго обращенія... «Дорогая Дарья Петровна»... И «во свѣ видѣла!» и «полюбить успѣла».

— Ладно,—отвѣчаетъ Пшеничниковъ.

А про себя рѣшаетъ: «Сегодня же напишу другое, это порву». Леночка достаетъ конвертъ.

— Пиши адресъ.

Иванъ Андреичъ пишетъ адресъ. Леночка запечатываетъ письмо, наклеиваетъ марку и кричитъ за перегородку:

— Налей намъ, мама, сейчасъ идемъ.—И уже въ дверяхъ, на ходу, сообщаетъ матери:—Вотячекъ-то мой забылъ, какъ мамашу величаютъ.

Зинаида Петровна вся затряслась отъ беззвучнаго смѣха. Ротъ до ушей, глаза щелочками—какъ есть засмѣявшаяся луна.

Иванъ Андреичъ молча пьетъ чай. Торопится. Плохой онъ нынче компаньонъ для Зинаиды Петровны. Только-только успѣла она отсмѣяться и начать приличный случаю разговоръ на тему о нынѣшнихъ дѣтяхъ, о томъ, какъ нелегко нынѣшнимъ родителямъ, а онъ ужь и бѣжать. Леночка поднялась проводить. И опять Зинаида Петровна осталась одна за самоваромъ. Что съ ними, съ нынѣшними, подѣлаешь?

IV

Еще рано, нѣтъ и одиннадцати, а на улицахъ пусто. По деревяннымъ тротуарамъ гулко стучать каблуки одинокихъ прохожихъ. Деревянной дробью заливаются колотушки сторожей. Изъ сада доносится глухой грохотъ кегельбанныхъ шаровъ. Какъ далекий громъ катятся заглушенные разстояніемъ деревянные звуки и каждый разъ кончаются сухимъ трескомъ точно вразбродъ стрѣляютъ изъ многихъ пистолетовъ.

За Камой всходитъ блѣднорогій мѣсяць.

«Деревянные дома деревянные звуки—думаетъ Иванъ Андреичъ.—О, Господи, какая тоска... И люди деревянные... Вотъ и Леночка тоже...»

Да, Пшеничниковъ ясно видитъ теперь, что и она не такая, какую рисовалась въ мечтахъ.

— Надо зайти въ аптеку,—говоритъ Леночка,—купить аспирину.

— Лишнее,—бурчитъ Пшеничниковъ.

Никогда еще не случалось ему чувствовать къ Леночкѣ такое раздраженіе. Ея настойчивость становилась нестерпимой.

— Совсѣмъ не лишнее. Опять не уснешь всю ночь, а завтра экзамень. Кстати, и письмо надо опустить.

— Я опущу,—несмѣло предлагаетъ Иванъ Андреичъ.—А аспирина у меня есть. Иди домой, Лена.

— Да что ты мной распоряжаешься,—возмущенно вспыхнула Леночка:—вовсе я не хочу домой. Еще въ садъ пойду. Еще на лодкѣ поѣдемъ.

Баста. Рухнула послѣдняя надежда. Письмо будетъ опущено.

Вотъ и аптека. Леночка молча идетъ къ почтовому ящику. Иванъ Андреичъ, какъ на салазкахъ передъ прорубью, какъ во снѣ: чувствуетъ, понимаетъ весь ужась, а помѣшать не можетъ. Вотъ Леночкина рука приподнимается съ конвертомъ.

Въ свинцовомъ мозгу только это и стояло: «завтра повѣрить». Догадался еще, что ускользящее юркое слово—съ буквы ли А оно начинается, или съ другой какой,—непремѣнно напечатано во Всеобщемъ Календарѣ, среди православныхъ женскихъ именъ. А Всеобщій Календарь всегда имѣется у переплетчицы Родіоновой—жаль, будить неловко. Иванъ Андреичъ знаетъ даже, гдѣ онъ лежитъ: на верхушкѣ шкапа, гдѣ пыль и тараканьи яйца. Куча тамъ старыхъ календарей, лѣтъ за пятнадцать.

За перегородкой скрипнула кровать. Родіонова простонала го съ и долго что-то бормотала на непонятномъ языкѣ непроснушагося человѣка.

«Сейчасъ встанетъ пить,—обрадовался Пшеничниковъ и притаилъ дыханіе.— Попрошу календарь».

Но вмѣсто ожидаемыхъ вздоховъ и шаговъ опять послышалось ровное, съ присвистомъ, всхрапываніе.

V

Утромъ Пшеничниковъ проснулся въ очень дѣловитомъ настроеніи. Онъ выбрился, умылся, какъ будто ничего и не случилось, и сталъ пить чай. Съѣлъ, по обыкновенію, два яйца. И хотя Родіонова каждую минуту могла подать Всеобщій Календарь—почему-то заупрямился передъ собою и не захотѣлъ спрашивать его за чаемъ, какъ рѣшилъ наканунѣ. Напиешисъ чаю, надѣлъ тужурку и строго оглядѣлъ себя въ зеркало. Вышелъ, озабоченно посвистывая.

Инспекторъ Никаноръ Васильевичъ уже теребилъ въ учительской, прищурившись въ уголь голубыми глазками, короткую свою бороду. Бѣлая, очень пухлая рука, непрерывно двигала большимъ и указательнымъ пальцами, точно большая улитка рожками.

Мрачный Олюнинъ, маленькій чернѣйшій человѣчекъ, похожій на ежика, которымъ чистятъ ламповыя стекла, удивлявшій учениковъ обыкновеніемъ вытирать о свои волосы запачканную чернилами линейку—тасоваль билетки.

Очень былъ непонятный человѣкъ, этотъ Олюнинъ. Онъ умѣлъ ходить на рукахъ—разъ на пари сдѣлалъ въ залѣ десять круговъ,—бралъ руками живыхъ гадюкъ, рассказывалъ въ классѣ неприличные анекдоты и никогда не смѣялся, развѣ ужъ очень пьяный. А то вдругъ возьметъ съ учениковъ торжественную клятву молчанія и прочтетъ захватывающую лекцію о Народной Волѣ, о декабристахъ или дворцовыхъ тайнахъ екатерининскаго времени. Все это, конечно,

было извѣстно и Никанору Васильевичу. Не разъ онъ указывалъ Олюнину на неудобство такого поведенія, но всегда получалъ самый рѣшительный отпоръ. Жаловаться же не хотѣлъ. Мѣсяца четыре они совсѣмъ не разговаривали. Это началось съ тѣхъ поръ, какъ Олюнинъ сталъ приходить въ классъ съ маленькой собачонкой, Гамкой, въ кулакъ величиной, которую онъ приносилъ, обыкновенно, за пазухой. Придетъ, посадить на столъ, рядомъ съ журналомъ и заставляеть спрашивать уроки.

Дѣлалось это такъ. Олюнинъ молча указываетъ, кого надо, пальцемъ, Гамка начинаетъ урчать, а ученикъ встаетъ и отвѣчаетъ.

Заминокъ и паузъ эта маленькая злая собачонка положительно не выносила.

Забава эта продолжалась недѣлю, потомъ Гамку кто-то укралъ.

Ивану Андреичу случалось бывать у Олюнина, и каждое посещение сопровождалось скандальнымъ сюрпризомъ. Одинъ разъ Олюнинъ показалъ Ивану Андреичу негативъ снимка съ собственной голой жены, въ другой разъ заставилъ плясать въ присядку. Пшеничниковъ чувствовалъ невольное уваженіе къ этому мрачному маленькому человѣку, умному и, безъ сомнѣнія, глубоко одаренному, но злыхъ чудачествъ его не понималъ.

При появленіи Пшеничникова Никаноръ Васильевичъ оторвался прищуренными глазками отъ угла, улыбнулся и предложилъ начинать.

Онъ увѣренно сѣлъ на предсѣдательское мѣсто, придвинулъ къ себѣ списки и вызвалъ девятнадцатаго по алфавиту—Подыниногина. Разбивъ Подыниногинымъ алфавитъ на двѣ равныхъ части, онъ сталъ вызывать попарно, съ такимъ расчетомъ, чтобы послѣдней восемнадцатой парой, сошлись у стола Афанасьевъ и Юкляевъ—А и Ю алфавита.

Ученики знали предметъ и отвѣчали бойко, но на слѣпой картѣ, съ указкой въ рукахъ, многіе сбивались: плутали на Кавказѣ, путались въ верховьяхъ Волги, произвольно расширяли границы Донской области.

Олюнинъ мрачно молчалъ. Никаноръ Васильевичъ пощипывалъ бороду и щурилъ голубые глазки, Пшеничниковъ всячески комбинировалъ имена и фамиліи учениковъ, подстерегая ускользавшее словечко. Отъ этихъ упражненій у него опять заломило въ вискахъ. Онъ едва дождался конца и пошелъ къ Плавутинымъ.

— Что такое, объясните, въ чемъ дѣло,—встрѣтила его Зинаида Петровна, озабоченная и неласковая.

Пшеничниковъ очень искренно, путаясь, краснѣя, потѣя, разска-
заль все. Она обрадованно засмѣялась, крикнула за перегородку:
«Лена!», но Леночка не вышла.

— Это неправда, мама,—сказала она оттуда.—Онъ вретъ...
Я ненавижу его.

— Брось дурить,—строго сказала Зинаида Петровна.—Что ты
мучишь человѣка.

— Оставь, мама.—За перегородкой послышалось всхлипываніе.

— Завтра приходите,—шопотомъ сказала Зинаида Петровна:—
ничего, все перемелется.

Послѣ обѣда, въ жилеткѣ и носкахъ, Пшеничниковъ лежалъ
на кровати и перелистывалъ календарь. Набѣжалъ теплый дождикъ.
Капли, ударявшіяся о подоконникъ и о створку окна, мелкой пылью
сыпались въ комнату, на кровать и на лицо. Но Пшеничникову лѣнь
было закрывать окно. Молодая листва черемухъ подзадоривающе
шумѣла и шелталась съ дождемъ: «сыпь веселѣе!» Желѣзная крыша
барабанила, стучала отъ вѣтра половинка окна. Пришлось встать
и закрыть.

На букву А не нашлось ни одного подходящаго имени, и всѣ
другія буквы ничего не говорили ни сердцу, ни уму, точно чужая
пестрая бабья толпа. Въ этой равнодушной толпѣ маленькимъ чув-
ствоваль себя Пшеничниковъ, потерявшимся, точно ему семь лѣтъ
и онъ отсталъ отъ матери на базарѣ.

Дождикъ прошелъ. Солнце прорвалось сквозь разлѣзшуюся
вату облачковъ, уронило на столъ закатный огонь, обожгло на стѣнѣ
босыя ноги рѣпинскаго Толстого. Съ крыши капало въ деревянное
ведро.

Иванъ Андреичъ бросилъ ненужный календарь и открылъ окно
въ садъ. Кто-то невидимый ласково дыхнулъ ему въ лицо душистымъ
влажнымъ черемуховымъ тепломъ, и это ласковое дыханье сразу на-
полнило комнату.

Лежа животомъ на подоконникѣ, Пшеничниковъ курилъ и ще-
коталъ лицо мокрой вѣткой. Отцвѣтающія черемухи сверкали ка-
пельками дождя, трава зелено оправлялась, и всюду бѣлѣли мок-
рая осыпавшіяся снѣжинки черемуховаго цвѣта.

Мохноногая оранжевая курица выбѣжала изъ кустовъ, отрях-
нулась, взметнувъ облачко пыли, и бѣгомъ пустилась по мокрой
травѣ. За ней, хлопнувъ крыльями, лихо выскочилъ черный пѣтухъ
и пустился догонять; за пѣтухомъ, охорашиваясь на ходу, высыпало
полдюжины нарядныхъ курочекъ.

«Надо чай пить,—рѣшилъ Пшеничниковъ.—Никуда не пойду, можетъ, заболѣю».

Ему очень хотѣлось сильно заболѣть, чтобы Леночка пришла, выслушала и повѣрила.

— Нельзя ли мнѣ самоварчикъ, Анна Павловна,—крикнулъ онъ за перегородку.

— А у меня и готовъ,—отвѣтила та, поднимаясь.

Это была вдова, сестра переплетчицы. Она исполняла всю домашнюю работу, ходила на базаръ; въ свободное время помогала Родіоновой переплетать книги. Тихое, монашеской складки существо.

— А у меня и готовъ,—повторила она, входя съ самоваромъ,— Тепло-то какое... благодать-то какая!—запѣла она, разставляя посуду.—Ужъ истинно, отъ Боговыхъ щедротъ. Ужъ такъ для яровыхъ хорошо! А вы, глико-те, дома. Грѣшно, вѣдь.

— Нездоровится,—отвѣчалъ Пшеничниковъ.

— Можетъ, въ аптеку надо зачѣмъ?

— Нѣтъ, не надо. А вотъ въ лавку бы, коньяку купить да лимонъ.

— А схожу, схожу сейчасъ.

— Да еще табаку и гильзъ.

— А сейчасъ, сейчасъ. Коньяку-то четвертинку брать?

Самоваръ старый, красной мѣди, веселый пузатый балагуръ. Иванъ Андреичъ въ послѣднее время совсѣмъ измѣнилъ ему, и самоваръ радуется, точно стосковавшійся старый пріятель, которому есть что поразсказать. Но Пшеничникову не до того... Какъ глупо, какъ мучительно глупо все вышло... Ну, почему бы ему не разсказать все, когда она дѣлала приписку. Вѣдь пришлось же потомъ сознаться. Ахъ, какъ глупо. Только у такого урода, какъ онъ, и могло такъ нелѣпо получиться.

— Уродъ нелѣпый,—бранилъ себя Пшеничниковъ:—психологическій абсурдъ...

Психологическимъ абсурдомъ выругалъ разъ одного ученика Олюнинъ. Пшеничникову очень это понравилось, и теперь онъ рѣшилъ, что эти слова очень хорошо характеризуютъ его.

Но все-таки, какъ же онъ могъ забыть? Какъ же это могло случиться?

Есть дядья, есть тетки, есть двоюродные сестры, племянники, племянницы. И вотъ всѣхъ же, всѣхъ помнить Пшеничниковъ по именамъ. И тѣхъ, что живы, и тѣхъ, что умерли. И у кого какой голосъ,—и у кого какое лицо.

А вотъ мать забылъ.

Сколько было на памяти Пшеничникова свадебъ, престольныхъ и всякихъ другихъ праздниковъ. Вѣдь называли же ее какъ-нибудь на этихъ праздникахъ. А задравныя поминанья... Мало ли ихъ приходилось ему, Пшеничникову, писать.

Опять доносятся изъ сада глухіе раскаты кегельбанныхъ шаровъ, и опять сухой трескъ пистолетныхъ выстрѣловъ. За Камой, на свѣтломъ еще небѣ, точно прикушенное, выцвѣтшее мѣсто на голубомъ ситцѣ, начинаетъ слабо очерчиваться блѣдная подковка мѣсяца. Иванъ Андреичъ выпиваетъ стаканъ чаю, крѣпко разбавленнаго коньякомъ, и идетъ къ окну искать прохлады.

Голова кружится. Вспоминается родной домъ, сосѣди, вся деревня. Двадцать восемь дворовъ.

Иванъ Андреичъ мысленно стучится въ каждый домъ, по порядку, съ одного конца до другого, точно десятскій, окликаетъ хозяевъ и вспоминаетъ не только имена, фамиліи, прозвища, но и у кого какая шапка, какой полушубокъ, какая лошадь, дуга, сани, какая изба, баня, овинъ, огородъ. Вспоминаетъ, какой у кого имѣетъ вкусъ хлѣбъ, какой—квасъ, точно вчера пробоваль.

Всѣхъ помнитъ, никого не забылъ. А мать забылъ. И даже лицо материно туманно. Губы, носъ, морщинки подъ глазами—еще всплываютъ въ памяти, а все вмѣстѣ, самое-то главное, безъ чего нельзя представить живого человѣческаго лица, ускользаетъ, расплывается, какъ неясная фигура всадника, случайно ухваченная взглядомъ среди быстро бѣгущихъ облаковъ.

Въ комнатѣ темно. Мѣсяць всходитъ выше, смотреть въ окно. Иванъ Андреичъ пьетъ остывшій чай, накидываетъ на себя пальто, хватается шляпу и бѣжитъ на крылечко. Садится на верхней ступенькѣ. Курить. Мокрая трава на дворѣ блеститъ отъ луннаго свѣта. На улицѣ, подъ ногами прохожаго, влажно шуршитъ песокъ. На колокольнѣ отбиваютъ часы. Въ размѣренные удары врывается ухающий пароходный гудокъ и покрываетъ всѣ звуки. Разбуженная тишина трижды откликается эхомъ и долго не можетъ успокоиться.

«Все помню, ничего не забылъ,—шепчетъ кто-то за Пшеничкова:—Кочки въ поскотинѣ помню. Кладбище коровье... Н-да».

Рядомъ, у секретаря земской управы Долгополова, завыла собака. Караульщикъ Потапъ угрожающе застучалъ колотушкою и заскрипѣлъ влажнымъ пескомъ. Собака перестала выть, но черезъ минуту начала опять. Потапъ остановился шагахъ въ пяти отъ Пшеничникова и, сквозь зубы, сдавленно, прохрипѣлъ:

— На свою голову, стерва. Чтобъ ты сдохла!

Сплюнуль и добавиль громче:

— Па-ди-на!

И опять сердито застучаль.

«Нѣтъ, такъ ничего не выйдетъ,—съ тоскою подумаль Пшеничниковъ.—Пойду къ себѣ».

Раздѣваясь, онъ слышаль, какъ въ сѣняхъ скрипнула половица, стукнуль запоръ. Шаркають туфли-шлепанцы Анны Павловны. За стѣною слышится прерывистый шопоть, вздохи. Такъ не шепчетъ человѣкъ человѣку. Это Родіонова молится на ночь.

«Сейчасъ уснуть»,—позавидоваль Пшеничниковъ.

Опять пришло въ голову, что хорошо бы заболѣть, только сначала вспомнить имя матери. Тогда Леночка придетъ и выслушаетъ, выслушаетъ и пойметъ. Пойметъ и простить.

Мѣсяць и мысли мѣшали уснуть. Иванъ Андреичъ всталъ и занавѣсилъ окна: одно тужуркой, другое одѣяломъ. Но мѣсяць нашель лазейку и въ одѣялѣ. Куда отъ него спрячешься?

И надъ Охупкинымъ этотъ же мѣсяць. И мать, можетъ быть, тоже не спитъ. Думаетъ.

...Степанида? Марья? Федосья? Наталья?

Нѣтъ.

Родила, ласкала, кормила, исполняла капризы. «Попляши, мама!»—и плясала. И пѣсни пѣла. И сказки рассказывала. Самый близкій человѣкъ, самое дорогое существо на свѣтѣ, а онъ—ну, не странно ли?—лежить и примѣриваетъ къ ней чужія имена, какое къ лицу. Самый близкій, самый дорогой человѣкъ на свѣтѣ, а онъ ни разу и не вспомнилъ, какъ слѣдовало бы, не подумаль, не пожалѣль. Смѣшно сказать: о чужихъ совѣмъ, о школьныхъ сторожахъ какихъ-нибудь, чаще вспоминаль и теплѣе.

Когда-то бываетъ именинница. Когда-то лѣтомъ. А когда? Сколько лѣтъ не бываль дома, и ни разу не подумаль поздравить съ днемъ ангела. Аккуратно посылаль брату деньги и ни разу—подарка для матери. Хэтъ бы какой-нибудь рублевый платокъ привезь, ситцу прислаль на кофточку... И вотъ, даже имя не можетъ вспомнить.

Во всѣ времена были люди, которые оставляли отца и мать, шли на страданія, на смерть. Но вѣдь они дѣлали это во имя будущаго, шли творить новую праведную жизнь. А въ чемъ его, Пшеничкова, оправданіе? Какъ онъ живетъ? Чѣмъ живетъ?

— Въ Леночкѣ Плавутиной мое оправданіе. Вотъ въ чемъ,—горько улыбается Пшеничниковъ, и противъ воли, словно бы подталкиваемый кѣмъ-то, добавляетъ про себя:—Да развѣ я люблю ее?

Вовсе я ее не люблю. Только притворяюсь, что люблю. Раньше онъ думалъ, что любитъ Леночку, потому что она волновала его. Но вчера она была ему противна, а теперь ему просто жалко ее.

На зарѣ приснилось Пшеничникову, будто идетъ онъ, босой, по травѣ, а въ травѣ—ужи и гадюки. И всюду маленькіе змѣеныши. Свертываются колечками, шипятъ, и все норовятъ подъ ноги. Только выбрался онъ изъ ужинаго и гадючьяго мѣста, пришелъ въ городъ, а тутъ военное положеніе. Улички узенькія, и вездѣ солдаты съ ружьями. Взяли Пшеничникова и повели, но ему не страшно, онъ знаетъ, что это во снѣ. Этотъ сонъ про гадючье и ужинное мѣсто, и про военное положеніе часто ему снился.

— Сейчас меня запрутъ въ амбаръ,—подумалъ онъ:—и я проснусь.

Но солдаты точно угадали его мысли, усмѣхнулись и повели дальше. Привели на почту. Но это была не почта, а присутствіе. Среди присутствія за большимъ столомъ сидѣлъ маленькій черный генераль въ золотыхъ эполетахъ. Лица его долго не могъ разсмотрѣть Пшеничниковъ, а когда генераль поднялъ отъ бумагъ голову—Иванъ Андреичъ съ ужасомъ узналъ Олюнина.

«Ну, теперь, мнѣ шабашъ,—похолодѣвъ, рѣшилъ Иванъ Андреичъ.—Онъ не посмотритъ, что я учитель».

А Олюнинъ взялъ листъ бумаги и приготовился писать.

— Кто такой?—рѣзко заговорилъ онъ.—Пшеничниковъ? Ага! Тверской губерніи крестьянинъ? Покажи крестъ. Что? Креста не носишь? Да ты, можетъ, и въ Кіевѣ не былъ. Ну, не сносить бы тебѣ головы, да матери твоей, Аграфены, жалко. Въ кухаркахъ она у меня. Пришла старушка изъ Кіева и кухарить. И кухарить, и кухарить.

Куда-то проваливаясь, Олюнинъ захрюкалъ, какъ споткнувшійся граммофонъ.

Иванъ Андреичъ проснулся весь въ холодномъ поту. Сердце стучитъ, во рту сухо. Въ комнатѣ темно. Окна занавѣшены: одно тужуркой, другое одѣяломъ. Золотые лучики прострѣлили одну, двѣ, три дырки. Это петли тужурки. За окномъ скрипитъ немазанымъ колесомъ телѣга.

«И кухарить, и кухарить»,—выскрипываетъ колесо при каждомъ оборотѣ.

Пшеничниковъ вскакиваетъ, откидываетъ тужурку и раскрываетъ окно. Еще очень рано. Солнце и влажный холодокъ. Борода тый съ просѣдью мужикъ замахивается концомъ возжей на саврасую худую кобылу. Впереди на точеныхъ, пружинно-упругихъ, тонкихъ

ножкахъ танцуетъ свѣтлой масти жеребенокъ-сосунъ. Вотъ телѣга уже въ концѣ улицы. Вотъ повернула за уголь. А колесо все еще выскрипываетъ:

«И кухарить. И кухарить».

Иванъ Андреичъ снимаетъ одѣяло съ другого окна, пускаетъ въ комнату свѣжій, черемуховый воздухъ и съ календаремъ въ рукахъ ныряетъ подъ простыню. Закуриваетъ и съ бьющимся сердцемъ ищетъ нужную страницу.

Агрипина. Агрипина мученица. Господи, какъ чуждо въ календарѣ. Мудрено ли, что не замѣтилъ вчера.

Ну, Слава Богу: Аграфена. Аграфена Петровна. Именинница 23 июня. Ну, такъ и есть: въ Купальницу, 23 июня. Наканунѣ Иванова дня.

Иванъ Андреичъ съ облегченіемъ вздыхаетъ, потягивается и, счастливо улыбаясь, говоритъ самъ себѣ:

— Напишу Ленѣ большое письмо.

VI

Наканунѣ отъѣзда Пшеничниковъ зашелъ къ Плавутинымъ проститься. На большое письмо никакого отвѣта не было отъ Леночки. Очень не хотѣлось Пшеничникову итти, но рѣшилъ, что уѣхать, не попрощавшись, нельзя. Зинаида Петровна обрадовалась, засуетилась, налила чаю въ большую чашку съ синими разводами, Иванъ Андреичъ выпилъ одну, другую, а Леночка все не выходила.

— Гордая она у меня, мнительная,—говорила Зинаида Петровна: обидѣлась очень.—И одобряюще шептала:—Ничего, отмякнетъ.

Она раза два выходила изъ комнаты, но и это не помогало: Леночка не выходила.

— Лена,—позвалъ Пшеничниковъ, оставшись одинъ.

Не получивъ отвѣта, посидѣлъ еще минутъ десять съ Зинаидой Петровной. Было нудно, натянуто и тоскливо.

На прощанье Зинаида Петровна заплакала, просила писать.

Возвращаясь домой, не чувствовалъ Пшеничниковъ утраты. Стало на мигъ тоскливо при мысли, что больше не придется съ Зинаидой Петровной распивать чай, а къ Леночкѣ даже и жалости не было.

Была у Пшеничкова надежда—не придетъ ли Леночка проводить на пристань. Самъ не зналъ для чего это ему нужно, но не

пришла. Одинъ только Викторъ встрѣтился, да и тотъ случайно. Онъ, улыбаясь, хлопнулъ Пшеничникова по плечу и хитро подмигнуть:

— Пойдемъ, тяпнемъ по большой.

— Пойдемъ,—согласился Иванъ Андреичъ.

Пошли, выпили по одной, по другой. Тыкая вилкой, Викторъ говорилъ:

— Пойду ершей удить. Вечеромъ стервецы шибко клюють.

Пароходъ далъ второй свистокъ. Поднявшись на трапъ, Пшеничниковъ видѣлъ, какъ изъ толпы выбралась Леночка и, не оглядываясь, опустивъ голову, пошла отъ пристани въ гору. Вѣтеръ игралъ бѣлымъ шарфикомъ на головѣ. У Пшеничникова отъ жалости защипало въ горлѣ, но пристань съ народомъ стала отплывать. Иванъ Андреичъ вздохнулъ, закурилъ и сталъ искать глазами Виктора. Найдя, долго махалъ ему шляпой.

На городъ падали косые лучи.

— Кому вы это?—услышалъ онъ за спиной строгій голосъ Олюнина. Пшеничниковъ искренно обрадовался ему.

— А я не зналъ, что вы тоже ѣдете,—говорилъ онъ.

Въ ведеркѣ со льдомъ лакей принесъ большой графинъ водки. Выпивъ большую рюмку и принимаясь за горячій борщъ, Пшеничниковъ сказалъ:

— Представьте, какой случай пришлось пережить: забылъ, какъ мать родную зовутъ.

Олюнинъ, жуя, молча поднялъ одну бровь—очень подвижныя были у него брови—подержалъ минутку и опустилъ.

— Два дня мучился, не могъ вспомнить, во снѣ, представьте, увидѣлъ,—продолжалъ Пшеничниковъ.—Теперь вотъ ѣду къ ней съ такимъ чувствомъ, точно во второй разъ родился.

Олюнинъ поднялъ опять бровь, пристально посмотрѣлъ на Пшеничникова съ полминуты и вдругъ замѣчательно просто, душевно и человѣчно,—никогда Пшеничниковъ этого не о жидаль,—произнесъ:

— Это вамъ на пользу, голубчикъ. Вѣдь между нами говоря—вы не сердитесь—о вы такое? Не человѣкъ, а человѣчишко. Ни себѣ, ни людямъ.

— Вотъ, истинная правда,—немного пьянѣя, соглашался Пшеничниковъ:—отъ васъ это не обидно слышать... Дѣйствительно, ни себѣ, ни людямъ. Представьте, ни разу не поздравилъ свою мать съ ангеломъ, ни разу не вспомнилъ сердечно, хоть бы разъ подарокъ какой привезъ...

Отъ жалости, какой еще никогда не испытывалъ Пшеничниковъ, выступили у него на глаза слезы. Улыбнувшись, онъ пошутилъ:

— Мать нашель, а невѣсту потерялъ.

— Стало быть, не та,—безъ улыбки отвѣтилъ Олюнинъ, и не спрашивалъ ни о чемъ.

И такъ это у него вышло убѣдительно, что сразу Пшеничникову стало легче дышать.

— Должно быть—такъ,—согласился онъ.

Солнце садилось за лѣсомъ. Повѣяло съ луговъ свѣжестью. Въ деревнѣ дымились бани. Была суббота.

М. Росляковъ

ЕЩЕ О СЕБѢ

Враги, нѣтъ, не враги—просто многіе,
Наткнувшись на мое святое безстыдство,
Негодюя дочекъ своихъ уводятъ,
А если дочекъ нѣтъ—хихикають.
Друзья меня слушаютъ благосклонно—
«Прочтите стихи», будто мои вопли
Могутъ украсить ихъ комнаты,
Какъ стильныя пепельницы или отборное общество.
Выслушавъ, хвалятъ въ мѣру,
Говорятъ объ яркихъ образахъ, о длиннотахъ, объ ассонансахъ
И дружески указываютъ на нѣкоторыя странности
Безусловно талантливаго сердца.
Я не могу сказать имъ—тише.
Вы слышали какъ головой о стѣну бьется человѣкъ.
Ахъ, нѣтъ, вѣдь это только четверостишіе,
И когда меня представляютъ дамамъ, говорятъ «поэтъ».
Зачѣмъ пишу? Знаю не надо...
Просто бы быть какъ собака... Боже,
Велика моя человѣческая слабость!
А вы судите коль можете...
Такъ и буду публично плакать, молиться,
О молитвахъ читать рецензіи.
Боже, эту чашу я выпью,
Но пошли мнѣ одно утѣшеніе—
Пусть мои книги прочтеть
Какая-нибудь обыкновенная дѣвушка,
Которая не знаетъ ни газель, ни рондо
Ни того, какъ все это «дѣлается».

Прочтеть, скажетъ «какъ просто? Отчего его всѣ не поняли?
Мнѣ кажется, что это я написала.
Онъ былъ одну минуту въ свѣтлой комнатѣ,
А потомъ впотьмахъ остался.
Дверь заперта. Онъ бьется, воеетъ—
Неужели здѣсь остаться навѣкъ?
Какъ же онъ можетъ быть спокойнымъ,
Если онъ видѣлъ такой свѣтъ?
Боже, когда часъ его прійдетъ,
Пошли ему легкую смерть.
Пусть свѣтлый вѣтеръ раскроетъ тихо
Дверь...»

И. Эренбургъ

ЗАТИШЬЕ

ПОВѢСТЬ ЮСИФА МАТУСЕВИЧА

I

Зеркало было большое, до самого пола и Аркадій Артемьевичъ видѣлъ въ немъ всего себя отъ головы до шпоръ. Маленькой, жесткой щетинкой онъ пригладилъ виски и затѣмъ гребенкой нѣжно, чуть-чуть распустилъ обрѣзы бачковъ.

Денщикъ Тоболюкъ, огромный хохоль, осторожно раздвинулъ драпировки и, не входя, высунулъ черную небритую рожу, похожую на морду бездомнаго чернаго пуделя.

— Того, какъ его... Канфеты тоже выставить?

Аркадій Артемьевичъ строго покосился на отразившуюся въ зеркалѣ рожу, взялъ со столика замшевую щеточку и, натирая до блеска розовый ноготь, низкимъ груднымъ баскомъ позвалъ:

— Поди-ка сюда.

Тоболюкъ вошелъ и остановился въ четырехъ шагахъ.

— Ты что же, подь арестъ хочешь?

— Виновать, вашесобродь.

— Въ чемъ виновать?

— Не могу знать, вашесобродь.

— Не можешь знать?

Аркадій Артемьевичъ перемѣнилъ позу и сталъ такъ, какъ стоялъ на картинѣ, висящей рядомъ съ зеркаломъ, императоръ Александръ I.

— Ты опять не брить. Скотина. Поди сюда поближе. Покажи руки.

Тоболюкъ сдѣлалъ два шага впередъ и осторожно протянулъ къ зеркалу и растопырилъ узловатые пальцы огромныхъ, точно изъ мѣди отлитыхъ рукъ.

Аркадій Артемьевичъ, не оборачиваясь, круглыми зоркими глазами осмотрѣлъ въ зеркалѣ руки денщика.

— Свинья. Пошелъ вонъ! Побрейся. Вымой руки. И черезъ двадцать минутъ покажись. Пшелъ.

— Слухаю, высобродь.

Тоболюкъ повернулся налѣво кругомъ и вышелъ осторожно, погромыхивая тяжелыми подкованными сапогами.

Аркадій Артемьевичъ пошлифовалъ ногти, оросилъ руки, френчъ и носовой платокъ ароматной влагой убигановскаго «Душистаго сѣна», зеленой лѣсной водой освѣжилъ воздухъ застланной и завѣшанной коврами и оружіемъ спальни и, на ходу опрыскивая лѣсной водой драпировки, воздухъ, прошелъ въ другую, маленькую комнату-столовую. На квадратномъ столѣ, окруженномъ легкими узкоспинными стульями, въ высокихъ стеклянныхъ вазахъ, озаренные бѣлымъ свѣтомъ электрической лампы теплились оранжевые апельсины и отъ этихъ оранжевыхъ пятенъ, отраженныхъ въ узкомъ горизонтальномъ зеркалѣ, комната приобрѣтала видъ уютнаго ресторана кабинета.

Аркадій Артемьевичъ посмотрѣлъ на часы, они показывали двадцать и три четверти.

— «Безъ четверти девять», мысленно перевелъ Аркадій Артемьевичъ и тутъ же рздомъ въ мозгу громко и отчетливо отчеканилось: «ей не меньше сорока лѣтъ. Сынъ офицеръ».

Аркадій Артемьевичъ оглянулся быстро и нервно, точно окликнули его, но увидѣлъ входящаго Тоболюка. Денщикъ успѣлъ выбриться, но мѣдныя щеки его и подбородокъ были усѣяны жестокими порѣзами.

— Канфеты, вашсобродь.

— Хорошо. Поставь на столѣ. Вино во льду?

— Такъ точно, вашшш...

— Принеси.

Тоболюкъ принесъ вино въ ведеркѣ со льдомъ и накрылъ салфеткой, помялся у стола и, напоминая о себѣ, звучно дернулъ носомъ.

— Постой... вотъ что... Тутъ придетъ сейчасъ барыня. Такъ я у тебя языкъ вырву, если кто-нибудь узнаетъ. Понимаешь?

— Такъ точно. Понялъ, вашш...

Звонокъ раздался, какъ только Тоболюкъ вышелъ. Лицо Аркадія Артемьевича въ тотъ же мигъ совершенно преобразилось. Потухъ холодный блескъ глазъ, вѣки томно сощурились и въ позѣ, въ которой онъ встрѣтилъ свою гостью, было нетерпѣливое ожиданіе нѣж-

наго любовника. Когда она вошла и испуганно вскинула глаза на Тоболюка, Аркадіи Артемьевичъ взялъ обѣ ея руки и черезъ плечо ея бросилъ:

— Пшелъ!

Онъ помогъ ей снять шубку и ботики, мокрые отъ таявшаго снѣга и повелъ въ столовую.

Рослая, дородная, съ осанкой и прочной походкой цвѣтущей сорокалѣтней женщины, она снова, какъ всегда, вызвала въ немъ чувство еле скрытой тревоги. Но онъ и на этотъ разъ не поддался своему чувству. Онъ усадилъ ее на тахту, опустился передъ ней на колѣни и сталъ цѣловать ея горячія, бѣлыя, холеныя руки, на которыя время наложило свою жестокою печать: сѣть маленькихъ складочекъ.

— Вѣришь теперь?—спросилъ онъ, положивъ голову на ея руки.

Она приподняла его голову и держа обѣими руками какъ драгоценный сосудъ, долго близко смотрѣла въ томно сощуренные глаза.

И ничего не отвѣтила, только припала къ его тонкимъ, сухимъ губамъ.

— Я опьянѣла... голова кружится и... и... очисти мнѣ апельсинъ... послушай, Ара, ты... ты не любишь меня, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ. Я это знаю. Потому что я—старая. Мнѣ сорокъ лѣтъ... Ты знаешь, у меня уже, сынъ двадцати лѣтъ... И Константинъ Васильевичъ, бѣдный мой, если бы онъ только зналъ. Ужасно...

Она закрыла лицо руками и нѣкоторое время просидѣла въ безмолвіи и неподвижности.

Потомъ, когда снова заговорила, собралась вся, выпрямилась и только снизившійся голосъ ея дрожалъ отъ волненья, и въ сѣрыхъ глазахъ зажглись трепетные огни.

— Но я черезъ все переступила и теперь мнѣ не страшно. Понимаешь, Ара, ничего не страшно.

Аркадіи Артемьевичъ почти не слушалъ ее. Въ смятенномъ умѣ онъ искалъ сейчасъ оправданія тому, что онъ, честный и гордый мужчина,—а такимъ онъ считалъ себя всегда и сейчасъ больше, чѣмъ когда бы то ни было,—что онъ сошелся съ женщиной, которую не любить.

Онъ положилъ обѣ ея руки къ себѣ на колѣни, сталъ гладить ихъ и заговорилъ, оставаясь во власти своихъ мыслей.

— У тебя руки такія нѣжныя, такія уютныя... Ну, что же намъ еще нужно?

Но тутъ вдругъ какъ будто что-то вспомнилъ, открылъ широко глаза и заволновался.

— Ради Бога. Не надо никакихъ драмъ. Не надо ни черезъ что переступить, да еще съ трагедіей. Ты мнѣ прости, что я такъ прямо, но я долженъ тебѣ это сказать: если кто-нибудь изъ насъ не сможетъ просто, безо всякой трагедіи, то лучше не надо ничего... лучше разойдемся. Я понимаю любовь какъ радость и только одну такую любовь и признаю. Никакихъ страданій, никакихъ трагедій. Не хочу и не приму. Помни это.

Аглая Семеновна слушала его напряженно и въ глазахъ ея умныхъ и добрыхъ былъ испугъ. Крохотный шелковый платочекъ, который она теребила въ рукѣ, нѣжно хрустнулъ, разорванный, нервнымъ движеніемъ пальцевъ.

— Какъ у тебя все это упрощенно и... какой ты... какъ ледь...— тихо произнесла она, помолчала и внезапно разсмѣялась, привлекла его къ себѣ, положила голову на его плечо и жарко дыша ему въ ухо, прошептала:

— Дѣтикъ мой, прекрасный.

Аркадій Артемьевичъ былъ больно уязвленъ тѣмъ, что она такъ снисходительно свысока приняла его сужденія и чтобы скрыть свое недовольство, предложилъ ей вина, легонько отстранилъ ее и пошелъ къ столу.

II

Ушла генеральша отъ штабсъ-капитана Дойникова вначалѣ двѣнадцатаго. Денщикъ Тоболюкъ также безстрастно закрылъ дверь за нею, какъ и открывалъ.

Дома, какъ только она вошла въ переднюю, отъ денщика Потапова, веселаго, разбитнаго малаго, она узнала ошеломившую ее новость:

— Ихъ благородія, молодой баринъ пріѣхали. Константинъ Константинычъ,—выпалилъ онъ и радостно осклабился, заранѣе предвкушая барынину радость.

Аглая Семеновна не снимая шубки опустилась на стулъ у вѣшалки. Она не посмотрѣла на себя въ зеркало, но живо ощутила еще не остывшіе поцѣлуи на шеѣ и на губахъ, растрепанные подъ зимней шапкой волосы и все свое еще жаркое, истомленное объятіями тѣло. Удивленно приподнятыя бѣлесыя брови Потапова заставили

ее овладѣть собой. Она выпрямилась, протянула ногу и строго сказала:

— Сними.

Потаповъ помогъ ей раздѣться и затихъ, точно истаялъ у вѣшалки.

Аглая Семеновна быстро прошла черезъ кабинетъ мужа въ свою спальню, наспѣхъ поправила прическу, освѣжила лицо одеколономъ и покрыла пудрой и тщательно, долго, мыломъ и щеткой, точно отмывала грязь, вымыла руки сначала водой, вытерла ихъ и снова вымыла одеколономъ. Вспомнила, что разорвала платокъ, вынула его изъ сумки и сунула за шифоньерку, и успокоилась совѣмъ, когда поднесла къ сухимъ, теперь ужъ не подкрашеннымъ губамъ, свѣжій платочекъ, пахнущій духами, секретъ которыхъ она хранила даже отъ близкихъ.

И когда постучался къ ней сынъ и раздался его веселый молодой голосъ, она открыла дверь и приняла его въ свои нѣжныя, материнскія объятія.

Какъ и всегда бываетъ при радостныхъ встрѣчахъ близкихъ людей, говорили о самыхъ незначительныхъ вещахъ. Юный, краснощекій подпоручикъ, въ щегольскомъ френчѣ, въ отличныхъ желтыхъ сапогахъ, прекрасно причесанный и надушенный, Константинъ Хворостовъ, нѣжно картавя, разсказалъ матери прежде всего о томъ, что у вокзала попался ужасный извозчикъ, что на вокзалахъ отвратительно кормятъ, что онъ нарочно не сообщилъ о приѣздѣ, чтобы «наггянуть сюгпгизомъ», что на одной станціи онъ далъ пощечину солдату и велѣлъ жандармамъ арестовать его и отправить къ коменданту за то, что солдатъ курилъ и не отдалъ ему чести.

— Ты не представляешь, мама, какая у него глупая пеглупая гожа была, когда я его тгеснулъ. Мнѣ ужасно хотѣлось гасхохотаться и пгостить его, но я уже не имѣлъ пгава сдѣлать это...

И тутъ же, безъ передышки, словно торопясь чтобы не забыть, разсказалъ о встрѣчѣ въ вагонѣ съ удивительно интересной, загадочной особой, о потерянныхъ шпорахъ и еще о всякомъ дорожномъ вздорѣ.

— Милый мой мальчикъ,—перебивала его нѣсколько разъ Аглая Семеновна, пытаясь распросить его о томъ, какъ онъ жилъ, не хворалъ ли и сейчасъ здоровъ ли, но онъ нетерпѣливо выслушивалъ ее и вмѣсто отвѣта опять болталъ всякій вздоръ, не имѣющій никакого отношенія къ тому, о чемъ она его спрашивала. И тѣмъ не менѣе, въ его оживленіи, въ розовомъ цвѣтѣ его щекъ, въ блескѣ его глазъ,

она находила отвѣтъ на свои вопросы и узнавала, что онъ и жить хорошо и здоровъ былъ и здоровъ сейчасъ и что вообще, его небо по-весеннему солнечно и безоблачно.

И въ этомъ было столько радости для матери, и такъ свѣтла была эта радость, что личное темное и мучительное отодвинулось, ушло вглубь самыхъ затаенныхъ пропастей души.

— Постой, постой,—весело отмахивалась она отъ его разсказовъ,—дай ты мнѣ слово сказать... Ты съ дороги, поди, проголодался? Я сейчасъ распоряжусь, чтобы дали тебѣ поужинать.

— И коньячку, мамочка.—Котя хлопнулъ руками и для чего-то звякая шпорами повернулся на одной ногѣ.

— Мальчишка ты, ну, совсѣмъ, совсѣмъ глупый мальчишка,—любовно воскликнула Аглая Семеновна и пошла хлопотать объ ужинѣ.

За ужиномъ, быстро приготовленнымъ горничной Лушей, засталъ свою семью Константинъ Васильевичъ. Онъ вернулся озабоченный и огорченный совѣщаніемъ, которое должно было рѣшить очень важный вопросъ, касающійся его управления. На совѣщаніи этомъ, какъ и на всѣхъ другихъ подобныхъ совѣщаніяхъ, больше говорили о разныхъ мелочахъ, чѣмъ о главномъ и благодаря этому приняли такое рѣшеніе, которое въ корнѣ противорѣчило его собственному рѣшенію, тому самому рѣшенію, какое онъ считалъ единственнымъ благоразумнымъ и нужнымъ. Онъ былъ недоволенъ совѣщаніемъ и своими коллегами по совѣщанію, но больше всего самимъ собой.

«Я тряпка, мокрая курица. Никто ничего не смыслить. Тутъ бы и сказать что нужно, а я замѣсто того...»

И опять онъ возвращался мыслию къ вопросу, обсуждавшемуся на совѣщаніи, и опять выходило такъ, какъ онъ раньше рѣшилъ, когда былъ одинъ, то-есть такъ, какъ надо было рѣшить. Слѣдовало только вотъ *это* сказать и вотъ *это* и тогда было бы всѣмъ ясно, что иначе вопроса рѣшить нельзя. И какъ всегда,—такое проклятіе,—вотъ это-то самое важное и ясное онъ и забылъ сказать и рѣшилъ не такъ какъ надо было, а какъ совсѣмъ нельзя было рѣшать.

«Куриныя мозги. Куриныя». Повторяя и въ мысляхъ слова, какъ онъ повторялъ ихъ въ разговорѣ, обругалъ себя генераль, когда ужъ входилъ въ столовую и на этомъ оборвалась нить его неприятныхъ мыслей, такъ какъ онъ неожиданно увидѣлъ сына.

— Котька!—крикнулъ онъ и сочно, прямо въ губы, расцѣловалъ своего любимца и баловня.

— Ну-ка, ну-ка покажись,—радостно просилъ онъ, разставивъ

руки и любуясь сыномъ.—Экій молодчина, молодчина. Право молодчина.

— Гадъ стагаться, папа,—прокартавилъ Константинъ.—Ты знаешь, я ужасно по тебѣ соскучился. И по тебѣ и по мама. Я ужасно гадъ, что опять съ вами.

Генераль смотрѣлъ на сына и сознавалъ теперь только одно: что вотъ этотъ любимый жизнерадостный мальчишка дороже ему всего на свѣтѣ и несравненно значительнѣе всѣхъ совѣтовъ и военныхъ дѣлъ. отъ которыхъ ему только однѣ заботы и огорченія.

Аглая Семеновна, за двадцать два года дружнаго супружескаго сожителства съ Константиномъ Васильевичемъ, изучила каждую складку на его лицѣ и по движенію этихъ складокъ знала всѣ душевныя состоянія мужа.

И сейчасъ она, читая на его лицѣ безмятежную радость, безъ особаго волненія, легко и будто не о себѣ думала: то, мое, останется во мнѣ, но развѣ моя любовь къ нимъ, къ мужу и сыну стала отъ того меньше? Да нѣтъ же. Люблю ихъ и вся съ ними...

И подумавши такъ, тотчасъ же почувствовала оправданіе себѣ и покой.

III

Въ управленіи цариль образцовый порядокъ. Строго были ограничены часы занятія и отдыха, съ точностью заведеннаго механизма появлялись на работѣ команда и офицеры.

Штабсъ-капитанъ Дойниковъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей былъ чрезвычайно пунктуаленъ.

— Встать! Смирно! Здрайвай вашсоородь!—раздавалось въ передней и по этому здорованью старшій писарь Кузовкинъ, какъ по инерціи, провѣрялъ часы въ кожаномъ браслетѣ. И тотчасъ же вытягивался въ струнку, встрѣчая штабсъ-капитана Дойникова.

Ровно въ девять утра начиналось занятіе и ужъ ровно въ девять писаря щелкали на машинкахъ, шелестѣли бумагой, сновали по коридорамъ и кабинетамъ курьеры, дневальный Коркинъ, завѣдующій самоварами, разносилъ офицерамъ чай на облѣзломъ поржавѣвшемъ подносѣ, а въ передней ужъ сидѣли новенькіе, только что выпущенные прапорщики, явившіеся представиться начальнику управления и получить назначенія. Тутъ же ждали приѣма запыленные, похожіе на солдатъ офицеры съ позицій. Они съ угрюмымъ недоброжелательствомъ заброшенныхъ и обиженныхъ людей поглядывали на штабныхъ и на «необстрѣлянныхъ цыплятъ»—какъ

они мысленно называли новеньких щеголеватых прапорщиковъ.

Проходя мимо ожидающихъ приема офицеровъ, штабсъ-капитанъ Дойниковъ молча и полупрезрительно козырялъ имъ.

— Встать! Смирно!—скомандовалъ старшій по чину въ отдѣленіи, заслышавъ шаги штабсъ-капитана, твердую рѣзкую поступь котораго еще рѣзче подчеркивало треньканье шпоръ.

Не глядя никому въ глаза, начальникъ подалъ холодную руку офицерамъ и чиновнику и чуть шевельнувъ голову въ сторону солдатъ вытянувшихся и замершихъ на своихъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ ихъ застала команда, бросилъ почти не открывая рта:

— Здро...

И прошелъ къ себѣ за досчатую, некрашеную перегородку, сопровождаемый лающимъ привѣтствіемъ чертежниковъ. Въ этомъ отдѣленіи кромѣ начальника было еще два офицера одинъ чиновникъ, одинъ кондукторъ и три нижнихъ чина. Всѣхъ работающихъ въ отдѣленіи объединяла нелюбовь къ начальнику, штабсъ-капитану Дойникову. Его не просто не любили, а тихо и злобно ненавидѣли. Ненавидѣли его царственный обликъ, ненавидѣли его манеру презрительно цѣдить сквозь зубы слова, обращенныя къ подчиненному, ненавидѣли за его явное неприкрытое презрѣніе къ нимъ. И когда кто-нибудь въ отдѣленіи говорилъ худо о начальникѣ—стигались грани чиновъ, и офицеры, забывъ свое отличіе отъ солдатъ, выслушивали злыя, ядовитыя слова и сами извергали ихъ со сладострастіемъ. Аркадій Артемьевичъ зналъ, что его ненавидятъ, но относился къ этому равнодушно: сознание, что каждую минуту онъ можетъ раздавить ихъ всѣхъ какъ муравейную кучу, давало ему полное удовлетвореніе и только усиливало его великолѣпное презрѣніе.

Рабочій день начался.

Люди серьезно, съ озабоченными лицами писали, распоряжались, дѣловито переходили изъ отдѣленія въ отдѣленіе и если бы можно было поднять крышу и посмотреть сразу на всѣ отдѣленія, то получилось бы впечатлѣніе, что большое количество людей занято и даже увлечено какимъ-то однимъ большимъ и значительнымъ дѣломъ, требующимъ строгой дисциплины и стройной разграниченности обязанностей.

Но на самомъ дѣлѣ, несмотря на картину подлиннаго труда,

какую являло собою управленіе въ часы занятія, никакой работы здѣсь не было и еслибы люди сходились здѣсь и сидѣли сложа руки, то результаты дня были бы одни и тѣ же: ноль, ничто.

Взрослые люди, отвѣтственные за свои поступки, тамъ, у себя дома, добрые и недобрые мужья, братья, отцы, любовники, люди которыхъ близкіе любили, цѣнили и считали занятыми великимъ государственнымъ дѣломъ, приходили сюда, на это свое государственное дѣло и тутъ оказывалось, что великое отвѣтственное дѣло было обыкновеннымъ, плохо прикрытымъ бездѣльемъ.

Въ кабинетѣ своемъ, маленькой каморкѣ, Аркадій Артемьевичъ сѣлъ за большой письменный столъ, отодвинулъ пачку корреспонденцій, вынулъ изъ кармана ногтечистку, состоящую изъ ножницъ, ножа, напильничка и другихъ специальныхъ инструментовъ и отдался любимому занятію—чисткѣ ногтей. Ногти у него были продолговатые, розовые съ синимъ отливомъ подъ лаковымъ блескомъ.

Пріятная работа давала просторъ мыслямъ и онъ тотчасъ же припомнилъ вчерашнюю встрѣчу.

«У нея прекрасное, совсѣмъ молодое тѣло». Это еще вчера, когда генеральша была въ его объятіяхъ, сразу утишило его смятенное состояніе. Въ объятіяхъ его была цвѣтущая женщина; значитъ—то, что онъ, молодой и красивый, сошелся съ ней, было естественно, было внѣ подозрѣній... Какихъ подозрѣній?

Передъ столомъ, какъ изъ земли, выросъ старшій писарь Агѣевъ.
— Дозвольте доложить!

Агѣевъ раздражалъ Дойникова. Раздражалъ тѣмъ, что всегда появлялся неожиданно, и какъ нарочно, всегда въ тотъ самый моментъ, когда нужно было что-нибудь обдумать или рѣшить, раздражалъ своимъ солиднымъ, мрачнымъ видомъ, раздражалъ своимъ молчаніемъ. И еще раздражала его черная, вытертая, облинявшая гимнастерка и болтающіеся на ней трепанные погоны.

— Я вамъ тысячу разъ говорилъ, чтобы не входить ко мнѣ безъ предупрежденія. Если это еще повторится, я посажу васъ подъ арестъ!

Аркадій Артемьевичъ говорилъ ему «вы», но произносилъ это слово такъ, что у Агѣева всегда сдвигались шерстообразныя брови и ежились морщины вокругъ лѣваго глаза.

— Что тутъ?

Агѣевъ молча вынулъ изъ папки и положилъ на столъ нѣсколько бумагъ.

— Ну, что же вы стоите? Ступайте!

Агѣвъ, съ тою же мрачною невозмутимостью, какъ все дѣлалъ, повернулся налѣво кругомъ и ушелъ.

Какъ только Агѣвъ вышелъ, Аркадій Артемьевичъ снова принялся за ногти, и только когда привелъ ихъ въ порядокъ, равнодушно подгрѣбъ къ себѣ корреспонденцію и бумаги.

Послѣдняя мысль, на которую надо было найти отвѣтъ, снова пришла, настойчивая и непріятная. Какое могло быть, въ самомъ дѣлѣ, подозрѣніе въ его отношеніяхъ къ генеральшѣ? Ну, хорошо... Допустимъ, что она вліятельная любовница...

«...въ отвѣтъ на отношеніе Управленія отъ...» Слова бумаги — сухія, казенно-равнодушныя — были чужды и ненужны, и проходили мимо, мелькали и исчезали, какъ на улицѣ мелькаютъ окна, лица, вывѣски, глаза, афиши, обрывки чьихъ-то фразъ; проходили и тутъ же забывались, неизбѣжныя, но ненужныя памяти, встрѣчныя впечатлѣнія.

«...въ отвѣтъ на запросъ Снабсѣва по исходящей №..... спѣшно командировать поручика Лялина въ Петроградъ... препроводить четыре автомобиля въ распоряженіе... Вліятельная любовница... Вотъ... Вотъ это — главное и настоящее. Значитъ, все-таки, ни страсть, ни даже просто соблазнъ случайнаго пышнаго тѣла, а низкій, корыстный расчетъ... четыре автомобиля въ распоряженіе начальника двѣнадцатаго строительства, генерала...»

Вниманіе Аркадія Артемьевича внезапно съ особенной опредѣленностью, остановилось на дѣловой серьезности того, что онъ читалъ; несмотря на эту особенную серьезность, чрезвычайно подчеркнутую номерами и печатью, и сжатость языка и внушительными, многотитульными подписями, — въ томъ, чему посвящена была бумажка, не было ни дѣла, ни серьезности. Люди притворялись, что дѣлаютъ большое, чрезвычайно важное дѣло; что если не будутъ предоставлены въ распоряженіе начальника двѣнадцатаго строительства автомобили, то, какъ отъ недостающаго ничтожнаго винтика останавливается машина, можетъ остановиться дѣло чрезвычайно государственнаго значенія. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, для Аркадія Артемьевича, какъ и для всѣхъ, не секретъ было, что начальнику двѣнадцатаго строительства, молодящемуся генералу — инженеру Стругову, популярному въ Коряевѣ ловеласу, машины понадобились, чтобы катать изнывающихъ отъ скуки коряевскихъ дамъ. И вотъ эта командировка поручика Лялина... Аркадій Артемьевичъ лично зналъ этого ничтожнаго бездѣльника, любимчика генерала Зыкова; зналъ, что Лялинъ, пользуясь распо-

ложениемъ своего начальника, все время проводилъ въ Петербургѣ, подъ видомъ служебныхъ командировокъ и отпусковъ по болѣзни.

Но, вѣдь, и всѣ бумаги были не болѣе значительны. Каждый день въ Управленіе приходили груды такихъ бумагъ и груды ихъ отправлялись Управленіемъ. Огромная, сложная машина, простирающаяся на тысячи верстъ, машина, колесами и винтиками которой были люди, машина, щелкающая ремингтонами, соединенная сътью телеграфныхъ и телефонныхъ нервовъ, желѣзными дорогами, автомобилями и проч., — работала неусыпно, безсмѣнно — день и ночь, пожирая время, деньги и драгоцѣнныя человѣческія жизни, создавая дѣло, которое ни человѣчеству, ни отдѣльному народу, ни даже небольшой группѣ непосредственно работающихъ въ дѣлѣ людей, было совершенно ненужно. Начальники составляли бумаги, содержаніе которыхъ ни съ какой стороны не касалось ихъ подлинныхъ, житейскихъ и душевныхъ потребностей. Писаря перестукивали эти бумаги на машинкѣ, озабоченные только тѣмъ, чтобы не сдѣлать ошибки. Курьеры относили на полевой телеграфъ или почту, почтальоны и телеграфисты передавали ее на тысячи верстъ; скакали новые курьеры, писарь ставилъ номеръ входящей, бумага доходила по назначенію, и, въ результатѣ всей этой огромной, стремительной работы, оказывалось, что поручикъ Лялинъ получалъ возможность еще недѣлю пробездѣльничать въ Петербургѣ, или хорошенькая жена содержателя кинематографа въ Коряевѣ, за которой пріударялъ генераль Струговъ, пріобрѣтала въ свое безконтрольное распоряженіе казенный автомобиль съ казеннымъ шоферомъ при немъ.

— Таать! Смирно! Дра-ай-е! — донеслось изъ общей писарской.

Это пришелъ генераль. Черезъ десять минутъ, звякая шпорами, придетъ дежурный жандармъ и скажетъ:

— Вашсобродъ, ихъ превосходительство просятъ вашсобродъ къ себѣ.

«Я — царь, мужъ царицы, ужъ царицы...» — неожиданно громко, такъ что, вѣроятно, услышали работающіе въ отдѣленіи за перегородкой, засвисталъ Аркадіи Артемьевичъ. И усмѣхнулся тоже, вслухъ, вспомнивъ Менелая подъ зонтикомъ и его пѣсенку:

«Я—царь, мужъ царицы, ужъ царицы...»

Какъ-то теперь будетъ?

Отношеніе генерала Константина Васильевича Хворостова къ Аркадію Артемьевичу было дружеское въ частной жизни, доброжелательное и покровительственное на службѣ, какъ къ превосходному офицеру и службисту. Но дисциплина службы и престижъ

начальника требовали сохраненія хотя бы внѣшней сдержанности, чтобы офицеры не распускались, и потому на службѣ генераль поддерживалъ со штабсъ-капитаномъ Дойниковымъ строго дѣловой тонъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, наединѣ, вступалъ съ нимъ въ дружескую бесѣду.

Аркадій Артемьевичъ хорошо изучилъ всѣ особенности своего начальника и умѣлъ всегда найти надлежащій тонъ: не роняя своего достоинства, выявлялъ почтительность подчиненнаго, уважающаго и глубоко цѣнящаго своего начальника. И главное, умѣлъ показать себя работникомъ, настоящимъ работникомъ. Онъ, какъ и всѣ въ Управленіи, зналъ слабость своего начальника. Генераль Константинъ Васильевичъ любилъ хвастнуть тѣмъ, что его Управленіе образцово работаетъ. Самъ, дѣйствительно, отдавая работѣ гораздо больше того, что отъ него требовалось и что нужно было, генераль строго преслѣдовалъ въ своемъ Управленіи бездѣлье.

— Хоть пальцемъ въ носу ковыряй, но только слсжа руки не сиди! — всегда внушительно поучалъ онъ пойманнаго на бездѣльи солдата. И у него работали. Очень рѣдко онъ заставлялъ кого-нибудь бездѣйствующимъ. Правда, направляясь въ какое-нибудь отдѣленіе, онъ шумно кашлялъ за дверью и всегда что-нибудь вспоминалъ, останавливался, громко подзывалъ къ себѣ писаря или дневальнаго, громко спрашивалъ, который часъ, или громко здоровался съ кѣмъ-нибудь, и только послѣ того, какъ въ отдѣленіи всѣ узнавали, что идетъ генераль, шумно, какъ бы внезапно, открывалъ дверь и входилъ, зорко осматривая—всѣ ли на мѣстахъ и всѣ ли за работой. Конечно, всѣ оказывались на мѣстахъ и не только были за работой, были углублены въ работу, увлечены ею, захвачены до того, что даже и не замѣчали сразу, что вошелъ генераль.

Эту комедію всѣ великолѣпно продѣлывали, и самъ генераль зналъ, что на самомъ дѣлѣ никто работой не увлеченъ и если дѣлаютъ видъ, что заняты дѣломъ чрезвычайно, то исключительно, чтобы успокоить его, генерала своего. Но Константинъ Васильевичъ считалъ это не существеннымъ. Важенъ былъ принципъ, утверждающій серьезность и святость всякаго труда, и принципъ этотъ поддерживался на должной высотѣ всѣми чинами Управленія. Это общее признаніе принципа труда давало Константину Васильевичу подлинное и полное удовлетвореніе.

Когда Аркадій Артемьевичъ вошелъ къ генералу въ кабинетъ, генераль сидѣлъ за массивнымъ столомъ, заваленный бумагами и

чертежами, съ толстымъ краснымъ карандашемъ въ рукѣ и такъ, съ карандашемъ, протянулъ руку.

— Тутъ вотъ, — не приглашая сѣсть, заговорилъ сразу о дѣлѣ Константинъ Васильевичъ, — поступило донесеніе отъ седьмого строительства, касающееся...

Донесеніе это, какъ и всѣ другія донесенія, было пустой и скучной отпиской, и не могло отвлечь Аркадія Артемьевича отъ его главной мысли, волновавшей и тревожившей его, когда онъ входилъ въ кабинетъ начальника, генерала Константина Васильевича, мужа его любовницы — Аглаи Семеновны.

Сейчасъ, несмотря на то, что въ умѣ его назойливо звучалъ насмѣшливый куплетъ Менелая, ему казалось вчерашнее событіе, то-есть то, что жена его начальника стала его любовницей, нелѣпымъ и жуткимъ.

Ему вдругъ представилось, что было бы, если бы сидящій передъ нимъ сѣдой, почтенный человѣкъ, высокій государственный дѣятель и благородный супругъ, поднялъ бы сейчасъ глаза и увидѣлъ, просто, какъ видѣлъ самъ Аркадій Артемьевичъ, что вчера, Аглая Семеновна, благородная дама, его жена и мать ихъ сына, была въ объятіяхъ подчиненнаго офицера, что она теперь любовница этого офицера? И почему это невозможно? Вотъ сейчасъ оторветъ онъ глаза отъ бумажки, посмотритъ на него и скажетъ:

— Ага! Вы, штабсъ-капитанъ, не слушаете моего чтенія потому, что вспоминаете, какъ обнимали и ласкали вчера мою жену!

Аркадій Артемьевичъ неожиданно уронилъ на полъ папку и бросился подбирать разсыпавшіяся бумаги. Лицо его залилось краской и пальцы дрожали.

Константинъ Васильевичъ прервалъ чтеніе и съ нескрываемымъ удивленіемъ взглянулъ на штабсъ-капитана.

— Вы... нездоровы, Аркадій Артемьевичъ?

— Виновать, ваше превосходительство... да... немножко... голова закружилась...

— Вы присядьте!

Краска сбѣжала съ лица Аркадія Артемьевича. На минутку ему показалось, что его дикое предположеніе осуществилось: генераль, въ самомъ дѣлѣ, увидѣлъ правду.

Константинъ Васильевичъ, прекрасно настроенный прїездомъ сына, былъ сегодня мягокъ, дружелюбенъ и даже расположенъ къ шуткѣ.

— Вчера, вѣроятно, бурно ночь провели?

Генераль лукаво прищурилъ глаза, отчего на бѣлыхъ вискахъ его залучились морщинки, и погрозилъ пальцемъ:

— Берегитесь, берегитесь, красавецъ! Погубягъ васъ дамы... Погубягъ!

И засмѣялся, по-стариковски, добродушно, снисходительно.

Аркадій Артемьевичъ смотрѣлъ на него, не мигая, и ждалъ: еще нѣсколько словъ скажетъ генераль, и ужъ эти слова будутъ непременно объ Аглаѣ Семеновнѣ, о вчерашнемъ...

Но генераль неожиданно перемѣнилъ тонъ, сталъ серьезень.

— Если вы плохо себя чувствуете, подите домой!

— Благодарствую, ваше превосходительство... Разрѣшите мнѣ только прервать на время...

— Пожалуйста, пожалуйста!

Сидя ужъ въ своемъ кабинетѣ, Аркадій Артемьевичъ вспомнилъ, что, выходя отъ генерала, онъ стукнулся плечомъ о косякъ двери. Какъ гимназистъ растерялся и теперь ужъ, несомнѣнно, навсегда утратилъ свое достоинство передъ генераломъ. Теперь онъ ужъ никогда не сможетъ гордо и прямо смотрѣть въ глаза генералу, какъ онъ до сего дня смотрѣлъ. И не потому не сможетъ, что сталъ любовникомъ его жены, а потому, что не выдержалъ первой встрѣчи, растерялся, потому что измѣнило ему его обычное самообладаніе, и не сможетъ онъ теперь возстановить его.

— Глупо... Нестерпимо глупо! — злобно бормоталъ онъ въ конецъ раздосадованный и, въ самомъ дѣлѣ, почувствовалъ, что разстроенъ и что ему необходимо уйти домой.

Но домой онъ не ушелъ. Онъ пересилилъ себя и остался, рѣшивъ, что уйти со службы въ неурочное время было бы непростительной и непозволительной слабостью. Разстроенный и раздраженный, Аркадій Артемьевичъ привычнымъ жестомъ порылся въ ворохъ бумагъ, которыя принесъ ему давеча Агъевъ. Но первая же бумажка нагнала на него непреоборимую скуку. Онъ почти безотчетно отложилъ ее въ сторону, опять досталъ ногтечистку, повертѣлъ ее, сосредоточенно разглядывая, точно желая понять, что это за штука, положилъ ее ни съ того, ни съ сего въ тяжелый серебряный портсигаръ и вышелъ въ отдѣленіе со строгимъ, дѣловымъ, озабоченнымъ лицомъ.

Два офицера и чиновникъ вотъ ужъ третью недѣлю перекладывали чертежи изъ старыхъ папокъ въ новыя. Чиновникъ, молодой человекъ съ лицомъ фоксъ-терьера, наклонившись надъ столомъ и

высунувъ наружу кончикъ закушеннаго языка, крупнымъ готическимъ шрифтомъ дѣлалъ надписи на небольшихъ шестиугольныхъ бумажкахъ, которыя вырѣзывалъ для него тутъ же одинъ изъ чертежниковъ. Кондукторъ занятъ былъ календаремъ—съ увлеченіемъ вычерчивалъ черныя и красныя цифры, копируя ихъ съ блоковского календаря. Дѣлалъ онъ это по требованію самого генерала, который терпѣть не могъ печатныхъ календарей и признавалъ только вычерченные тушью на ватманѣ. А у большого окна два чертежника навалились грудью на длинный чертежный столъ и на калькѣ наколотой на десятиверстку, перышками, обводили контуры морскихъ и озерныхъ береговъ, козьею ножкой прокладывали двухколейныя и одноклейныя желѣзныя дороги, по легендамъ тщательно наносили окопы, проволочныя загражденія и батареи, иллюминировали цвѣтными чернилами и акварелью. Дѣлали все это не спѣша, исподволь, подлаживая темпъ работы къ требованію начальника. Кальки эти были центромъ всѣхъ работъ отдѣленія. Онѣ предназначались для ставки, для того, чтобы по нимъ верховное командованіе могло ориентироваться въ состояніи позицій на...номъ фронтѣ и соответственно этому состоянію совершать свою величайшей важности стратегическую работу.

Но на самомъ дѣлѣ всѣмъ было извѣстно, что никакой стратегической работы по этимъ картамъ никто не производилъ, что посылаются въ ставку эти карты только для формы, потому, что такъ установлено и всегда посылалось, что въ ставкѣ завернутую въ трубку кальку, не разворачивая, засовывали въ ящикъ подъ соответствующей литерой и забывали. Если бы кто-нибудь вздумалъ на позиціяхъ найти указанные на этой калькѣ окопы, то тщетно бродилъ бы по занесеннымъ снѣгомъ полямъ, тщетно допытывался бы у людей, обслуживающихъ позиціи; а при счастливыхъ обстоятельствахъ убѣдился бы только, что показанные на десятиверсткѣ около Господскаго двора боеспособные окопы давно занесены снѣгомъ, никогда не были боеспособными, а настоящіе окопы предполагалось вырыть нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и вовсе не у Господскаго двора, а у деревни Лыковки, но не оказалось лопатъ, строительнаго матеріала и перевязочныхъ средствъ; а окопы, что у Господскаго двора, значитъ, попали либо по ошибкѣ, либо потому, что въ строительствѣ легенду составили по старымъ даннымъ.

И все это знали въ Управленіи и самъ начальникъ генералъ Хворостовъ и начальникъ отдѣленія штабсъ-капитанъ Дойниковъ и офицеры и чертежники, но составленіе отчетной карты было цен-

тральнымъ, самымъ главнымъ дѣломъ всего отдѣленія; если бы этого дѣла не было, не къ чему было бы существовать всему отдѣленію. И потому ли, по другой ли причинѣ, но всё какъ будто молча согласились и признали разъ навсегда, что главное не въ томъ, что и какъ дѣлаетъ отдѣленіе, а въ томъ, что существованіе его, какъ существованіе всего управленія, какъ и существованіе всѣхъ другихъ трудовыхъ учреждений, государственныхъ и общественныхъ, заводовъ, магазиновъ, конторъ и проч. и есть источникъ, смыслъ и цѣль труда, безъ котораго люди не могли бы по всей вѣроятности существовать.

Были довольны и недовольны дѣломъ, осуждали и считали бесполезной свою работу, но о главномъ, о томъ, что самое существованіе отдѣленія является ненужнымъ и люди работающіе въ немъ совершенно бессмысленно и бесполезно растрачиваютъ свою энергію, свои способности и свою жизнь, что собираясь сюда ежедневно, всё они притворяются, будто заняты настоящимъ дѣломъ, тѣмъ трудомъ на какой благословилъ Господь человѣчество, населяя имъ землю,—объ этомъ никогда никто не думалъ. И если бы кто-нибудь имъ сказалъ объ этомъ, ему не повѣрили бы, посмѣялись бы надъ нимъ и назвали чудакомъ.

Аркадіи Артемьевичъ, какъ только вошелъ,—сразу увидѣлъ всю работу отдѣленія и подумалъ, что отлично было бы лежать бумагамъ въ старыхъ папкахъ, что на перечерчиванье блоковского календаря не было никакой надобности затрачивать цѣлыя недѣли труда, когда въ любомъ писчебумажномъ магазинѣ календари эти раздавались бесплатно, какъ реклама.

— Разрѣшите доложить, вашсобродь.

— Да?

— Здѣсь вотъ, у Малой Липы, окопы какіе показать, боеспособные или небоеспособные? Въ легендѣ, вашсобродь, не указано.

Аркадіи Артемьевичъ напряженно сдвинулъ брови.

— У Малой Липы? Боеспособные.

«Гдѣ эта Малая Липа?»—подумалъ онъ ужъ послѣ того, какъ отвѣтилъ и дѣлая видъ, что разсматриваетъ работу, наклонился надъ калькой и безпокойно сталъ искать Малую Липу. Нашелъ онъ ее совсѣмъ не тамъ, гдѣ предполагалъ, но сразу успокоился и забылъ о ней.

«Напрасно! Напрасно!»—вдругъ ясно и отчетливо прозвучало въ ушахъ Аркадія Артемьевича. И опять, какъ давеча у генерала онъ съ испугомъ подумалъ, что его мысли услышаны и сейчасъ вотъ чертежники поднимутъ головы и съ удивленіемъ и насмѣшкой посмотрятъ на него.

Онъ закурилъ папиросу, вернулся къ себѣ и сталъ у большаго окна, въ которомъ рѣзкими очертаніями черныхъ, сѣрыхъ и бѣлыхъ пятенъ, точно тушью, вычерчены были заваленныя снѣгомъ крыши легеряныхъ домовъ столпившихся у перекрестка улицъ, черные заборы и плоское сѣрое небо.

«Что такое напрасно? Почему напрасно? Къ чему это относилось?»—напряженно припоминалъ онъ и также неожиданно и ясно, какъ и всѣ мысли сегодня пришла отвѣтная мысль:

«Напрасно сошелся съ нею».

И все какъ будто сейчасъ сразу открылось ему: и неловкость у генерала и нивѣсть откуда явившіяся дикія мысли о службѣ и все дурное, раздражительное состояніе, — все это какъ рана открылось и заболѣло теперь ужъ явною и понятною болью.

— Я царь, мужъ царицы... ужъ...

Онъ съ досадою оборвалъ привязавшуюся глупую фразу куплета, бросилъ недокуренную папироску, громко шелкнулъ крышкой портсигара, закурилъ новую папиросу и громко рѣшительно сказалъ себѣ, точно обращаясь къ другому.

— Къ чорту все. Порву.

IV

«Просто струсилъ. Позорно, подло струсилъ», растравлялъ Аркадій Артемьевичъ свою рану, медленно шагая по затвердѣвшему на тротуарѣ скрипучему снѣгу и пряча подбородокъ въ высокій, заиндевѣвшій по сгибу бобровый воротникъ шинели.

Какое безуміе было такъ нелѣпо, ненужно осложнять свою жизнь связью съ женщиной. Если бы была любовь. Но вотъ сейчасъ прошла мимо и привѣтливо блеснула глазами прелестная молодая женщина,—развѣ не съ такимъ же жаромъ, не съ тою ли страстью онъ сжималъ бы ее въ своихъ объятіяхъ? Аглаѣ сорокъ лѣтъ. Она на восемь лѣтъ старше его. И драма: «черезъ все переступила». И ложь и униженіе тамъ, въ кабинетѣ ея мужа. Какъ все это громоздко и какъ все это ненужно. И все это только начало... Ну... а если Константинъ Васильевичъ узнаетъ, если все откроется, вѣдь тогда...»

Аглая!

Она шла навстрѣчу большая въ своей каракулевой шубкѣ, бодрая, подвижная, и щеки ея заласканныя веселымъ морозомъ пылали яркимъ румянцемъ.

«Какая могучая и жизнеобильная», мелькнуло въ мысляхъ.

Аркадія Артемьевича и сразу все, что онъ думалъ до этого, ушло, исчезло какъ навѣжденіе.

И тотчасъ же, словно только что очнулся, съ удовольствіемъ почувствовалъ онъ, какъ пріятно щиплетъ лицо морозъ, услыхалъ гиканье извозчиковъ, весело несущихся на заиндевѣвшихъ и дымящихся лошаденкахъ, услыхалъ скрипъ полозьевъ, увидѣлъ бабу толсто закутанную въ смѣшныя тряпки,—она торопливо переходила черезъ дорогу, смѣшно присѣдая подъ коромысломъ, на которомъ качались тяжелыя обледенѣлыя ведра,—и только теперь собралъ и увидѣлъ, что Аглая Семеновна поздоровалась съ нимъ и называется крѣпко пожимающаго ему руку юнаго, розоваго подпоручика,—*сыномъ*.

— Котя, мой сынъ. Константинъ Константиновичъ.

«Ну, что жъ, все равно. Такіе все пустяки. Сынъ такъ сынъ. А она прекрасная женщина. И жить такъ хорошо. Морозъ такъ славно щипать».

Близко были большіе яркіе каріе глаза и они говорили ему: «Это ничего, что сынъ. Любуюсь тобой и люблю».

— Вы не спѣшите Аркадіи Артемьевичъ? Впрочемъ, все равно, проводите насъ. Кстати избегайте меня отъ болтовни его. Представьте себѣ, этотъ дрянной мальчишка совсѣмъ вскружилъ мнѣ голову: увѣряетъ, что никто въ жизни не повѣритъ, что я ему мать, что насъ на улицѣ всѣ принимаютъ за брата и сестру.

— Константинъ Константиновичъ правъ,—съ холодной любезностью произнесъ Аркадіи Артемьевичъ, сразу подобрившись и рѣшивъ быть на-сторожѣ. Ей совсѣмъ не слѣдовало при сынѣ заводить разговоръ въ такомъ тонѣ. И напрасно она такъ откровенно нѣжно смотритъ на него, какъ будто хочетъ, чтобы сынъ замѣтилъ и догадался объ ихъ отношеніяхъ.

Котѣ тоже не понравилось, что мать заговорила при постороннемъ въ такомъ неподходящемъ для нея тонѣ. Онъ вдругъ умолкъ, сталъ серьезенъ и нѣсколько разъ неприязненно покосился на Аркадія Артемьевича. Этотъ знакомый мама совершенно ему не понравился: цѣдитъ слова сквозь зубы, точно устаиваетъ своей бесѣдой, держится точно императоръ на смотру передъ фронтомъ—пренепріятный должно быть, сухой, чванный субъектъ.

Но Аглая Семеновна очевидно не замѣтила, какое впечатлѣніе вызвали ея слова. Она была весело возбуждена и счастливо сіяющіе глаза ея глядѣли одинаково восторженно то на сына, то на Аркадія Артемьевича. Она много и возбужденно говорила о сынѣ, о его вче-

рашнемъ неожиданномъ прїѣздѣ, о своей радости, о мужѣ и о его радости и въ каждомъ словѣ ея была любовь къ нимъ горячая и неисчерпаемая и грудной голосъ ея былъ полнозвученъ и радостенъ и плечомъ она такъ довѣрчиво прикасалась къ плечу Аркадія Артемьевича, какъ къ близкому-близкому.

Аркадія Артемьевича охватило раздраженіе. Что она?.. Нелѣпый восторгъ какой... Влюбленные женщины глупы какъ попугаи... Онъ окончательно разолился, вспомнилъ какъ только, что когда вдругъ увидѣлъ Агглю, легко и весело ему стало и злость его перешла въ бѣшенство.

— Я безнадежный холостякъ, Аглая Семеновна. До сихъ поръ я съ пренебрежительностью думалъ о томъ, какъ любятъ родители своихъ дѣтей, а теперь воочию вижу счастье матери. Я сраженъ, Аглая Семеновна. Это прекрасно и умирительно до слезъ,—произнесъ онъ съ кривою, выдающею его бѣшенство улыбкою.

Аглая Семеновна на мгновенье перестала улыбаться и верхняя губа ея судорожно, какъ отъ боли, вздернулась... Но она тотчасъ же овладѣла собой и преувеличенно громко разсмѣялась.

— Въ такомъ случаѣ женитесь, станьте отцомъ и вы будете умиляться отъ собственного счастья.

Котя шелъ рядомъ, но разговора не слушалъ—ему былъ окончательно неприятенъ этотъ напыщенный офицеръ, и, чтобы не участвовать въ бесѣдѣ онъ развлекалъ себя впечатлѣніями улицы. Среди встрѣчныхъ было много женщинъ, щеки которыхъ алѣли отъ мороза. Сіяющими, какъ у матери восторженными глазами, онъ провожалъ ихъ, и не одна пара стремительныхъ глазъ плутовато сверкала отвѣтной улыбкой. Въ одномъ мѣстѣ встрѣтилась цѣлая ватага шумливыхъ гимназистокъ: новый, хорошенькій офицерикъ—гимназистки знали всѣхъ офицеровъ въ городѣ—привлекъ ихъ общее вниманіе и онъ откровенно заулыбался ему, заговорили о немъ и, наконецъ, просто остановились и когда онъ оглянулся, закивали ему головами, а нѣкоторыя со звонкимъ хохотомъ даже ручками помахали. И возбужденный, счастливый, онъ оборачивался, кивалъ головой, тоже дѣлалъ рукой привѣтственные знаки и на одну минуту даже отсталъ отъ матери.

Аглая Семеновна минуткой этой воспользовалась и быстро тревожно спросила:

— Что съ тобой? Ты золъ и придирчивъ. Не надо, не надо, ничего не говори... Я приду послѣ завтра въ то же время. А теперь лучше распрощайся съ нами.

— Досвиданья, Аркадіи Артемьевичъ — громко произнесла она. — Не забывайте насъ. Вы вѣдь знаете, какъ Константинъ Васильевичъ и я всегда вамъ рады.

Приглашеніе это сорвалось у нея какъ-то само собой: не могли быть они *всегда* рады Аркадію Артемьевичу, такъ какъ онъ и бывальто у нихъ всего раза два, да и то въ особо торжественные дни. Но это сказано было во-время и она была довольна тѣмъ, что такъ удачно сболтнула. И успокоенная и снова веселая протянула руку въ перчаткѣ.

Аркадіи Артемьевичъ не цѣлуя пожалъ ее.

Котя щелкнулъ шпорами и щеголевато, не прикасаясь къ фуражкѣ, козырнулъ ему.

— Какой противный, — не удержался онъ, когда Аркадіи Артемьевичъ отошелъ отъ нихъ.

— Котя, мнѣ это не нравится, — оборвала его мать.

— Прости, мама, — заторопился Котя и нѣжно взялъ ее подъ руку.

Взбѣшенный шель Аркадіи Артемьевичъ, жестко скрипѣлъ подъ его ногами снѣгъ, сердито звякали шпоры, грубое чувство кипѣло въ груди и искало злобныхъ, грубыхъ словъ.

«Чортъ толкнулъ меня связаться съ этой насѣдкой!» вырвалась у него бѣшенная мысль и въ тотъ же самый мигъ онъ громко, на всю улицу крикнулъ: «Стой!», впившись круглыми глазами въ мелькнувшаго мимо него низкорослаго солдата.

Солдатикъ даже поскользнулся отъ этого окрика, обернулся и замеръ на мѣстѣ, прижавъ красные пальцы къ виску.

— Ты гдѣ служишь?

Огорошенный начальническимъ гнѣвомъ, солдатикъ отвѣтилъ не сразу, запнулся, сбился и пробормоталъ что-то совсѣмъ невнятное.

— Ступай къ коменданту и доложи, чтобы тебя, болвана, посадили на десять сутокъ за неотданіе чести. Маршъ.

— Сушь, вашсобродь.

Солдатикъ какъ деревянный повернулся на одномъ мѣстѣ и зашагалъ такъ, точно ему вогнали гвоздь въ спину.

V

Въ столовой для команды Управленія, огороженной деревянными некрашеными перегородками комнатъ, загроможденной длинными столами и скамьями, шумъ и толчея. Чертежники, писаря,

курьеры, уберщики и денщики, пользующіеся изъ экономіи котломъ, струдились толпой у окошечка, откуда уборщикъ Пыжовъ выдаетъ обѣдъ. Пыжовъ ражій дѣтина, большой, грязный, обросшій волосами, грубый и свирѣпый. Занятый уборкой или исполняя какое-либо офицерское порученіе, онъ угрюмо молчитъ и злобно косится на всѣхъ изъ-подъ опестившихся бровей, зубы его при этомъ крѣпко, какъ у бульдога, сцѣплены и, кажется, что разомкнутся только чтобы цапнуть... Но у баковъ, распространяющихъ вкусный, горячій запахъ щей и каши, онъ всегда оживляется и дѣлается болтливъ.

— Подходите и товаришевъ подводите,—призываетъ онъ и расплескивая наливаетъ въ миски щи, роется грязною рукою въ бакъ съ порціями—кусками говядины нарѣзанной по вѣсу и натыканной на деревянныя палочки.

Писарь Кузовкинъ, чистенькій и прилизанный до призыва служившій въ Петербургѣ, въ конторѣ Зингеръ и К^о конторщикомъ, брезгливо морщится и ворчитъ:

— Свинство какое, дали ему вилку, а онъ грязной лапой беретъ.

Пыжовъ мгновенно свирѣпѣетъ, хватаетъ вилку, которая лежитъ возлѣ бака, натываетъ на нее рукою порцію и яростно суетъ черезъ окошечко прямо въ лицо Кузовкину:

— На вотъ, табѣ на вилкѣ, блоха чесаная. И отходи скорѣя, покелева щами рожу не запляснуть.

Солдаты хохочутъ и оттискиваютъ отъ окошечка Кузовкина, оскорбленнаго и испуганнаго.

— Хамъ,—ворчитъ онъ.—Я вотъ пожалуюсь Ухову, ей-Богу.

Денщики держатся особнякомъ отъ всѣхъ. Ихъ всѣ, даже уборщики, открыто презираютъ и сторонятся.

— Ей, холуи!—окликаетъ Пыжовъ Тоболюка и Потапова,—чаво рты разинули, подходятя шибче.

Тоболкъ съ миской протискивается къ окошечку.

— Загребы съ пидь низу гущинки?—проситъ онъ съ заискивающей улыбкой.

— Я табѣ, дармоѣду, чаво дамъ, таво и слопаешь,—съ веселой яростью огрызается Пыжовъ, расплескивая щи.

За столами сидятъ тѣсно, съ поджатыми локтями, ѣдятъ быстро и жадно, рвутъ зубами сѣро-зеленоватые куски жесткой, для вкуса не доваренной говядины, какъ голодные волки.

Денщики, — ихъ шесть человекъ,—сбились въ кучу, выбираютъ деревянными ложками щи изъ миски и проглатываютъ съ шумнымъ прихлебываньемъ. Послѣ щей, чавкая и облизывая ложки,

всѣ ѣдятъ вкусную жирную гречневую кашу и, окончивъ обѣдъ, разбѣгаются изъ столовой, оставляя на залитомъ щами столѣ отрывки хлѣба, обглоданныя кости, разсыпанную соль, грязныя миски и разбросанныя повсюду ложки.

Денщики Тоболюкъ и Потаповъ остались въ столовой покурить. Тоболюкъ рукой смахнулъ со скамьи, залитой щами, застывшіе въ жиру кусочки капусты и сѣлъ, опершись спиной на твердое ребро стола съ видомъ человѣка, который хорошо поѣлъ, сейчасъ вотъ хорошо посидить, покурить, покалякаетъ, которому однимъ словомъ хорошо живется на свѣтѣ.

— Закуримо,—произнесъ онъ со вкусомъ, вытаскивая изъ-за пазухи смятую папиросу, бережно расправилъ ее, воткнулъ въ ротъ и прикусилъ черными зубами.

Потаповъ подмигнулъ на папиросу:

— Почемъ воровалъ десятокъ? Угощай и насъ.

— Дулю. Ци папирасы тилько для пановъ. Хамамъ не дозволяется курить.

Потаповъ растеръ на ладони махорку, соорудилъ сигарку, закурилъ и заговорилъ:

— А къ намъ вчерась барчукъ пріѣхалъ. Никого дома не было. Барыня только въ двѣнадцатомъ часу вернулась, а самъ и того позже.

— Эге. Це вона, барыня твоя, съ моимъ паномъ путлялась.

Потаповъ даже курить пересталъ и вылупилъ на Тоболюка глаза.

— Ври больше.

— Собака брешеть... Ще до того, якъ пришла, каже: «Я тебѣ, скуину сыну, языкъ выдергаю». Шобъ значитъ никому я ни-ни про то, шо була. Эге. Та и дюжа баба. У-у! Чистый паровозъ. Дармо шо въ годахъ.

Потаповъ былъ ошеломленъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! Скажи ты, пожалуйста, стерва какая: Ну-ну!

Въ столовую вошелъ Пыжовъ.

— Ну, вы, холуи, выметайся.

Денщики покорно вышли изъ столовой и перешли по узкому коридору въ помещеніе команды, куда привлекло ихъ треньканье балалайки.

Въ просторной съ огромными окнами комнатѣ, у стѣны, въ углахъ и по срединѣ, въ два ряда, стояли на козлахъ койки чиновъ команды. Въ углу подъ образомъ Серафима Саровскаго, на тощей койкѣ си-

дѣлъ писарь Верейкинъ, молодой курносый парень, балагуръ, кощунъ и ругатель, и бойко отзванивалъ ходкими пальцами на балалайкѣ, и въ тактъ аккомпанименту, такимъ же ловкимъ какъ и пальцы языкомъ, вычитывалъ частушку:

«Эй ты, чучело крылато, что стоишь разиня ротъ,
И святому Іоанну не откроешь въ рай воротъ?
— Проходи, не проѣдайся,—отвѣчаетъ ангель вратъ—
Не пуцаемъ дармоѣдовъ, убирайся къ бѣсу въ адъ».

Верейкина окружили, взсбались на его койку, заняли сосѣднія, слушаютъ, хохочутъ.

Денщики Тоболюкъ и Потаповъ протискались къ Верейкину, сѣли поближе.

— Слухай,—перебилъ Верейкина Тоболюкъ,—ты спой...

На него зашумѣли, прикрикнули:

— Тише, ты, не мѣшай.

Но Тоболюкъ, новидимому, былъ увѣренъ, что то, что онъ скажетъ, покажется интереснѣе частушки.

— Ни, слухай. Ты составъ про мого пана, та про генералова Хворостова жинку.

Онъ не ошибся. Верейкинъ положилъ ладонь на струны, сразу умолкъ. Прилизанный Кузовкинъ метнулся къ Тоболюку:

— А что развѣ? А? Ну! Врешь!

Тоболюкъ, наслаждаясь произведеннымъ впечатлѣніемъ, не обратилъ вниманія на Кузовкина.

— Ни, слухай, Верейка. Ты составъ про то, якъ воны генерала стараго обдурили. Смѣхота.

Солдаты недовѣрчиво поглядывали на Тоболюка, переглядывались, усмѣхались.

Кузовкинъ изводился:

— Слушай, Потаповъ, правду онъ?

Потаповъ, польщенный его обращеніемъ, скорчилъ смѣшную гримасу и сказалъ важно, съ разстановкой:

— Да. Не безъ прочаго. И вообще.

Но не выдержалъ и тутъ же раскатисто загоготалъ.

Кузовкинъ такъ весь и кипѣлъ:

— Врутъ они!

И опять рванулся къ Тоболюку:

— Нѣтъ, ты въ самомъ дѣлѣ не врешь? Вотъ такъ штука! Вотъ такъ гвоздь!

— Такъ составишь?—допытывался у Верейкина Тоболюкъ, удовлетворенный тѣмъ, что доставилъ всѣмъ большое удовольствіе. Теперь ужъ онъ совсѣмъ не обращалъ вниманія на Кузовкина.

— Такую, братъ, сварганю, первый сортъ!—отвѣтилъ воодушевленный Верейкинъ и неожиданно взвизгнувъ, хватилъ съ плеча по струнамъ и скороговоркой затараторилъ:

«Стрексзиху стрекозель
Соблазнилъ, домсй увель.
Егоза-стрекоза
Стрекозленка родила».

И-ихъ, ты-и, ходи веселѣя!

— Ну и дьяволюка же, забодай тибѣ муха,—хохоталъ съ восторгѣ Тоболюкъ.

Не каждый день на долю денщика выпадаетъ такое вниманіе со стороны команды. Выходить, не даромъ секретъ разсказалъ: и себѣ удовольствіе и людямъ тоже.

VI

Аглая Семеновна пришла къ Дойникову, какъ общала, и принесла не только примиреніе съ собой, но и радостную для Аркадія Артемьевича вѣсть о производствѣ. Она случайно въ разговорѣ съ мужемъ узнала объ этомъ и, въ нетерпѣливомъ желаніи быть первой счастливой вѣстницей, пришла къ нему на часъ ранѣе назначеннаго. Радость вышла даже больше чаемой Аглаей Семеновной. Аркадій Артемьевичъ, приготовившійся въ самомъ корнѣ пресѣчь нелѣпую, — какъ онъ мысленно опредѣлялъ, — связь съ генеральшей, былъ застигнутъ врасплохъ преждевременнымъ приходомъ и неожиданной вѣстью. Онъ даже лица не успѣлъ приготовить, какое ему нужно было для того, чтобы благородно, спокойно, съ разсудительностью трезвой мудрости и въ то же время мягко, по дружески, встрѣтить Аглаю Семновну и выяснить ей, что связь ихъ — жестокая ошибка, которую, во избѣжаніе тяжелыхъ осложненій и драмъ, необходимо прервать теперь же, въ самомъ началѣ. Ему представлялось, какъ онъ, немного грустный, выйдетъ къ ней навстрѣчу, возьметъ по дружески обѣ ея руки, усадитъ на диванѣ и заговорить съ ней... Преждевременный приходъ ея сбилъ его съ толку и онъ вышелъ къ ней съ лицомъ растеряннымъ и недоумѣвающимъ. А она не дала ему даже времени въ порядокъ себя привести, задержала его руку, потрясла

по особенному многозначительно и, звучно подчеркивая слова, произнесла:

— Здравствуйте, господинъ капитанъ.

— Что это значить?—пробормоталъ онъ.

— А это значить то, что вы получили производство. Съ новаго года вы капитанъ.

Вѣсть эта радостно огорошила Аркадія Артемьевича. Онъ осклабился, разсмѣялся и въ порывѣ какого-то неизъяснимаго чувства схватилъ руку Аглаи Семеновны и поцѣловалъ ее. Онъ въ тотъ же моментъ, какъ цѣловалъ, ужъ почувствовалъ, что сдѣлалъ промахъ, вышло неладное, глупое, кажется унижительное. Но уже было поздно. Аглая Семеновна точно выжидала этотъ моментъ и когда взяла его подъ руку жестомъ доброй королевы, осчастливившей дружбой своего подданнаго, онъ понялъ, что теперь для него все пропало, что онъ не только не сумѣетъ какъ собирался, разсудительно внушить ей необходимость порвать ихъ связь,—просто не осмѣлится заговорить съ ней въ такомъ тонѣ.

И съ нимъ произошло то, чего онъ никакъ не могъ бы разсудкомъ допустить въ себѣ и противъ чего разсудокъ его и сейчасъ безсилно возставалъ: онъ обмякъ, присмирѣлъ и покорился.

Аглая Семеновна была осторожна. Недоброе презрительное чувство поднялось въ ней, когда Аркадій Артемьевичъ, гордый Ара, такъ благодарно, по-рабски поцѣловалъ ея руку. Точно съ такимъ же движеніемъ и съ тою же недостойною поспѣшностью цѣловала ей руку горничная Луша, когда получала въ подарокъ отъ барыни старое платье. И еще досаднѣе стало отъ того, что вспомнилась для сравненія Луша. Это было для Аглаи Семеновны большимъ пораженіемъ. Вотъ онъ какой на самомъ дѣлѣ. А она-то можетъ быть и отмѣтила его среди другихъ и избрала за его гордость, за его лицо гордое, за осанку царскую. Первымъ желаніемъ ея было схватить его, встряхнуть, крикнуть ему: «Какъ тебѣ не стыдно. Не смѣй такъ». Но привычка владѣть собой помогла ей не выдать своихъ чувствъ. Сдерживая себя она взяла его подъ руку. Но уже то, что должно было совершиться—совершилось: онъ оказался во власти ея воли. И въ первомъ же ея жестѣ, въ томъ, какъ она взяла его подъ руку, сразу же и сказалось, что въ ихъ отношеніяхъ произошелъ переломъ: она стала госпожей надъ нимъ. Это было для нея пораженіемъ, но это же дало ей и новую радость: теперь онъ принадлежалъ ей всецѣло. Ну, что жъ, что онъ не такой, какимъ она его представляла,

ну, что жъ, что онъ не гордый рыцарь, а обыкновенный человѣкъ. Но онъ вѣдь не хуже другихъ.

И она негодовала и радовалась и оскорбить его хотѣла и унижить еще больше и обласкать нѣжно, какъ своего родного, котораго обдѣлили, лишили лучшаго украшенія, но который все же остался роднымъ и близкимъ.

Она привлекла его къ себѣ, мягкой рукой гладила его волосы и, когда поймала его взглядъ, сказала:

— Ты не подумай, Ара, что это я помогла тебѣ. Константинъ Васильевичъ самъ заговорилъ сегодня о наградахъ и производствахъ по управленію и среди другихъ назвалъ и тебя.

Сказала это и съ тревогою смотрѣла на него, точно испытывала, подлинно сильна она надъ нимъ или сейчасъ онъ воспользуется ея словами, чтобы снова гордо поднять голову. И хотѣла, чтобы гордость вернулась къ нему и боялась этого.

Но Аркадій Артемьевичъ не воспользовался ея словами и, по-видимому, даже не замѣтилъ того, что она хотѣла помочь ему исправить его промахъ.

— Все равно. Все равно,—лепеталъ онъ, даже точно не соображая, то ли это относилось къ ея словамъ, то ли къ тому, что унижилъ себя передъ нею и тѣмъ призналъ ея волю надъ собою.

Онъ весь былъ въ радостномъ ощущеніи своего производства и сейчасъ въ Аглаѣ Семеновнѣ видѣлъ только добрую вѣстницу, покровительницу, источникъ всевозможныхъ благополучій и ко всему этому цвѣтущую женщину, которую имѣлъ право ласкать.

— Что все равно?—допытывалась Аглая Семеновна.

Вмѣсто всякаго отвѣта онъ обнялъ ее.

Но когда Аглая Семеновна ушла, онъ досталъ коньякъ, выпилъ нѣсколько рюмокъ подъ рядъ, щелкнулъ языкомъ, щелкнулъ пальцами, величественной походкой съ гордо поднятой головой и съ выраженіемъ холоднымъ и неумолимымъ подошелъ вплотную къ большому зеркалу, приблизилъ къ стеклу лицо, сдѣлалъ рожу и показалъ себѣ языкъ.

VII

Устроить елку для всѣхъ чиновъ Управленія придумалъ самъ генераль, Константинъ Васильевичъ. Сказалъ онъ объ этомъ въ хорошую минутку, послѣ неожиданнаго посѣщенія, сдѣланнаго главнокомандующимъ фронтомъ.

Собственно, посѣщеніе это было неожиданнымъ только офи-

ціально, на самомъ же дѣлѣ ужъ за мѣсяць до посѣщенія начальникъ штаба главнокомандующаго сообщилъ Константину Васильевичу, что, подписывая представленіе о производствѣ и наградахъ офицерамъ Управленія, главнокомандующій выразилъ желаніе лично и безъ предупрежденія осмотрѣть управленіе и непосредственно познакомиться съ его дѣятельностью.

— Вы мнѣ напомните, пожалуйста, въ свободную минутку и мы съ вами съѣздимъ туда.

Начальникъ штаба, генераль-маіоръ Липатовъ, былъ старымъ другомъ—однокашникомъ Константина Васильевича, и счелъ своимъ дружескимъ долгомъ въ тотъ же день сообщить объ этомъ Константину Васильевичу. Константинъ Васильевичъ заволновался, разстроился и попросилъ по-дружески оттянуть хотя бы на мѣсяць это посѣщеніе. Друзья условились, что Константинъ Васильевичъ дастъ знать Липатову *когда можно* и разстались, крѣпко пожимая другъ другу руки, оба съдые, оба жизнью убѣжденные въ томъ, что нѣтъ ничего благороднѣе и прекраснѣе старой, многолѣтней человѣческой дружбы.

Результатомъ краткой бесѣды друзей было то, что съ утра другого дня во всемъ Управленіи закипѣла работа по очисткѣ и уборкѣ помѣщенія и по приведенію въ порядокъ всѣхъ бумагъ и дѣлъ. Писаря вытащили изъ шкаповъ всѣ бумаги, перебрали ихъ, сложили аккуратно въ алфавитномъ порядкѣ, подъ литерами и номерами. Отдѣленію Аркадія Артемьевича приказано было во что бы то ни стало закончить въ кратчайшій срокъ перекладку чертежей изъ старыхъ папокъ въ новыя, такъ что даже самому Аркадію Артемьевичу пришлось принять участіе въ сортировкѣ чертежей и приготовленіи новыхъ папокъ.

На два дня было даже совсѣмъ отмѣнено обычное занятіе въ Управленіи, чтобы дать возможность уборщикамъ и дневальнымъ навести чистоту. Самъ генераль осмотрѣлъ спальни нижнихъ чиновъ, обшелъ всѣ койки, двумя пальцами поднималъ соломенные тюфяки, распушилъ Верейкина за то, что обнаружилъ у него подъ тюфякомъ цѣлую кладовую съѣстныхъ припасовъ, назначилъ его на пять нарядовъ не въ очередь и всѣмъ объявилъ, что если послѣ уборки обнаружитъ у кого-нибудь подъ тюфякомъ хоть клочокъ бумажки—пошлетъ подъ арестъ на тридцать сутокъ. Заглянулъ генераль и въ столовую: попробовалъ щей, выплюнулъ и приказалъ Пыжову подавать ему въ кабинетъ каждый день для пробы обѣды.

Когда въ Управленіе неожиданно сообщили, что черезъ часъ

прибудетъ главнокомандующій съ начальникомъ штаба, все управление напоминало новую декорацию театральную: все было выложено, мебель, пишущія машины, стекла оконъ блестѣли и играли, какъ будто только что выпущенныя изъ магазина, столы были накрыты чистымъ синимъ картономъ, въ вымытыя чернильницы налиты свѣжія чернила, во вставки воткнуты новыя перья. Въ отдѣленіи Аркадія Артемьевича въ образцовомъ порядкѣ лежали новенькія папки, на чертежномъ столѣ наколота была находящаяся въ работѣ калыка, передъ каждымъ изъ офицеровъ лежала груда дѣловыхъ бумагъ.

Офицеры, какъ будто предчувствуя, явились въ этотъ день въ походныхъ гимнастеркахъ при оружьи.

Главнокомандующій прибылъ точно, въ назначенный часъ, безъ опозданія. Дневальный Лыкинъ, услышавъ всѣмъ извѣстный голосъ сирены автомобиля главнокомандующаго—это шоферъ подалъ сигналъ о прибытіи—широко распахнулъ дверь и вытянулся, насколько позволяла ему гибкость его здоровой молодцеватой фигуры. Тутъ же у дверей стоялъ дежурный прапорщикъ Гринько, блѣдный и взволнованный. Ему предстояло первому принять главнокомандующаго и отрапортовать о благополучномъ сосгоянніи Управления. Онъ нѣсколько разъ выбиралъ мѣсто, чтобы когда войдетъ главнокомандующій не мѣшать ему прейти и въ то же время оказаться прямо передъ нимъ, нервно провѣрялъ кортикъ на туго затянутомъ поясѣ и нѣсколько разъ шопотомъ обращался къ Лыкину:

— Посмотри-ка, ровно у меня поясъ?

— Такъ точно, вашабродь. Ровно!

— Тсс... не ори, чортъ!—испуганно осаживалъ онъ Лыкина, еще больше блѣднѣлъ и припоминая шепталъ первыя слова обращенія.

Главнокомандующій, высокій рыхлый старикъ, въ сѣдыхъ усахъ и съ огромной волосатой бородавкой на правой щекѣ, вошелъ въ сопровожденіи начальника штаба генерала Липатова и адъютанта своего франтоватаго князя Накашидзе.

— Здрая-жаю, ваши!...—заоралъ дико тараща глаза Лыкинъ, такъ, что главнокомандующій вздрогнулъ, обернулся къ нему и сказалъ добрымъ старческимъ баскомъ:

— Эка, братецъ, ты...

— Радъ стараться, ваши!..—еще оглушительнѣе гаркнулъ Лыкинъ.

— Ну-ну...—шатнулся отъ него главнокомандующій и наткнулся на прапорщика Гринько, которому такъ и не удалось найти удобную

позицію для встрѣчи. Это совсѣмъ сбило Гринько съ толку и въ память пришелъ онъ только, когда главнокомандующій спросилъ его фамилію и попросилъ проводить къ начальнику.

Константинъ Васильевичъ находился въ своемъ кабинетѣ, дверь котораго открывалась прямо въ коридоръ. Онъ стоялъ у двери и въ щелку видѣлъ какъ принимаютъ главнокомандующаго.

— У, скотина... голову снесу негодяю,—негодовалъ онъ на Лыкина и топалъ ногой и посылалъ проклятія неловкому Гринько.

— Экая дубина, чтобъ тебѣ пропасть.

Но когда главнокомандующій направился къ нему, онъ съ несвойственною его возрасту и положенію живостью шмыгнулъ за столъ, схватилъ красный карандашъ и углубился въ работу. Такъ за работой и засталъ его главнокомандующій.

Въ сопровожденіи Константина Васильевича и офицеровъ Управленія, которые присоединялись къ его свитѣ по мѣрѣ того, какъ онъ переходилъ изъ отдѣленія въ отдѣленіе, главнокомандующій обошелъ все Управленіе, бесѣдовалъ съ начальниками отдѣленія и офицерами, вскользь спрашивалъ о работѣ въ отдѣленіи и болѣе подробно интересовался службой офицеровъ, спрашивалъ, кто гдѣ служилъ, гдѣ учился, слушалъ внимательно и низкимъ баскомъ поощрительно поддакивалъ:

— Да, да, да. Такъ, такъ. Да, да.

Съ Аркадіемъ Артемьевичемъ онъ разговорился о военной инженерной академіи, гдѣ тотъ учился и сталъ припоминать своихъ друзей—профессоровъ академіи.

Разговаривать съ высокимъ начальствомъ Аркадіи Артемьевичъ умѣлъ и бесѣда затянулась на нѣсколько минутъ, къ величайшему удовольствію Константина Васильевича, который въ этомъ видѣлъ хорошій знакъ: Управленіе представлено въ должномъ видѣ и вызываетъ, повидимому, расположеніе главнокомандующаго. На лицѣ Константина Васильевича, до того тревожно-сосредоточенномъ, появилась улыбка умиленія, какъ будто онъ говорилъ: «это все я, это дѣло моихъ рукъ».

Эта улыбка еще ярче расцвѣла, когда главнокомандующій, войдя въ общежитіе чертежниковъ и писарей, свѣтлое, просторное и принаряженное, остановился какъ будто изумленный, и сказалъ одобрително:

— Да это кадетскій корпусъ!

Осмотрѣвъ все, что ему было показано, главнокомандующій прстянулъ Константину Васильевичу руку теплую и вялую, точно

обмякли еъ ней всѣ кости, поблагодарилъ за образцовое состояніе Управленія, отмѣтилъ чрезвычайную государственную важность работы, исполняемой Управленіемъ, выразилъ увѣренность, что въ надежныхъ рукахъ Константина Васильевича Управленіе и впредь будетъ на той же высотѣ творить свое отвѣтственное передъ царемъ и родиной дѣло, и побѣщаль съ своей стороны полную поддержку. Поблагодарилъ онъ и господъ офицеровъ, чинно стоявшихъ въ почтительномъ отдаленіи, обошелъ всѣхъ и всѣмъ пожалъ руки и отбылъ, оставивъ на лицѣ Константина Васильевича сіяніе счастья, которое озарило лица офицеровъ, и распространилось по всему Управленію.

И въ этотъ день и на другой день, всѣ начальники и подчиненные ходили какъ въ праздничномъ угарѣ, а на третій день Константинъ Васильевичъ позвалъ къ себѣ ротнаго, ротмистра Ухова, и приказалъ ему на второй день Рождества устроить въ Управленіи елку для всѣхъ чиновъ Управленія, для солдатъ и офицеровъ, нанять оркестръ и приготовить чай съ закусками.

VIII

Уже въ томъ, что на елкѣ въ Управленіи встрѣтились люди чуждые другъ другу по жизни своей и по общественному и служебному положенію, чувствовалось, что веселья на этомъ праздникѣ не будетъ. Въ маленькомъ городкѣ, гдѣ всѣ жители не только знаютъ другъ друга въ лицо, но и точно вамъ расскажутъ, кто, гдѣ и какъ живетъ, что ѣсть, съ кѣмъ ругается и часто ли ходитъ въ баню,—знакомства строго разграничиваются, грани, отдѣляющія одну группу отъ другой, строго соблюдаются и ихъ не переступаютъ.

Встрѣчаясь изо дня въ день на службѣ за однимъ и тѣмъ же дѣломъ, объединенные одними и тѣми же интересами службы, офицеры управленія привыкли другъ къ другу и даже, какъ-будто, сроднились всѣ: дѣлились на чины, дѣлились по отношеніямъ, дружескимъ и враждебнымъ, но всѣ вмѣстѣ все же составляли одинъ офицерскій штатъ Управленія. И потому, независимо отъ личныхъ отношеній, никто не мыслилъ себя одинъ безъ другого. Нити жизни каждаго тѣсно переплелись, замотались въ одинъ клубокъ настолько, что ужъ отдѣлить мысль о себѣ, о событіяхъ, случаяхъ и просто о теченіи своей собственной жизни, стало невозможно безъ того, чтобы не вспоминалось то или иное лицо сослуживца, то или иное слово, то или иное дѣйствіе. Этому даже не мѣшало то, что, выйдя изъ Управленія, каждый въ отдѣльности уходилъ къ своей собственной жизни, совершенно обособленной и отличной отъ жизни сослуживцевъ:

Управление было центромъ жизни каждаго офицера, центромъ клуба, нити котораго распутать было уже въ возможности и воли человеческой.

На елку офицеры привели своихъ близкихъ и знакомыхъ, дамъ и барышень, и тутъ не только вдругъ выяснилось, но и поразило всѣхъ сослуживцевъ, что они чужды другъ другу, что они до сего представлялись совершенно иными, что они оказались людьми другого міра, а нѣкоторые даже просто неожиданными и странными. Никто, напримѣръ, не могъ предположить, что огромная, гигантская женщина, которую всѣ за послѣдніе дни встрѣчали на улицѣ съ грудю книжекъ подъ мышкой,—жена прапорщика Гринько. Она пріѣхала къ мужу погостить на святки, и теперь пришла съ нимъ на елку. Она ходила по залу широкими мужскими шагами, откидывала на темя пятерней прямыя, несгибающіеся, какъ палки, локоны, поминутно падавшіе на лобъ, и, строго сдвигая брови и поправляя пенсне въ толстыхъ черныхъ ободкахъ, разсматривала плакаты, рисунки и разныя бездѣлушки, которыми чертежники разукрасили общую писарскую и елку, осматривала всѣхъ окружающихъ и имѣла видъ русской туристки-учительницы, попавшей въ заграничный музей съ цѣлью добросовѣстно изучить все, что увидитъ. Гринько необычно робко семенилъ за ней и все объяснялъ, а когда наталкивался на кого-нибудь изъ сослуживцевъ, какимъ-то особеннымъ, неслышаннымъ доселѣ паточнымъ фальцетомъ, произносилъ:

— Нечочка, позволъ представить тебѣ сослуживца моего по штабу?

Пораженный сослуживецъ безъ особаго довѣрія клалъ руку въ огромную ладонь Нечочки и смотрѣлъ на Гринько такъ, точно впервые видѣлъ страннаго человѣка, который былъ мужемъ этой нелѣпой женщины.

Также неожиданнымъ оказалось для всѣхъ, что служака ротный, ходившій съ серебряной серьгой въ ухѣ, ротмистръ Уховъ, лошадинисъ, пьяница и картежникъ, переведенный въ штабъ изъ кавалерійскаго полка, явился съ цѣлымъ выводкомъ городскихъ дѣвицъ въ одинаковыхъ прическахъ, въ одинаково сшитыхъ блузкахъ изъ бирюзоваго, малиноваго и краснаго ластика, блестящаго, какъ жемчугъ, и дѣвицы эти всѣ оказались его сестрами и родственницами. А всѣ были убѣждены, что ротный изъ рода дворянъ-помѣщиковъ, да еще старой складки, какихъ нынче все меньше и меньше.

Тихій, хорошо воспитанный прапорщикъ Дуинь, котораго всѣ почитали за культурность и деликатность, и называли монахомъ

за то, что онъ всегда краснѣлъ, когда при немъ рассказывали скабрёзные анекдоты, и самъ за всю свою службу не произнесъ ни одного неприличнаго слова, удивилъ всѣхъ своей дамой, извѣстной всему городу подъ кличкой Маруська-Руль, проституткой съ профилемъ Юноны. Дунинъ нѣжно ухаживалъ за своей дамой, почтительно и галантно, какъ влюбленный въ прекрасную даму рыцарь, и знакомилъ ее съ сослуживцами съ восторгомъ влюбленного, который увѣренъ, что для каждаго пожать руку его прекрасной дамы такое же великое счастье, какъ для него самого. Маруська-Руль, встрѣтившая здѣсь многихъ своихъ друзей, дала имъ глазами понять, что они сегодня незнакомы. Друзья эти великолѣпно разыграли роль, галантно расшаркивались, звякали шпорами, цѣловали руку, но потомъ, собравшись въ сторонкѣ, вдали отъ Дунина, хохотали и весело сквернословили по его адресу.

Среди чертежниковъ и писарей, допущенныхъ на елку, происходило то же, что и среди офицеровъ. И здѣсь вдругъ обнаружилось, что люди, объединенные не только службою, но и одинаковою казарменною жизнью, оказались людьми, совершенно чужими другъ для друга и далекими.

Писарь Кузовкинъ, дѣлившій свою казарменную жизнь съ Верейкинымъ, — ихъ койки стояли рядомъ, вплотную одна къ другой, — явился на елку съ очаровательной барышней, красивой и изящной, которую офицеры ужъ давно примѣтили въ городѣ.

А Верейкинъ привелъ двухъ горничныхъ, краснорукихъ, въ отпыривающихся коробомъ юбкахъ, ошеломленныхъ и одеревенѣвшихъ отъ восторга.

Верейкинъ, увидѣвъ Кузовкина, подошелъ къ нему — обѣ горничныя неотступно слѣдовали за нимъ — и, несмотря на то, что Кузовкинъ вспыхнулъ и отвернулся, явно давая понять, что не желаетъ встрѣчи, толкнулъ его пальцемъ въ бокъ:

— Здравствуй, Кузовкинъ!

И сунулъ большую, жесткую, какъ камень, руку Кузовкину, а потомъ и барышнѣ его. Барышня испуганно посмотрѣла на Кузовкина и робко прикоснулась къ ужасной рукѣ.

Обѣ горничныя также, вслѣдъ за Верейкинымъ, поздоровались за руку съ Кузовкинымъ и съ барышней.

— Это у нихъ такой обычай... — стора отъ смущенія забормоталъ Кузовкинъ, когда Верейкинъ съ горничными отошелъ отъ нихъ. — Лѣзутъ съ грязными лапами... вы не обращайтесь... Пойдемте туда, сядемъ!

Онъ показаль на свободныя мѣста у стѣнки, гдѣ сидѣль ротмистръ Уховъ со своими дѣвицами. И тотчасъ же испугался: не влетитъ ли ему отъ Ухова, что такъ близко сѣлъ къ офицерамъ? И потому, усадивъ барышню, онъ самъ сѣсть не рѣшился и стояль около нея въ позѣ человѣка, готоваго по первому приказанію убраться прочь.

Низшій персоналъ Управленія, курьеры и уборщики, на елку не были допущены и исполняли обязанности прислуги у дверей, у вѣшалки, у самоваровъ. Свободные въ этотъ вечеръ столпились у дверей и жадно слѣдили за писарями и чертежниками, и дѣлились впечатлѣніями. Рѣзкая грань, положенная между ними и допущенными на елку вызывала въ нихъ враждебное и насмѣшливое чувство. Они толкали другъ друга, шептались, посмѣивались сдержанно, и по лицамъ ихъ видно было, что говорили злыя и веселыя гадости.

Когда всѣ собрались и захохоталь военный оркестръ, на обязанности котораго было поднять общее настроеніе, объединить всѣхъ и слить, то оказалось, что собравшіеся были настолько различны и чужды другъ другу, что объ объединеніи и думать нечего было. Они скупились по разнымъ угламъ въ отдѣльныя группки, растаскали чинно разставленные у стѣнокъ стулья, и въ каждой группкѣ, замкнутой и недоступной, перешептывались, поглядывая по сторонамъ съ такимъ видомъ, словно высмѣживали, не подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь посторонній, чужой и опасный.

Только огромная жена Гринько шагала по залу, какъ по музею, съ любопытствомъ разглядывая лица и изрѣдка оглядываясь на почтительно семенящаго за ней счастливаго Гринько.

Нѣкоторое оживленіе внесъ Котя Хворостовъ, явившійся на елку съ цѣлой толпою гимназистокъ. Они вошли въ залъ веселой, шумливой ватагой, взбодренные и зарумяненные морозомъ, и внесли съ собою холодъ, заставившій нѣкоторыхъ дамъ поежиться и шопотомъ выразить свое недовольство.

Дѣвицы громко разговаривали, съ откровеннымъ любопытствомъ разглядывали окружающихъ, звонко хохотали, осаждая Котю разспросами, дергали его, подталкивали и требовали, чтобы онъ далъ имъ кавалеровъ.

— Господа, — отбивался онъ, — не могу же я сразу! Я самъ здѣсь въ пегвый газъ! Дайте же хоть осмотгѣться! — И тоже громко хохоталь.

— Нечего, нечего осматриваться! — затрещали сразу нѣсколько голосовъ. — Вонъ офицеры стоятъ, приведите ихъ къ намъ!

И дѣвицы со смѣхомъ разступились и вытолкали Котю.

Офицеры во всѣ глаза разсматривали пеструю, плѣнительную толпу дѣвиць, и нетерпѣливо переступали съ ноги на ногу, точно рысаки, готовые рвануть съ мѣста и понести сломя голову, когда Котя подошелъ къ нимъ и представился. Офицеры зазвякали шпорами, расцвѣли отъ удовольствія и шумной гурьбой пошли за нимъ и обступили дѣвиць.

Остальные гости изъ своихъ уголковъ безстрастными глазами смотрѣли на молодежь, и видно было по этимъ глазамъ, что они ждутъ, чтобы ихъ расшевелили и развлекли, и не престають ни одной ошибки, ни одной оплошности.

— Вальсъ! Вальсъ! — потребовалъ Котя и сталъ искать глазами даму для вальса.

Барышни, которыхъ привелъ Котя, оказались всѣ расхвачанными. Онъ обвелъ глазами сидѣвшихъ кучками и увидѣлъ барышню Кузовкина. Веселый хмель ударилъ ему въ голову. Онъ зналъ ее, давно примѣтилъ и тщетно до сихъ поръ, какъ и другіе офицеры, искалъ знакомства съ ней.

Въ припрыжку, играя ногами, онъ подскочилъ къ ней, щелкнулъ шпорами, поклонился съ самоувѣренной смѣлостью и ловкостью свѣтскаго мальчишки, и пригласилъ ее танцевать.

Барышня вспыхнула, нерѣшительно посмотрѣла на Кузовкина, какъ бы спрашивая у него: «можно ли?» Но тотъ стоялъ вытянувшись передъ офицеромъ, сыномъ его превосходительства, и на лицѣ его было подобострастіе и готовность...

По лицу барышни промелькнула неувовимо брезгливая гримаска, она поднялась и положила руку на плечо Коти.

Какъ только они отошли, у Кузовкина перекозились отъ злости глаза.

Во время вальса Котя узналъ, что барышню зовутъ Марина Вячеславна, что она изъ Кіева, полька, что она съ забавной прелестью на польскій ладъ акцентируетъ слова. Все это показалось ему необыкновеннымъ, замѣчательнымъ и увлекло его въ неудержимомъ потокѣ восторга.

Генераль Константинъ Васильевичъ съ супругой, генеральшей Аглаей Семеновной, появились въ залѣ, когда танцовали ту-степъ. Въ передней гаркнули здравіе. Столпившіеся у дверей курьеры и уборщики испуганно разступились и, какъ встревоженные гуси, въ разбивку картаво и разногласо тоже прокричали здравіе. Испуганный шопотъ какъ вѣтеръ зашелестѣлъ въ группкахъ; заше-

велились, какъ кусты, головы; зашуршали платья, задвигались стулья. Кто-то остановилъ музыку, и когда Константинъ Васильевичъ и Аглая Семеновна, объ руку, появились на порогѣ зала, оркестръ рывкнулъ тушъ. Константинъ Васильевичъ замахалъ рукой. Умолкъ оркестръ, пошло по залу шиканье и нѣсколько голосовъ крикнули: «тише!»

— Господа, не надо этого, не надо... веселитесь, пожалуйста, и не обращайтесь на меня вниманія!.. Не обращайтесь... веселитесь! Да! Пожалуйста, прошу васъ!

Нѣсколько офицеровъ, однако, обступили ихъ, проводили къ стульямъ въ центрѣ зала, у стѣны. Двѣ ближайшія группки торопливо задвигали стульями, и, когда Константинъ Васильевичъ съ Аглаей Семеновной стли, вскругъ нихъ образовалось пустое мѣсто.

Аглая Семеновна была въ открытомъ платьѣ изъ чернаго бархата, съ пунцовой резей на вырѣзѣ лифа. Пышныя круглыя плечи ея и шея были слишкомъ бѣлы, лицо слишкомъ розово, а крупныя чувственыя губы не въ мѣру красны. Гримъ былъ откровенный, нескрываемый, такой, который женщины дѣлаютъ въ полной увѣренности въ его неотразимомъ очарованіи.

Офицеры почтительно щелкали шперами и склоняли головы, а она привѣтливо всѣмъ улыбалась, плавнымъ, величественнымъ жестомъ протягивала нѣжную, теплую руку, украшенную розовымъ блескомъ ногтей и сверканіемъ колець.

— Очень, очень мило! — сказала она Константину Васильевичу, обводя глазами украшенія залы и скользнувъ взглядомъ по лицамъ. Она увидѣла въ сторонкѣ Котю, который со свойственною ему живостью и чрезмѣрной жестикуляціей, что-то говорилъ хорошенькой барышнѣ, и счастливо улыбнулась. Потомъ еще поискала глазами въ толпѣ и заговорила о чемъ-то съ мужемъ съ тою же привѣтливой улыбкой на лицѣ.

Отовсюду, изъ разныхъ концовъ, устремлены были на нее глаза всѣхъ женщинъ. Ее разбирали, судили ея прическу, опредѣляли количество фальшивыхъ волосъ, спорили о краскахъ ея лица, о платьѣ, о качествѣ матеріи платья, о приличіи ея декольте и о томъ, слишкомъ или въ мѣру напудрены ея плечи и накрашены губы, и даже о лорнеткѣ, котсрую она, время-отъ-времени, привычнымъ жестомъ подносила къ глазамъ, — обо всемъ этомъ говорили жаркимъ шопотомъ, наклоняясь другъ къ другу и сторежко оглядываясь на ближайшія группки чужихъ и опасныхъ людей.

Чины команды, хотя и привели съ собою дамъ и намѣревались

провести весело вечерокъ, были связаны по рукамъ и по ногамъ присутствіемъ офицеровъ, и не осмѣливались принять участіе въ танцахъ.

Попросить позволенія танцовать никто изъ нихъ не рѣшался, всё ждали, что ротный самъ вспомнитъ и разрѣшитъ.

Но ротмистръ Уховъ сидѣлъ со своими пестрыми дамами, что-то имъ вралъ, отъ чего онѣ взрывчато хихикали, и, повидимому, совершенно забылъ о нихъ. Подавленные явнымъ презрѣніемъ своихъ обиженныхъ дамъ, они толпились въ сторонкѣ, въ качествѣ зрителей, были смущены и не знали, какъ держать себя. Выручилъ ихъ неожиданно самъ генераль, его превосходительство, Константинъ Васильевичъ.

Онъ замѣтилъ, что они стоятъ особнячкомъ, не рѣшаясь принять участія въ танцахъ, и попросилъ къ себѣ ротнаго Ухова. Ротмистръ оборвалъ свою болтовню и бросился къ генералу, перепугавъ стремительностью своихъ дамъ.

— Почему же эти... нижніе чины, не принимаютъ участія въ танцахъ? Пожалуйста, предложите имъ танцовать! Пусть танцуютъ... Пусть... Конечно! Подите скажите имъ!

— Слушаю, ваше превосходительство!

Ротмистръ съ дѣловымъ видомъ, какъ подобало исполнять приказанія генерала, стремительно перекинулся къ солдатамъ.

— Вотъ что, братцы, его превосходительство приказалъ вамъ танцовать и, вообще, веселиться!

Помолчалъ, посмотрѣлъ на вытянувшихся передъ нимъ и повесѣвшихъ солдатъ, что-то, повидимому, рѣшилъ про себя, тряхнулъ головой, отчего большая серьга въ его ухѣ отчаянно заболталась, и добавилъ:

— Можно!

Получивъ разрѣшеніе, нижніе чины переглянулись, зашептались со своими дамами. Первымъ рѣшился чертежникъ Эбербергъ, столбообразный нѣмецъ изъ Риги. Онъ подхватилъ свою даму, маленькую черноглазую барышню, продавщицу изъ кондитерской, и, не сгибаясь, прямой, какъ столбъ, ввелъ ее въ кругъ танцующихъ. Верейкинъ подмигнулъ своимъ краснорукимъ горничнымъ и грохнулъ подкованными каблуками, приглашая ихъ. Но выбить ихъ изъ восторженнаго окаменѣнія ему не удалось. Онѣ тупо замотали головами и не пошли.

Гремѣла музыка, танцующіе образовали кругъ и двигались пара за парой, шаркая ногами. Кавалеры черезъ каждые два такта оглушительно притоптывали и выгибали спины, откидывая назадъ

головы, дамы закатывали томно глаза и изящно отставляли согнутые мизинчики. Воздухъ сгустился, затуманился, стало жарко и запахло душной смѣсью пота, нашатыря, пыли и пудры.

Аркадіи Артемьевичъ пришелъ, когда танцующіе парами, подъ руку, прогуливались по залу, наполняя воздухъ шарканьемъ ногъ и шумнымъ галденьею. Онъ остановился на порогѣ, впереди почти-тельно отступившихъ курьеровъ, брезгливо поморщился и задержалъ дыханье, чтобы не проглотить отвратительнаго воздуха.

И какъ только остановился, тотчасъ же увидѣлъ устремленные на него каріе глаза, въ которыхъ сразу прочелъ, что его ждуть, что ему рады, что его зовутъ...

«Къ чему пунцовая роза?»—подумалъ онъ, но, подавивъ въ себѣ скуку и досаду, покорно пошелъ на зовъ Аглаи Семеновны: онъ ужъ привыкъ подчиняться ей.

— А-а, что же это вы, дорогой, такъ поздно?—встрѣтилъ его Константинъ Васильевичъ съ подчеркнутымъ радушіемъ,—ну, ну, пожалуйста, пожалуйста.

Константинъ Васильевичъ уже давно замѣтилъ, что съ его любимымъ офицеромъ произошла какая-то переменна. Константину Васильевичу всегда нравилось, какъ спокойно и гордо смотрѣлъ Дойниковъ ему въ глаза, нравилось то гордое достоинство, съ какимъ тотъ велъ съ нимъ бесѣду, но съ нѣкотораго времени при встрѣчѣ Дойниковъ сталъ безпокоенъ, необычно суетливъ, поблекъ и постѣрѣлъ, словомъ будто подмѣнили человѣка. «Вѣроятно, какія-нибудь интимныя причины»—рѣшилъ генералъ и, не считая себя въ правѣ вмѣшиваться въ частную жизнь офицера, не сталъ его спрашивать, а только усилилъ свое вниманіе и свое доброжелательство.

Аглая Семеновна чуть-чуть прижала руку къ губамъ Аркадія Артемьевича, но этимъ интимнымъ, незамѣтнымъ ни для кого знакомъ она подчеркнула, что есть между ними тайное, что онъ неразрывно связанъ съ ней, что она зорко стережетъ его, и не отпустить.

Онъ что-то отвѣтилъ генералу необычно невнятно. Его угнеталъ патріархальный видъ почетно-возсѣдающей рядомъ генеральской четы и необходимость выражать публичное почтеніе своей любовницѣ и ея обманутому мужу. Раздражалъ его и видъ Аглаи Семеновны. Онъ уже когда подходилъ, хорошо разсмотрѣлъ ее и сейчасъ раздраженно думалъ, что она непомѣрно тучна, что пунцовая роза ужасно безвкусна, что парикмахерская прическа съ фальшивымъ волосами нелѣпа, что краски на лицѣ и пудра на жирныхъ плечахъ слишкомъ грубы, и что весь этотъ сложный, громоздкій театраль-

ный гримъ, что вся тяжелая и душная пышность Аглаи Семеновны безобразяетъ ее и подчеркиваютъ ея годы. Онъ чувствовалъ на себѣ взглядъ Аглаи Семеновны, призывающій его и требующій, и отводилъ глаза, дѣлая видъ, что разсматриваетъ публику. Онъ зналъ, что если встрѣтится съ ней взглядомъ, то подчинится и останется при ней, жалкій рабъ ея воли. Это тягостное чувство усиливалось еще тайнымъ страхомъ, что генераль замѣчаетъ его состояніе и догадывается о причинѣ. Оставаться съ ними, будучи въ такомъ состояніи, было ему нестерпимо, неудержимое желаніе уйти отъ нихъ побороло наконецъ въ немъ всѣ чувства и онъ, пробормотавъ какое-то извиненіе, совершенно новой неровной походкой, сбиваясь и путая шагъ, ушелъ—вѣрнѣе убѣжалъ на другой конецъ зала, гдѣ стояли сейчасъ отдыхающіе отъ танцевъ офицеры и барышни.

И тотчасъ же, какъ только отошелъ отъ генеральской четы, облегченно вздохнулъ, сталъ спокоенъ, выпрямился, приободрился, а когда замѣтилъ устремленные на него взгляды женщинъ, даже повеселѣлъ.

Въ толпѣ онъ столкнулся съ Котей, увлеченнымъ бесѣдой съ Мариной.

Котя забылъ свое недружелюбное чувство къ нему, весело поздоровался съ нимъ и представилъ его Маринѣ. Аркадій Артемьевичъ обмѣнялся съ Мариной долгимъ волнующимъ взглядомъ, и сразу же всѣ его тревожныя и досадныя чувства исчезли, а на ихъ мѣсто явилось ощущеніе новой неожиданной, блеснувшей какъ солнце изъ-за тучъ радости.

Молодость! Прекрасная молодость! Туго натянутая кожа, ясное сіяніе въ глазахъ и голосъ какъ звонъ хрустальный. Да вѣдь и онъ самъ молодъ и... кажется можетъ поспорить съ этимъ розовымъ мальчишкой.

Оркестръ загремѣлъ вальсъ. Котя щелкнулъ шпорами.

— Магина Вачеславна, поѣду...

Аркадій Артемьевичъ чуть-чуть улыбнулся Маринѣ.

— Потомъ съ вами, а сейчасъ съ.. Аркадіемъ Артемьевичемъ. Такъ кажется?

Танцевали всего нѣсколько паръ, оркестръ гремѣлъ такъ, что трудно было услѣдить за ритмомъ вальса, но Аркадій Артемьевичъ ничего этого не замѣчалъ. «Молодость! Чудесная дѣвушка. Такая гибкая...—Дѣточка, не *свово*, а *слово*, говорятъ... ну, произнесите: сло-во... *свово!*.. Но вѣдь это очаровательно, ха-ха-ха. Не дразнить?.. Нѣтъ теперь я серьезно. Кто вы? Такая изумительная, такая...

На мигъ въ круженіи вальса мелькнули поразительно знакомые каріе глаза испуганные и злые... поразительно знакомые... Чьи это?.. А, все равно. Тара-ра-ра-рамъ... Марина... Море... вальсъ божественный танецъ...

Котя ждалъ, что послѣ нѣсколькихъ туровъ Марина вернется къ нему. Но она не вернулась. Аркадій Артемьевичъ увелъ ее въ другой конецъ зала, совсѣмъ въ сторонку, гдѣ никого не было... Да и тѣтъ не увелъ, она сама его подъ руку увлекла туда. Она не отрывала глазъ отъ него, она прилипла къ нему...

Женщины ужасныя дряни. Но онъ, этотъ чванный капитанишка. Не даромъ онъ сразу показался такимъ отвратительнымъ... Первое впечатлѣніе никогда не обманываетъ...

Котя рѣшилъ презирать. Онъ выпятилъ нижнюю пухлую губу— губы у него были совсѣмъ какъ у матери,—презрительно скосилъ глаза, потомъ медленнымъ шагомъ человѣка презирающаго все окружающее, подошелъ къ своимъ.

— Ты чего это, мальчишка, скись? А? Чего это?—съ любовной шутливостью спросилъ его Константинъ Васильевичъ.

Котя сдѣлалъ кислую гримасу.

— Неитегесно. Публика дрянъ.

— Но твоя барышня такая интересная,—произнесла запнувшись Аглая Семеновна.

— Женщины, мама, иитегесныя бываютъ только на полчаса, пги пегвой встѣчѣ.—Слова эти Котя произнесъ тономъ мрачнаго знатока.

Константинъ Васильевичъ расхохотался.

— Дуракъ какой. Ахъ, какой дуракъ.

Котя обидѣлся и сердито посмотрѣлъ на отца.

— Не понимаю, что въ этомъ смѣшного. Я это говорю на основаніи опыта.

Генераль даже заколыхался весь отъ смѣха и толкнулъ пальцемъ руку жены:

— Опыта... слышишь, Аглая, опыта! У него спытъ: Ха-ха-ха!

Аглая Семеновна, не отрывая глазъ, смотрѣла куда-то въ сторону, въ дальній конецъ зала и верхняя губа ее еле-еле вздрагивала.

Константинъ Васильевичъ зналъ, что если у жены вздрагиваетъ губа, значить она раздражена и взволнованна—чѣмъ бы это? Онъ невольно прослѣдилъ ея взглядъ и увидѣлъ Дойникова съ Мариной.

— Вотъ она, тайна Котькиной мерехлюндіи,—шепнулъ онъ на

ухо Аглаѣ Семеновнѣ.—Красавецъ нашъ, Дойниковъ, дѣвицу у него отбилъ.

Аглая Семеновна вздрогнула. Часть щеки, ухо и шея ее залились краской....

— Да?.. Какъ здѣсь душно.

И засмѣялась неожиданно и фальшиво.

— Что съ ней?—подумалъ Константинъ Васильевичъ и сталъ серьезень.

Чай и холодный ужинъ—пирожки и бутерброды, приготовлены были въ одномъ изъ отдѣлений. Когда всѣхъ пригласили къ чаю, Аркадіи Артемьевичъ съ Мариной вышли на широкую площадку парадной лѣстницы. Кузовкинъ нѣсколько, разъ, какъ бы случайно выскакивалъ на площадку, но показаться на глаза капитану не осмѣлился.

— Дѣвочку-то твою, братъ, тю-тю!—остановилъ его Верейкинъ, удержавъ за рукавъ и глупо захохоталъ.—Возьми одну изъ моихъ красулей.

— Чего ты, сволочь окаянная, пристаешь!—набросился на него Кузовкинъ съ неожиданной яростью.—Я тебѣ рожу расковыряю если не отстанешь.—И метнулся отъ него въ чайную, а оттуда опять выскочилъ на площадку.

Одинъ разъ у выхода на лѣстницу онъ столкнулся съ Котей, у котораго были блуждающіе и ищущіе глаза. Онъ попытался сдѣлать какой-то знакъ глазами, но тотъ не обратилъ на него никакого вниманія, посмотрѣлъ сквозь него, какъ сквозь стекло.

Аглая Семеновна не стала пить предложеннаго ей чаю. Она отодвинула стаканъ, и отуманенными, невидящими глазами обводила окружающихъ. Мысль о томъ, что на нее обращено вниманіе всѣхъ, заставляла ее кривить ротъ въ улыбку и быть внимательной. Но это было сейчасъ для нее безконечно мучительно. Подлѣ нея стояла какая-то огромная женщина и что-то говорила, обращаясь къ ней. Необходимо было быть любезной, слушать и отвѣчать, но Аглая Семеновна никакъ не могла уловить цѣлой фразы ужасной женщины, которая пристала къ ней, впиваясь въ нее какъ пиявка...

— ...провинціальное скудоуміе...—уловила, наконецъ, она, силась изобразить улыбку, оскалилась, качнула головой и произнесла:

— Да... конечно...

Въ глаза лѣзло что-то нестерпимо пестрое, какіе-то цвѣтистые попугая изъ блестящей жести, которые хихикали и трепали нервы...

Константинъ Васильевичъ, ужъ съ того момента, какъ замѣтилъ

ея необычное состояніе, не переставая слѣдилъ за ней. Онъ не могъ понять, что съ ней происходитъ, но страннымъ образомъ ея состояніе вѣзывало въ немъ не сочувствіе, а тревогу и совершенно необъяснимую досаду.

— Здѣсь въ самомъ дѣлѣ очень душно... Да и не къ чему намъ больше оставаться,—произнесъ онъ вопросительно.

Но Аглая Семеновна вдругъ захотѣла горячаго чаю, оживилась, сказала, что немножко устала, но теперь усталость прошла и она съ интересомъ побудетъ здѣсь еще.

Константинъ Васильевичъ не возражалъ. Поведеніе жены окончательно убѣдило его, что съ нею неладно и утвердило въ сознаніи, что неладное это какою-то стороною касается его. Въ долгомъ супружескомъ сожителствѣ между ними никогда не было никакихъ тайнъ и то, что сейчасъ у жены есть какая-то отъ него тайна очень ее волнующая и то, что она скрываетъ эту тайну отъ него, обидѣло его и оскорбило. Чтобы заглушить эти чувства и успокоиться, онъ сталъ думать о другомъ. О елкѣ.

Онъ былъ очень доволенъ елкой. Задуманный имъ праздникъ удался, чины Управленія веселы и довольны и, конечно, вполнѣ оцѣнили его отеческое о нихъ попеченіе. И ему пріятно было, что у него, какъ у мудраго начальника, правильное отношеніе къ подчиненнымъ: онъ и требователенъ, и строгъ, и отечески заботливъ. А главное, никто не упрекнетъ его въ неравнѣхъ отношеніяхъ къ нимъ, у него нѣтъ любимцевъ, для него всѣ равны, и офицеры и солдаты, если они честно и добросовѣстно исполняютъ свой долгъ. И онъ, въ самомъ дѣлѣ, искренно смотрѣлъ на себя какъ на добраго отца, который устроилъ своимъ дѣтямъ праздникъ и радуется на ихъ веселье... «Ну, не очень-то радуюсь», подумалъ онъ уныло, невольно вернувшись къ досаднымъ мыслямъ, вызваннымъ страннымъ поведеніемъ жены. Онъ вспомнилъ взглядъ жены, устремленный на штабъ-капитана Дойникова и вздрагивающую ея губу: «Странно все-таки какъ, мѣняется у нея сегодня настроеніе, и вообще»... Тутъ онъ вдругъ оборвалъ себя, сконфуженный нелѣпостями, которыя ни въсть съ чего полѣзли въ голову.

Послѣ ужина устроены были игры: «почта» и «языкъ цвѣтовъ».

Розовенькая барышня, въ розовомъ платьѣ, съ розовой ленточкой на золотыхъ волосахъ и Маруська-Руль, оказавшаяся въ роли почтальона, роздали всѣмъ присутствующимъ номерки на булавакахъ и даже Константинъ Васильевичъ получилъ номерокъ. Маруська-Руль сама приколотла ему номерокъ на груди, рядомъ съ орденами.

— Это къ чему же?—спросилъ онъ, обрадовавшись, что можетъ отвлечься отъ своихъ мыслей.

— Такъ надо, ваше превосходительство. Увидите,—соблазнительно играя глазами и многозначительно подчеркивая слова прошептала Маруська-Руль и неприлично громко расхохотавшись, убѣжала отъ него къ двумъ офицерамъ поджидавшимъ ее въ отдаленіи. Она ужъ во время танцевъ не выдержала роли добродѣтельной барышни, закружилась съ офицерами и брехала и совсѣмъ забыла Дунина. Несчастный послонялся одиноко по залу и незамѣтно скрылся.

По рукамъ пошли карточки «языка цвѣтовъ».

Групики еще больше замкнулись и углубились въ чтеніе карточекъ. Изрѣдка только передавали одинъ другому карточку и произносили: «Резеда. Тюльпанъ. Хризантема. Анистивы глазки».

Гимназистки и офицеры увлеклись почтой. Разбрелись по уголочкамъ и на бумажкахъ, огрызками карандашей что-то таинственно и съ увлеченіемъ писали.

Огромная жена Грицько взяла у мужа карандашъ, что-то написала и передала розовенькой барышнѣ.

Генераль получилъ письмо:

«У васъ симпатичное лицо и вы, вѣроятно, человѣкъ относительно порядочный. Но къ чему вы устроили эту комедію уравниванія чиновъ? Неужели только для того, чтобы еще больше подчеркнуть ихъ социальное неравенство? Глупо.

[N.]»

Константинъ Васильевичъ скомкалъ бумажку и негодующій оглянулся: кто это посмѣлъ ему такъ написать? Онъ сорвалъ съ груди номерокъ и швырнулъ, злобно и по-старчески пожевавъ губами.

Розовенькая барышня, исполняющая обязанности почтальона, металась изъ конца въ конецъ и не успѣвала. Маруську, которой очень скоро надоѣло быть почтальономъ, смѣнили два писаря и молоденькій прапорщикъ изъ гостей.

Котя, въ конецъ разогорченный вѣроломствомъ Марины, былъ раздраженъ и угнетенъ. Ему хотѣлось уйти совсѣмъ, чтобы не встрѣчаться съ этой... дѣвчонкой и тѣмъ дать понять ей свое презрѣніе, а больше всего, чтобы не встрѣтиться съ этимъ чванымъ капитошкой, котораго онъ теперь яро ненавидѣлъ. Но уйти, это значило бы бѣжать съ поля чести—что было бы несмываемымъ позоромъ для мужчины и воина, и потому, противъ желанія, Котя оставался на этой дурацкой елкѣ, дѣлалъ безпечное лицо, позволилъ приколотъ у

себя на груди номерочекъ и даже написалъ нѣсколько записокъ, отвѣчая короткими фразами усталого разочарованнаго человѣка на многочисленныя письма къ нему.

И вдругъ одно изъ писемъ какъ ножомъ полоснуло его:

«Штабсъ-капитанъ Дойниковъ сволочь окаянная и распутникъ. Мало ему, что онъ живетъ съ вашей мамашей, про что знаетъ вся команда, ему еще нужно развращать честную дѣвушку.

Неизвѣстный».

Котя судорожно сунуль записку въ карманъ, но тотчасъ вынулъ ее и опять прочелъ:

...мало ему, что онъ живетъ съ вашей мамашей...

Слова прыгали, двоились. Онъ поднялъ глаза и въ нихъ запрыгали задвоились лица, огни, стѣны. Онъ бросился къ матери, дико, въ упоръ посмотрѣлъ на нее.

— Мама... ты...

Аглая Семеновна, ужъ когда увидѣла бѣгущаго къ ней сына, поняла, что съ нимъ случилось что-то ужасное и какимъ-то внутреннимъ чутьемъ угадала, что это ужасное имѣеть къ ней непосредственное отношеніе. Она поднялась, отошла отъ Константина Васильевича, бесѣдовавшаго съ какимъ-то офицеромъ, и схватила Котю за руку.

— Мама...-повторилъ Котя страшными глазами глядя на мать. Онъ былъ смертельно блѣденъ и рука его дрожала. Но, не договоривъ, онъ вырвалъ руку и куда-то побѣжалъ.

Аглая Семеновна поняла, что сейчасъ произойдетъ страшное и непоправимое. Она безпомощно обернулась къ мужу:

— Константинъ Васильевичъ...

Но больше не могла произнести ни слова и трепещущая опустилась на руки мужа.

Котя побѣжалъ къ выходу и у самыхъ дверей, гдѣ до сихъ поръ все еще толпою стояли курьеры и уборщики, наткнулся на Аркадія Артемьевича, входящаго рядомъ съ Мариной.

— А-а, мерзавецъ!—взвизгнулъ Котя и съ размаху, открытой ладонью хлестнулъ по щекѣ Аркадія Артемьевича.

Что произошло дальше, трудно было разобрать. Похоже было на общую свалку бросившихся къ нимъ офицеровъ и солдатъ. Въ дальнемъ концѣ кто-то истерически крикнулъ: «пожаръ!» Пестрыя уховскія дѣвицы почему-то подняли руки и неистово завизжали, причемъ лица ихъ совершенно потеряли человѣческій образъ и похожи были на маски невиданныхъ звѣрей съ разинутыми глотками. Огром-

ная жена Гринько лихо работала руками, продираясь къ выходу, въ самую гушу обезумѣвшей и озвѣрѣвшей толпы. Маруська-Руль стояла въ сторонкѣ, махала руками и неистово, съ визгомъ, съ раскатами, со слезами, хохотала.

Оркестръ начавшій было играть какой-то оглушительный маршь, вдругъ точно съ обрыва сорвался и полетѣлъ въ бездну съ ревомъ, гудами и воплями мѣдныхъ чудовищ...

IX

Скандалъ на елкѣ въ Управленіи на другой же день сталъ извѣстенъ всему городу и въ пересказахъ выросъ до невѣроятныхъ размѣровъ. Говорили о выстрѣлахъ, объ общей свалкѣ, были даже близки къ истинѣ рассказывая о нападеніи молодого Хворостова на штабсъ-капитана Дойникова, по настоящей причины никто не зналъ. Очевидцы столкновения, правдивѣе всѣхъ рассказывавшіе о скандалѣ, причину находили въ ревности молодого Хворостова къ Дойникову, отбившему у него на елкѣ хорошенькую барышню.

Настоящая же причина осталась тайной не только для всѣхъ, но даже и для Константина Васильевича.

Генераль по-своему понялъ и претворилъ всю эту скандальную исторію. Онъ не сталъ даже никого спрашивать. Слухъ о какой-то барышнѣ долетѣлъ до него и удовлетворилъ его вполне... Вполнѣ ли?.. Ну, конечно, вполне. Флиртъ, ревность, мальчишескій задоръ. Все это въ сущности такъ обычно. Мы сами были молоды, чортъ возьми. И не то еще бывало. Конечно, все это крайне безобразно и придется положить не мало заботъ чтобы потушить скандалъ и вычеркнуть его изъ памяти... Труднѣе всего, вѣроятно, будетъ сладить съ Дойниковымъ... Человѣкъ гордый, самолюбивый... Дойниковъ! Страннымъ, непостижимымъ образомъ этотъ офицеръ, котораго онъ всегда цѣнилъ и любилъ, на елкѣ вызвалъ въ немъ недоброе, почти враждебное чувство. Правда, генераль ужъ давно замѣтилъ, что Дойниковъ измѣнился, сталъ какъ будто другимъ; но, конечно, не это было причиной новаго отношенія къ нему генерала. Нѣтъ, другое, совсѣмъ другое... Но это другое заволакивалъ густой туманъ смутныхъ, непонятныхъ ощущеній и неоформленныхъ впечатлѣній, въ неуловимой связи съ которыми вспоминался взглядъ жены, прослѣженный имъ на елкѣ, и ея странное состояніе... «Какія глупости», оборвалъ себя Константинъ Васильевичъ и вернулся къ мысли о неизбѣжной дуэли между Котей и Дойниковымъ. «Фрр, пѣтухи!» подумалъ онъ

и тутъ же рѣшили, что необходимо принять мѣры и не допустить трагическаго исхода...

Аглая Семеновна ужъ къ утру оправилась отъ потрясенія, встала, ходила по дому, разговаривала съ прислугой. И Котя ночевалъ дома, но оба, и жена, и сынъ не показались Константину Васильевичу. Это, впрочемъ, было совершенно естественно послѣ того, что они оба пережили: просто, значить, еще не отошли. Пройдетъ день-другой и все наладится,—рѣшилъ Константинъ Васильевичъ.

И въ одиннадцатъ безъ пяти минутъ онъ вышелъ изъ подъѣзда, сѣлъ въ нетерпѣливо рокочущій автомобиль и уѣхалъ на службу, мужественно спокойный и гордый сознаниемъ, что никакія личныя потрясенія не заставятъ его, стараго солдата, уклониться отъ служебнаго долга.

Аглая Семеновна не хотѣла утромъ встрѣтиться съ мужемъ и намѣренно не показала ему, но Котю она сторожила: чѣмъ страшнѣе было услышать правду, тѣмъ мучительнѣе хотѣлось услышать ее, и ни отъ кого другого, а только отъ того, отъ кого услышать эту правду страшнѣе смерти—отъ сына. Она представляла себѣ, какъ она спроситъ у Коти: «Изъ-за меня?» И какъ онъ отвѣтитъ: «Да». Другого отвѣта не можетъ быть. И съ этой минуты начнется ея великая казнь опозоренной матери. Но отвратить этой минуты она не хотѣла и ждала ее съ острымъ нетерпѣниемъ.

Она нѣсколько разъ прошла мимо Котиной комнаты, одинъ разъ приложила ухо—послушала не всталъ ли, а въ другой разъ, ужъ послѣ полудня, даже легонько стукнула. Но въ комнатѣ было тихо и Котя не откликнулся. Однако, увидѣть Котю ей не удалось. Она задержалась въ своей спальнѣ и когда вновь пошла къ комнатѣ сына—увидѣла, что дверь отперта, постель въ комнатѣ не тронута, только полъ забросанъ окурками.

Аглая Семеновна бросилась къ прислугѣ.

— Сегодня не звали къ себѣ,—сообщила Луша.

— Одѣлись какъ слѣдъ быть и вышли, ваше превосходительство. И ничего не сказали,—доложилъ Потаповъ.

«Значить не спалъ и ушелъ, чтобы не видѣть меня».

Отчаяніе захлеснуло Аглаю Семеновну. Она заперлась у себя, упала на кушетку, закинула голову, заломила руки и ждала слезъ; но глаза оставались сухи, и она вдругъ присмирѣла и съ ужасомъ заглянула въ зеркало: оперное страданіе, дама съ камеліями... Въ зеркалѣ отразилось большое, полное лицо съ блѣдной кожей, морщинки отъ глазъ къ вискамъ, припухлые, зеленоватаго оттѣнка, мѣшки

подъ глазами и волнистая сѣдинка въ волосахъ надъ лѣвымъ вискомъ. Аглая Семеновна отдѣлила сѣдинку и выдернула ее, зачесала растрепавшійся локонъ и припудрила зеленоватые мѣшечки подъ глазами, отчего все лицо вдругъ посвѣжѣло и помолодѣло.

Ушелъ, чтобы не встрѣтиться. Куда же онъ ушелъ?

Она опустила на мягкую табуретку у туалетнаго стола и неподвижно устала на грѣлку для щипцовъ.

Всѣ казни были страшны, и всѣ казни она готова была принять, но только одной она не приметъ: смерти сына. Нѣтъ! Котя долженъ жить... Она сама убьетъ, сама приметъ на себя еще тысячу преступлений, она себя уничтожитъ, но Котька, сынъ, мальчикъ — ея единственный, онъ долженъ жить. Кто же еще имѣетъ право на жизнь и смѣетъ жить, если Котя долженъ умереть? Скорѣе, скорѣе...

Аглая Семеновна ужъ не разсуждала и едва ли дала себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ. Она быстро поднялась, побѣжала къ телефону и попросила Управленіе.

— Штабсъ-капитана Дойникова, пожалуйста...

Ей отвѣтили, что штабсъ-капитанъ сегодня не явился на службу.

Она бросила на столъ трубку, безъ обычной помощи прислуги надвинула на лобъ шапку, надѣла шубку и, забывъ о ботикахъ, вышла изъ дому въ тонкихъ ботинкахъ, сѣла на извозчика и, приказавъ ему везти какъ можно скорѣе, поѣхала къ Дойникову.

Аркадій Артемьевичъ былъ дома. Въ полдень онъ получилъ постановленіе общества офицеровъ, обязывающее его вызвать подпоручика Константина Константиновича Хворостова на дуэль, и тотчасъ же послалъ Тоболюка въ Управленіе съ записками къ первымъ пришедшимъ на память офицерамъ, Ухову и Гринько, съ приглашеніемъ ихъ быть его секундантами, а заодно послалъ генералу рапортъ о болѣзни, препятствующей ему явиться на службу. Конечно, болѣзнь была только формой, но онъ и на самомъ дѣлѣ чувствовалъ себя плохо: во всемъ тѣлѣ была такая слабость, что онъ валился съ ногъ и не въ силахъ былъ поднять рукъ. Ему казалось, что это отъ простуды.

Но скоро ему ясно стало, что не отъ простуды и совсѣмъ не отъ болѣзни, а отъ трусости, отъ подлаго чувства, которое разбило его, какъ разбиваетъ людей параличъ. Ударъ по щекамъ, нанесенный ему публично, въ присутствіи генерала, офицеровъ и нижнихъ чиновъ повергъ его и уничтожилъ. Но еще и не это было самымъ ужаснымъ. Самымъ ужаснымъ было то, какъ онъ держалъ себя послѣ удара: это былъ сплошной позоръ. И если пощечину можно было смыть дуэлью, то этого позора ужъ ничѣмъ нельзя было смыть. У него въ карманѣ

всегда заряженный браунингъ. И если бы онъ сейчасъ же, послѣ нанесеннаго ему удара по щекѣ, застрѣлилъ оскорбителя, — все было бы спасено. Но вмѣсто того, чтобы сдѣлать такъ, какъ долженъ былъ сдѣлать онъ, и какъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ каждый настоящій, гордый, благородный и оскорбленный офицеръ, онъ, какъ пьяный солдатъ, потерялъ самообладаніе и полѣзъ въ драку: замахалъ руками, виѣпился въ чей-то воротъ и даже отбивался, когда его схватили. Все это было отвратительно, низменно и постыдно. Онъ, конечно, пошлетъ секундантовъ. Это такъ. Но заставить ли это забыть о его унижительномъ, недостойномъ поведеніи, и спасетъ ли его отъ позора? И еще: вернуть ли ему прежнее положеніе? Служебная карьера его кончена: битый по щекамъ офицеръ долженъ уйти со службы. Но куда?.. И опять: какъ онъ покажется среди людей, онъ, такой гордый, такой недоступный, такъ презиравшій всѣхъ и считавшій себя какимъ-то помазанникомъ среди окружающихъ, отмѣченнымъ особою печатью избранниковъ, людей высшей расы... Почему, собственно, онъ до сихъ поръ себя такимъ считалъ, если въ дѣйствительности онъ ничтожнѣе самаго ничтожнаго, если онъ даже достоинства, рпостога челоѳъческаго достоинства своего, не сумѣлъ защитить отъ оскорбленія мальчишки? Значить, онъ только притворялся гордымъ и презирающимъ? Теперь-то ему ясно, что и гримъ его подъ императора Александра I, и царская осанка, и гордый взглядъ, и презрительно сжатые губы — все это только кривлянье, дурацкій колпакъ, который онъ въ ослѣпленіи самовлюбленности напялилъ на себя, принявъ его за корону. А другимъ, можетъ-быть, это всегда было видно?..

Онъ, какъ прибѣжалъ съ елки домой, такъ сейчасъ же и заперся у себя и всю ночь до утра просидѣлъ въ креслѣ, съежившись, какъ затравленный и притаившійся отъ погони въ кустахъ заяцъ. И когда всѣ мысли оборвались и передъ глазами распростерлась бездна, отъ которой никуда нельзя было ему уйти, его одолѣла трусость, самый низменный страхъ передъ всѣмъ, что ждетъ его... Было ужъ совсѣмъ свѣтло, и въ окно заглянуло красное зимнее солнце, когда онъ вспомнилъ о службѣ и о неизбежной дуэли. Но только получивъ постановленіе, онъ осилилъ свою слабость и съ трудомъ написалъ три записки — приглашеніе секундантовъ и рапортъ о болѣзни, позвонилъ Тоболюка, и, не впуская его въ комнату, въ щель двери подаль ему ихъ и приказалъ снести въ Управление, а затѣмъ попрежнему съежился въ креслѣ.

Сильный звонокъ въ передней, еще и еще, и продолжительный,

тревожный, непрерывающийся призывъ его, заставилъ Аркадія Артемьевича еще глубже забраться въ кресло и притаиться. Но дробный звонъ, острый, настойчивый, вонзился въ мозгъ и скоро невозможно стало таиться отъ него. Аркадій Артемьевичъ, какъ тяжело больной, блѣдный и ослабленный, вышелъ въ переднюю, постоялъ у парадныхъ дверей, послушалъ и срывающимся голосомъ окликнулъ:

— Кто тамъ?

Никто не отозвался, но звонокъ продолжалъ, захлебываясь, сыпать свою тревожную дробь. Аркадій Артемьевичъ открылъ дверь.

Аглая Семеновна ворвалась въ переднюю и не замѣтила его, прислонившагося въ тѣни, плечомъ къ двери.

— Баринъ гдѣ? — спросила она, оглянувшись, и увидѣла Аркадія Артемьевича.

Онъ, какъ прислонился къ дверямъ, такъ и остался стоять. Вотъ о чемъ онъ совсѣмъ забылъ! Кошмаръ, навалившійся на него, повернулся еще одной стороной и показалъ еще одинъ свой ликъ. Какъ онъ забылъ объ этомъ?

— А, слава Богу! — произнесла Аглая Семеновна и передохнула, точно взобралась на высокую лѣстницу. Но тотчасъ же ухватила его за руку и повлекла въ комнаты, — она ужъ тутъ была какъ своя, — усадила на диванъ, а сама стала надъ нимъ. Онъ покорно подчинился и былъ похожъ на существо, изъ котораго все изнутри вытряхнули и оставили только оболочку.

— Значить, ты еще нигдѣ не былъ? Ни съ кѣмъ еще не видѣлся и не разговаривалъ? Господи, слава Богу!.. Теперь вотъ что... Господи, какъ хорошо... теперь, значить, все можно спасти... стой, я сяду...

Она сѣла рядомъ съ нимъ на диванъ, но тотчасъ же вскочила и снова наклонилась къ нему:

— Ничего не дѣлай, слышишь? Ничего... Ну, притворись больнымъ, ну, уѣзжай куда-нибудь... Хочешь, и я съ тобой поѣду... Однимъ словомъ, чтобъ тутъ больше ничего не было... Понимаешь? Боже мой, онъ ничего не понимаетъ! Я не допущу, чтобъ ты тронулъ хоть однимъ пальцемъ Константина... Я убью тебя, если ты посмѣешь. Я ничего не боюсь и ни передъ чѣмъ не остановлюсь! Ну, что ты молчишь? Что ты сидишь, какъ чурбанъ?

Она ужъ кричала. Схватила его за плечи и встряхнула.

Онъ всхлипнулъ, закрылъ лицо руками и заплакалъ, захлебываясь, съ отрывистымъ рычаньемъ.

Аглая Семеновна отдернула руки отъ его плечъ, — отчего онъ

отвалился на спинку дивана, — и отошла отъ него совершенно затихшая и странно успокоенная, точно слезы его залили и погасили сжигавшій ее пламень. Она ушла въ его спальню, поправила у зеркала растрепавшіяся локоны, вытерла платкомъ и безъ того сухія губы, и вернулась къ нему ужъ вполне владѣя собой. Онъ испуганно вскочилъ и быстро спряталъ платокъ при ея появленіи, не успѣвъ какъ слѣдуетъ вытереть слезъ на щекахъ.

— Это минутная слабость... реакція... вы не обращайтесь вниманія... — быстро тревожно заговорилъ онъ.

— Я и не обращаю! — спокойно перебила его Аглая Семеновна. — Я только требую, чтобы вы ничего не предпринимали по отношенію къ моему сыну!

— Это невозможно! Я получилъ постановленіе офицерскаго общества и уже пригласилъ секундантовъ...

— Какъ пригласили?! Но, вѣдь, вы сказали, что еще ничего не предпринимали?

— Я ничего не сказалъ...

Аглая Семеновна крѣпко сжала свои пальцы и они хрустнули.

— Боже мой!.. Какъ могла я...

— Аглая Семеновна, неужели вы не понимаете, что иначе нельзя мнѣ? Дуэль необходима... Я погибъ, если не...

Аглая Семеновна рѣзко оборвала его:

— Дуэли не будетъ! Вы немедленно, сегодня же уѣдете отсюда, такъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ вы... Про васъ должны забыть... А потомъ... У меня есть связи... Я помогу вамъ устроиться гдѣ-нибудь. Вы будете обеспечены... И такъ будетъ! Если вы не сдѣлаете этого, я... убью себя! Убью... Слышите? Но прежде я уничтожу васъ! Я вамъ говорила, что черезъ все переступила и мнѣ ничего не страшно...

Аркадій Артемьевичъ нѣсколько разъ взмахнулъ рукой, порываясь что-то сказать. Подбородокъ его дрожалъ. Наконецъ, онъ съ трудомъ выговорилъ:

— Вы предлагаете мнѣ позорную сдѣлку...

— Понимайте, какъ хотите!

— Я не заслужилъ этого... Вы не смѣете такъ!

— Оставьте! Глупыя слова все... Вы сдѣлаете такъ, какъ я требую! Вы уѣдете и спасете этимъ и себя, и меня, и сына моего, и мужа...

— Но...

— Нѣтъ ужъ, молчите!

И она увѣренно, какъ власть имѣющая и не терпящая возраже-

нии, подробно указала ему, какъ онъ долженъ поступить, и потребовала, чтобы онъ ничего не смѣлъ предпринимать безъ нея.

Аркадій Артемьевичъ понялъ, что судьба его рѣшена, что онъ обреченъ, и нѣтъ у него воли оказать сопротивление насилію генеральши. Сумасшедшая, разъяренная самка, — она, въ самомъ дѣлѣ, можетъ натворить Богъ знаетъ что... А можетъ-быть, такъ и лучше, какъ она хочетъ?..

И совершенно невольно, врядъ ли сознавая, что дѣлаетъ, когда она ужъ уходила, онъ потянулся къ ней:

— Аглая...

Но Аглая Семеновна рѣзко отшатнулась отъ него и лицо ея злое и постарѣвшее, перечертилось брезгливыми складками.

— Нѣтъ! Оставьте...

Голосъ ея презвучалъ рѣзко и враждебно.

И ушла она, не протянувъ руки.

X

Константинъ Васильевичъ одного себѣ простить не могъ: какъ онъ допустилъ на елку солдатъ? То, что произошло на елкѣ, было безобразно и причинило ему великое огорченіе, тѣмъ болѣе досадное, что въ центрѣ скандала былъ его, генерала, начальника Управления, сынъ. Но все же это былъ скандалъ между офицерами, и, если бы не было при этомъ постороннихъ, то-есть солдатъ и ихъ гостей, все въ концѣ-концовъ образовалось бы. Мало ли что бываетъ между своими. Онъ самъ за свою долготѣнную военную службу бывалъ еще и не въ такихъ офицерскихъ передрягахъ, и ужъ по опыту зналъ, что покуда соръ изъ избы не вынесенъ на улицу, изба — для всѣхъ мѣсто чисто и свято. Обособленность и замкнутость были надежнѣйшимъ оплотомъ офицерскаго престижа. Къ сожалѣнію, онъ слишкомъ поздно вспомнилъ объ этомъ. Какое проклятіе всей его жизни, что трезвыя мысли приходятъ всегда къ нему ужъ послѣ того, какъ онъ совершилъ оплошность и поступилъ такъ, какъ совсемъ не долженъ поступать. Пришла бы эта мысль раньше, и онъ не устраивалъ бы нелѣпой елки и ничего не случилось бы...

Онъ вспомнилъ свое вчерашнее умиленіе тамъ, на елкѣ, когда онъ почувствовалъ себя добрымъ и мудрымъ начальникомъ-отцомъ.

— Слюнтяй старый! Мокрая тряпка! — сердито обругалъ онъ себя.

Какъ бы то ни было, но скандалъ произошелъ на глазахъ у постороннихъ, и теперь онъ самъ ужъ долженъ расхлебывать кашу,

которая по его глупой милости заварилась. Надо только хоть теперь все передумать и предусмотрѣть, чтобы потомъ опять не бить себя по затылку и не стоять дуракомъ передъ заднимъ умомъ.

Константину Васильевичу уже было доложено, что сегодня, въ часы обѣда, въ офицерскомъ собраніи состоялось обсужденіе скандала и Дойникову послано предложеніе вызвать Константина на дуэль, и что Дойниковъ поручилъ это сдѣлать двумъ офицерамъ Управленія: ротмистру Ухову и прапорщику Гринько. Это все хорошо, прекрасно. Дуэль разрядитъ атмосферу, скандалъ на елкѣ обернется ко всѣмъ благородной стороной: представится ужъ не скандаломъ, а столкновениемъ двухъ рыцарей изъ-за дамы. Да оно такъ и есть на самомъ дѣлѣ—подумалъ генераль, представлявшій себѣ только сына и Дойникова не рыцарями, а пѣтухами, раздоравшимися изъ-за курицы. Дуэль лишній разъ напомнимъ всѣмъ, что офицеры умѣютъ кровью и жизнью отвѣчать за свои поступки и слѣдовательно престижъ ихъ, столь необходимый для служебной дисциплины, не только не поколеблется, но еще и возвеличенъ будетъ. Дуэль такимъ образомъ все спасетъ. Скандалъ будетъ ликвидированъ двумя выстрѣлами, послѣ которыхъ два благородныхъ и честныхъ офицера подадутъ другъ другу руку и разойдутся друзьями. Это великолѣпный и благородный выходъ. Это спасенье.

О томъ, что дуэль можетъ оказаться роковой для одного изъ дуэлянтовъ, Константинъ Васильевичъ даже и не подумалъ, то-есть мысль эта явилась у него, но прошла она какъ то стороной, прикрытая увѣренностью Константина Васильевича, что дуэлянты не станутъ разстрѣливать другъ друга, что они оба выстрѣлятъ въ воздухъ и что, наконецъ, они просто не посмѣютъ стрѣляться всерьезъ, зная, что онъ, Константинъ Васильевичъ, *не хочетъ этого*. И онъ даже не остановилъ своего вниманія на этомъ вопросѣ, такъ было ему ясно, что дуэль пройдетъ именно такъ, какъ онъ представляетъ ее себѣ.

— Превосходно!—вслухъ заключилъ Константинъ Васильевичъ свои мысли, рѣшивъ, что на этотъ разъ все обдумалъ заранѣе и рѣшеніе теперь будетъ такимъ, какого онъ хочетъ и какое должно быть. Онъ позвонилъ курьера и потребовалъ текущія дѣла.

Среди разныхъ бумагъ, прочелъ онъ и рапортъ штабсъ капитана Дойникова о болѣзни. Все идетъ, значитъ великолѣпно, надо только теперь, когда еще эти пѣтухи не натворили новыхъ глупостей, принять кой-какія необходимыя мѣры...

И не откладывая, онъ вызвалъ къ себѣ секундантавъ Дойникова, офицеровъ Ухова и Гринько, посадилъ ихъ у стола, и прямолинейно,

какъ подабааетъ старому солдату, увѣренному въ правотѣ своихъ дѣйствій, сказалъ имъ свое напутственное слово. Онъ—ихъ начальникъ и кромѣ того человѣкъ старый и искушенный. Онъ понимаетъ какая великая отвѣтственность возложена на нихъ и оттого считаетъ своимъ долгомъ напомнить имъ, что въ томъ, что предстоитъ имъ совершить, все должно быть предусмотрено. Тутъ нельзя допустить ни одной ошибки, ни одной оплошности, такъ какъ они должны это особенно помнить—каждая ошибка секунданта можетъ оказаться роковой для одного изъ дуэлянтовъ. Дуэль между его, сыномъ и Дойниковымъ особенно отвѣтственна еще и потому, что помимо чести и престижа офицеровъ, кооторые ей предстоитъ возстановить и укрѣпить, она должна поднять еще и престижъ Управленія, въ стѣнахъ котораго, къ великому его прискорбію, произошло столь печальное столкновение. Онъ не смѣетъ сомнѣваться, что господа офицеры съ честью выполнятъ свою задачу и только счелъ бы себя неискреннимъ, если бы скрылъ отъ нихъ—это ужъ впрочемъ къ дѣлу не относится и они могутъ не придавать этому особаго значенія—что оба дуэлянта одинаково дороги ему, одинъ какъ сынъ, другой какъ прекрасный офицеръ, и ему было бы очень тяжело потерять кого-нибудь изъ нихъ или вообще видѣть изувѣченнымъ и страдающимъ.

— Очень. Очень. Очень,—нѣсколько разъ повторилъ генераль, грустно глядя на офицеровъ и сердечно пожимая имъ руки. А на прощанье еще разъ пожалъ имъ руки и сказалъ уже твердымъ и суровымъ голосомъ.

— Ну, благословляю васъ и вѣрю, вы честно исполните свой тяжелый долгъ.

«Къ чорту выгону послѣ дуэли!» подумалъ Константинъ Васильевичъ о Дойниковѣ, какъ только ушли офицеры. И удивился этой своей злобной мысли, но не желая копаться въ ней и доискиваться причины ея происхожденія, онъ съ усиленной ревностью занялся текущими дѣлами.

Считая, что каждый часъ его работы даетъ матеріалъ на день работы всему Управленію, генераль рѣшилъ подтянуть и себя и всѣхъ, наверстать время потерянное на всѣ эти постороннія дѣла, а кстати и показать всѣмъ, что никакія событія не заставятъ его потерпѣть послабленія по службѣ.

Въ этотъ день онъ затрепалъ всѣхъ начальниковъ отдѣленій, распушилъ нѣсколькихъ офицеровъ, загонялъ всѣхъ курьеровъ—изъ нихъ двое попали подъ арестъ; писарь Мухинъ совсѣмъ измо-

чалился, доставляя генералу нужныя и ненужныя бумаги; Коркинъ засыпался на десять нарядовъ,—былъ пойманъ самимъ на куреніи. Уборщикамъ было заявлено, что если еще гдѣ-нибудь обнаружится грязь, то приказано будетъ ихъ прогнать по тридцать сутокъ каждаго подъ арестомъ, а послѣ того, откомандировать на распредѣлительный пунктъ.

Только съ уходомъ генерала буря улеглась и нижніе чины, собравшись въ общежитіи, передохнули, проклиная вслухъ и службу, и начальниковъ, и свою жизнь, затѣмъ утѣшились циническимъ зубоскальствомъ о вчерашнемъ столкновеніи штабсъ-капитана Дойникова съ генераловымъ сыномъ, подравшимся изъ-за Кузовкинской дѣвчонки.

— Кабы чортъ нашъ зналъ, что Дойниковъ путается съ его женой, поди подсыпалъ бы ему еще по мордасамъ?

— Поддалъ бы жару.

— Кузовкинъ проморгалъ дѣвчонку-то свою? А хорошая. Ужъ и то облизывался,—подразнилъ Верейкинъ.

— Поди рыло умей спервоначалу, ладиколономъ надушишь, какъ Кузовкинъ... А то тоже съ свинымъ рыломъ да въ калачный рядъ.

— Хо-хо,—загрохотали солдаты.

Но Кузовкинъ притворился, что не слышитъ и даже головы не повернулъ. Онъ вообще весь этотъ день сторонился отъ всѣхъ и лицо свое злое и зеленое пряталъ—не смотрѣлъ ни на кого.

Ротмистръ Уховъ, въ противоположность взволнованному и подавленному Гринько, былъ въ восторгѣ отъ даннаго ему генераломъ порученія, торопился исполнить его и на свой счетъ взялъ извозчика къ Дойникову. Напрасно Гринько убѣждалъ его, что нельзя имъ дѣйствовать такъ, съ налету, что надо все сначала обдумать и рѣшить, чтобы не было промаховъ и не вышло конфуза.

— Чепуха. Что тутъ выяснять? Все ясно. И ужъ вы, дорогуша, положитесь на меня. Слава тебѣ Господи, десятка полтора дуэлей провелъ. Плевое дѣло, увѣряю васъ, за милую душу оборудую. Вы только, ради Христа, не беспокойтесь и положитесь на меня,—шумно урезонивалъ Уховъ.

Волей-неволей Гринько пришлось успокоиться и положиться на Ухова.

Аркадій Артемьевичъ еще находился подъ впечатлѣніемъ жестокаго и унижающаго посѣщенія Аглаи Семеновны, когда явились

къ нему Уховъ и Гринько. Пославъ имъ записки, онъ ждалъ ихъ прихода, но когда они вошли, острый холодокъ пронизалъ его сердце.

Уховъ, не выслушавъ Дойникова, въ нетерпѣннн первый заговорилъ о дуэли, объ условіяхъ, о мѣстѣ, о родѣ оружія, при чемъ съ необыкновенною легкостью, незамѣтно, перевелъ разговоръ на то, что, послѣ напутствія генерала, было ихъ, — его и Гринько, — главной задачей, то-есть сталъ разъяснять, что для возстановленія затронутой чести вовсе необязательно на дуэли убивать или ранить. Говорилъ съ апломбомъ человѣка опытнаго, бывалаго, и слова, какъ по рельсамъ, катились у него гладко и безъ запинки. Онъ говорилъ, что изъ двадцати дуэлей, въ которыхъ онъ въ своей жизни участвовалъ какъ сторона и какъ свидѣтель, одиннадцать окончились попойкой, девять легкими царапинами, только одна тяжелымъ пораненіемъ, да и то потому, что одинъ изъ дуэлянтовъ стрѣлялъ какъ сапогъ.

— Но отнюдь не смертью, замѣтите! — воскликнулъ онъ патетически, потряхнувъ головой, отчего сережка въ ухѣ его отчаянно заболталась. — И вообще, доложу я вамъ, смертельный исходъ дуэли и даже пораненіе, это старый отживающій предрассудокъ. Важна не кровь, а самый принципъ дуэли, важенъ обмѣнъ выстрѣлами, который свидѣтельствуешь, что въ случаѣ необходимости, благородный человѣкъ всегда готовъ и съумѣетъ грудью защитить свою честь.

— «Господи, какъ врать!» — изумлялся Гринько, слушая реляціи Ухова. Только что на извозчикѣ говорилъ ему о полутора десяткѣ дуэлей, а не двадцати пяти и увѣрялъ, что самъ ухлопалъ троихъ, а двоихъ тяжело ранилъ и еще доказывалъ, что дуэль только тогда и имѣетъ свое настоящее значеніе, когда кончается кровью. То-есть, все наоборотъ, — возмущался онъ. Но такъ какъ то, что говорилъ Уховъ, было какъ разъ тѣмъ, чего хотѣлъ генералъ и что онъ самъ, вопреки своему разумѣнію долженъ былъ и врядъ ли съумѣлъ бы сказать, то онъ молчалъ, предоставляя Ухову врать сколько влѣзетъ. И хотя имѣлъ видъ растерянный и смущенный, въ дѣйствительности, радъ былъ, что такое трудное дѣло такъ ловко и легко разрѣшаетъ Уховъ.

Аркадій Артемьевичъ слушалъ, будучи самъ какъ въ туманѣ. Когда Уховъ, наконецъ, усталъ врать, остановился и выжидательно уперся кулаками въ широко разставленные колѣни, онъ уже понималъ, что ему предлагается на дуэли не стрѣлять въ противника, но что это не сдѣлка, а благородный выходъ, при которомъ опасность устраняется, но дуэль не теряетъ своего значенія.

И ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ Уховъ не напомнилъ

ему о томъ, какъ онъ себя держалъ... Значить никто ничего не замѣтилъ и всѣ страхи вздорны... Никакого позора нѣтъ... Его создало горячее воображеніе... Онъ самъ все преувеличилъ?..

Онъ обрадовался и приободрился. Какъ мѣшокъ съ плечъ свалилось угнетающее его до сихъ поръ ощущеніе чловѣка разбитаго, униженнаго и падшаго.

Онъ схватилъ руку Ухова, крѣпко пожалъ ее и даже потрясъ, наговорилъ безъ числа благодарностей, съ тѣмъ же обратился и къ Гринько, и въ приливѣ вдохновенія даже привралъ, что былъ увѣренъ въ ихъ дружескомъ расположеніи къ нему.

Когда Уховъ и Гринько ушли, Аркадій Артемьевичъ прошелся по комнатамъ бодрый и возбужденный, полюбовался въ зеркалѣ осанкой чловѣка независимаго и умѣющаго оберечь свое достоинство и презрительно пожалъ плечами, снова вспомнивъ посѣщеніе Аглаи Семеновны.

— Надо же было бѣдную женщину какъ-нибудь успокоить!

XI

Дуэль состоялась на пустырьѣ около сгорѣвшаго кожевеннаго завода. Уховъ обѣщаль достать у пріятеля одного пару специально дуэльныхъ старинныхъ пистолетовъ и даже разказалъ, въ какомъ роскошномъ футлярѣ и какъ лежать они рядышкомъ; но пріятель оказалось куда-то уѣхаль и стрѣляться пришлось на револьверахъ системы Наганъ.

Уховъ, какъ и слѣдовало ожидать, оказался душею дѣла, компетенціи и авторитету котораго подчинились и Гринько и два молоденькихъ секунданта Коти Хворостова, — подпоручикъ Васюковъ и долговязый корнетъ фонъ-Бекъ.

День былъ веселый, безвѣтренный, весь въ серебряныхъ солнечныхъ ризахъ. Отъ дуэлянтовъ на сверкающую бѣлизной, пушистую, рассыпчатую цѣлину снѣга пожились густо синія, четко очерченныя тѣни. Воздухъ морозный былъ какъ стекло прозраченъ, и за голубымъ фарфоромъ неба призрачно синѣли безпредѣльныя глубины его.

Котя со своими секундантами на нѣсколько минутъ опоздали. Они подъѣхали къ пустырю съ другой стороны, и такъ какъ мѣсто и цѣль поѣздки должны были остаться тайной для извозчика, то имъ пришлось съ версту пройти пѣшкомъ.

Румяный бодрый Котя былъ превосходно настроенъ и шелъ на

дуэль съ такимъ видомъ, точно ему предстояло какое-то рѣдкое удовольствіе. Онъ торопился и почти бѣжалъ по глубокому снѣгу, разрывая его ногами и руками и вздымая снѣжную пыль, и вдругъ совсѣмъ зарылся въ снѣгъ—провалился, только руками замахалъ.

Коротконогій Васюковъ и подобранный длинными полами шинели долговязый фонъ-Бекъ, не поспѣвавшіе за нимъ, съ хохотомъ бросились на помощь и сами провалились. Оказалось попали въ яму.

Выбраться изъ ямы было не такъ легко, пришлось пустить въ ходъ всю ловкость, принимать невѣроятныя позы. Снѣгъ забирался въ рукава, и за воротъ и трудно было удержаться отъ восклицаній и смѣха. На минутку, покуда выбирались изъ ямы, всѣ трое даже совсѣмъ забыли о дуэли, увлеклись веселой возней въ сухомъ пушистомъ снѣгу, и когда фонъ-Беку, первому, при содѣйствіи Васюкова, удалось ухватиться длинными цѣпкими руками за твердый край ямы, Котя чуть-чуть, какъ будто даже нечаянно, подтолкнулъ Васюкова и фонъ-Бекъ снова свалился въ яму.

Вся возня заняла не больше трехъ минутъ, но когда вылѣзли изъ ямы, отряхнулись отъ снѣга и посмотрѣли на часы, то увидѣли, что уже на три минуты опоздали, испугались и заспѣшили и прибыли къ мѣсту, гдѣ ихъ поджидали Аркадій Артемьевичъ, его секунданты и докторъ, запыхавшіеся, красные, еле сдерживавшіе буйное кипѣніе разыгравшейся молодой горячей крови.

Аркадій Артемьевичъ стоялъ въ сторонкѣ, какъ будто вышелъ подышать бодримъ морознымъ воздухомъ и покурить, и ему совершенно неинтересно, что рядомъ копошатся какіе-то люди и что-то собираются дѣлать, до того неинтересно, что онъ даже и не видитъ ихъ, смотреть въ ихъ сторону и не видитъ.

Волна веселости, захватившая Котю при вознѣ въ ямѣ, еще перекатывалась въ немъ, и даже нестерпимый видъ этого ненавистнаго для него человѣка не смогъ усмирить ее и остановить. Котя стиснулъ зубы и мрачно сдвинулъ брови, рѣшивъ наладить себя на мрачное настроеніе; нарочно, чтобы растравить себя, припомнилъ содержаніе записки, которую получилъ на елкѣ и свое недавнее отчаяніе и страданіе. Но какъ назло, все мрачное ускользало, расплывалось, а на мѣсто мрачнаго вылѣзала смѣхотворная остроносая рожа фонъ-Бека, барахтавшагося въ снѣгу и визжавшаго отъ набравшагося за воротъ снѣга. И вмѣсто нагана, который сейчасъ заряжалъ для него ротмистръ со смѣшной, болтающейся серьгой въ ухѣ, хотѣлось схватить снѣжокъ и залѣпить имъ надменную рожу противника:

— Чтобъ не важничалъ такъ.

Секунданты Хворостова оказались совсѣмъ «зеленые» въ дуэльномъ дѣлѣ. Они присутствовали на дуэли въ первый разъ и очень волновались. Уховъ раскусилъ ихъ еще при первомъ свиданіи и сейчасъ не позволялъ имъ даже рта раскрыть.

— По кодексу полагается...—попытался было при установленіи барьера заявить Васюковъ.

Но Уховъ нетерпѣливо перебилъ его:

— Опытъ, батенька мой, посущественнѣе будетъ чѣмъ ваша теорія. Вы только въ книжечкѣ читали, а у меня, дорогуша, на шеѣ, по скромному одсчету, десятка три дуэлей... Да-съ. Ужъ вы, милуша, предоставьте это дѣло опытному человѣку. Ей-Богу. Не путайте.

Васюковъ почтительно умолкъ и больше ужъ не пытался противорѣчить ротмистру.

Въ самую послѣднюю минуту, когда противники безъ шинелей, въ однихъ френчахъ, стояли другъ передъ другомъ съ заряженными наганами, докторъ, угрюмый, молчаливый усачъ въ очкахъ, заявилъ, что необходимо задержать дуэль, такъ какъ онъ не то потерялъ, не то забылъ на извозчикѣ бинты.

— Какъ же быть? А? Какъ же будетъ?—заволновался Гринько, обращаясь ужъ невольно прямо къ Ухову.

Ротмистръ на минуту замаялся, густо кашлянуль въ кулакъ, но тотчасъ же и нашелся:

— Ничего. Бросьте, докторъ. Пустяки. Рубаху разорвемъ... Прошу, господа, начинать.

У Аркадія Артемьевича дергались углы губъ, когда онъ поднялъ револьверъ. Онъ ужъ раньше, дома, про себя рѣшилъ, выстрѣлить вверхъ, незамѣтно, такъ, чтобы не видно было, что онъ стрѣляетъ вверхъ. Онъ даже передъ отъѣздомъ на дуэль примѣрилъ у зеркала, какъ это нужно сдѣлать: надо было для этого вытянуть горизонтально всю руку и только чуть-чуть, одной кистью направить пулю вверхъ, такъ, чтобы траекторія прошла надъ головой противника. Но когда раздалась команда, локоть его точно прилипъ къ ребрамъ, такъ что понадобилось усиліе, чтобы выпрямить всю руку. Однако, усиліе оказалось чрезмѣрнымъ: рука вся дернулась отъ этого влѣво и вверхъ и какъ разъ въ этотъ мигъ и раздался выстрѣлъ.

Стоя передъ противникомъ съ заряженнымъ револьверомъ въ рукѣ, Котя вдругъ весь притихъ и собрался отъ неожиданно овладѣвшаго имъ испуга. Онъ искренно ненавидѣлъ стоящаго передъ нимъ человѣка, ненавидѣлъ его фигуру, его позу, его лицо надменное и

презрительное. И кромѣ всего, этотъ человѣкъ нанесъ ему самое страшное оскорбленіе: онъ любовникъ его матери. И все же передъ нимъ стоитъ человѣкъ живой. Вотъ надъ нимъ низко пролетѣла ворона и каркнула. Онъ чуть приподнялъ голову и проводилъ ее взглядомъ—услышалъ значить и увидѣлъ ее, и тотчасъ же оттянулъ высокій воротникъ френча. Душно видно стало. Нарочно должно быть носить высокіе воротники, чтобы носъ задранъ былъ. И вотъ сейчасъ онъ, этотъ непріятный, но все-таки живой человѣкъ, свалится на снѣгъ, будетъ около него кровь, руки и ноги его будутъ какъ деревянные и на глаза сядетъ муха. И все это сдѣлаетъ онъ, Константинъ Хворостовъ... Что за вздоръ? Откуда возьмется сейчасъ на морозѣ муха?.. Но это такъ: если муха сядетъ на глаза мертвого человѣка, онъ не сморгнетъ.

Котъ странно вдругъ стало, что онъ можетъ это сдѣлать и что онъ затѣмъ только сюда и пріѣхалъ, чтобы это сдѣлать и даже вотъ, сейчасъ, черезъ нѣсколько секундъ это сдѣлаетъ... Да! Что это такое сегодня ночью говорилъ папа? Вотъ что: онъ говорилъ, что не перенесетъ если кто-нибудь изъ насъ будетъ убитъ или тяжело раненъ, и что мама тоже не перенесетъ. А кромѣ того еще убѣждалъ, что выстрѣлъ на дуэли, даже сдѣланный на воздухъ, смываетъ оскорбленіе, нанесенное другъ другу въ пылу раздраженія благородными людьми... Бѣдный папа. Если бы онъ только зналъ правду. Онъ не называлъ бы его благороднымъ... А можетъ быть это неправда?.. А вдругъ это только мерзкая клевета?.. Вѣдь это только анонимная записка... А?.. Порядочный человѣкъ развѣ можетъ придавать значеніе анонимно сообщеннымъ гадостямъ? Что же это онъ надѣлалъ?.. Какъ же это ему раньше въ голову не пришло?.. А? Что же это?..

Котъ показалось, что рука, въ которой онъ держалъ револьверъ ослабѣла, потеряла способность двигаться, а наганъ настолько потяжелѣлъ, что, когда понадобится выстрѣлить, въ рукѣ не хватитъ силы поднять его.

Неожиданно близко,—Котъ показалось, что за его спиной,—раздался жесткій короткій трескъ, точно сухое дерево расколосось.

Отъ этого звука Котъ будто проснулся, швырнулъ въ снѣгъ револьверъ и, не слушая Ухова, который махалъ руками и что-то кричалъ, побѣжалъ къ Дойникову, на ходу обшарилъ всѣ свои карманы, извлекъ откуда-то клочокъ бумаги, замахалъ имъ и закричалъ:

— Пойдите! Пойдите!

Подбѣжалъ къ Дойникову взволнованный, запыхавшійся и протянулъ къ нему бумажку:

— Вотъ... Ужасная подлость съ моей стороны. Ужасная... И вы меня тоже угадьте... Потому что это анонимная гадость. Я какъ погодочный человѣкъ не имѣлъ права придавать значеніе... Вотъ. На-те, погвите сами... Вотъ, я самъ погву..

Онъ разорвалъ бумажку и швырнулъ клочки въ снѣгъ.

Секунданты въ это время ужъ обступили ихъ. Уховъ чѣмъ-то возмущался, но его никто не слушалъ. Общимъ вниманіемъ овладѣлъ Гринько, до того момента не проронивши ни слова и державшійся въ отдаленіи. Онъ весь расцвѣлъ, засуетился, заволновался, зашумѣлъ.

— Вотъ и хорошо. Вотъ и слава Богу. Я очень радъ. Все кончено. Конецъ. Давайте револьверъ.

Онъ отнялъ оружіе у Дойникова и сунулъ его себѣ въ карманъ:

— Вотъ и хорошо. Теперь будьте друзьями. Пожмите другъ другу руки. Я, ей-Богу въ восторгѣ. А? Вотъ чудесно...

— Ну, да чего тамъ въ самомъ дѣлѣ,—поддержалъ его Васюковъ, и подтолкнулъ Котю:

— Жми руку.

Аркадій Артемьевичъ хоть и не подавалъ виду, но былъ очень радъ такому неожиданному концу, и когда Котя неуверенно протянулъ ему руку, послѣшнѣе даже, чѣмъ то соответствовало его позѣ гордаго, безстрашно только что смотрѣвшаго въ глаза смерти человѣка, пожалъ ее и даже чуть-чуть встряхнулъ.

Гринько еще больше зашумѣлъ, умиленный рукопожатіемъ противниковъ:

— Можно даже по этому случаю выпить! А? Господа? Какъ вы полагаете? Дербализнуть?

И неожиданнымъ фальцетомъ, какимъ на елкѣ говорилъ со своей огромной женой, громко разсмѣялся.

Уховъ, авторитетъ котораго при неожиданномъ оборотѣ дуэли, безнадежно палъ, убѣдившись, что его никто не слушаетъ, отчаянно махнулъ рукой:

— Ерунда вышла! Смазали все! Ужъ теперь, конечно, безъ выпивки не обойтись... Ыдемъ, Аркадій Артемьевичъ, что ли?

— Если Константину Константиновичу угодно, я—готовъ!— съ подчеркнута холодной любезностью произнесъ Дойниковъ.

Гринько кипѣлъ въ неудержимомъ восторгѣ:

— Согласенъ, конечно! Всѣ же, господа, согласны? Ей-Богу, замѣчательно все! Удивительно! Ыдемъ! Пошли, пошли... Ыдемъ!

Когда всѣ гурьбой тронулись, Уховъ постучалъ жилистымъ пальцемъ въ грудь угрюмо косящагося изъ-за очковъ доктора и сказалъ ему:

— Вотъ, даю вамъ честное слово: напыюсь какъ свинья!..

XII

Константинъ Васильевичъ нисколько не сомнѣвался, что дуэль произойдетъ такъ, какъ онъ того хотѣлъ: безъ убійства и даже безъ пораненія. И когда дуэль, несмотря на то, что дуэлянты были убѣждены, что дѣйствуютъ совершенно самостоятельно, и въ дѣйствіяхъ своихъ руководятся исключительно своимъ личнымъ разумѣніемъ и чувствомъ, закончилась такъ, какъ онъ хотѣлъ, онъ принялъ это спокойно и въ полной увѣренности, что иначе бы это и не могло быть. Эта увѣренность, сопутствовавшая всей его жизненной дѣятельности въ качествѣ человѣка—управляющаго, командующаго и распоряжающагося не только волей, но и жизнью сотенъ подчиненныхъ ему людей, была его шестымъ чувствомъ,—тѣмъ, что возвышало его надъ другими, ставило въ ряды законныхъ, Богомъ помазанныхъ, распорядителей жизни, безъ чего онъ не мыслилъ себя ни одной минуты, какъ не мыслилъ себя безъ мозга, безъ сердца... И даже то, что во многихъ поступкахъ своихъ, на совѣщаніяхъ, въ дѣлахъ и въ другихъ случаяхъ, онъ часто дѣлалъ не то, что самъ хотѣлъ, и даже противно тому, какъ хотѣлъ, не умаляло этой постоянной органической его увѣренности, а представлялось ему только досадной чертой его мягкаго, добраго, уступчиваго и деликатнаго характера. Онъ все же всегда зналъ, что стоитъ ему только захотѣть, и все будетъ такъ, какъ онъ хочетъ. Любое и чье бы то ни было рѣшеніе онъ властенъ повернуть по-своему, и власть эта принадлежитъ ему безраздѣльно и неоспоримо. Увѣренный, что дуэль прошла подъ знакомъ его воли и только потому и окончилась благополучно, Константинъ Васильевичъ считалъ себя обязаннымъ довести дѣло до конца и распорядиться такъ, какъ подсказывали ему разумъ и совѣсть его.

На другой же день послѣ дуэли, онъ предложилъ Дойникову подать рапортъ объ отчисленіи, а черезъ нѣсколько дней проводилъ на вокзалъ Аглаю Семеновну, въ сопровожденіи сына уѣхавшую въ Крымъ. Счастливая мысль о Крымѣ пришла къ нему неожиданно, когда онъ увидѣлъ явно выступившіе въ послѣдніе дни зеленые мѣшки подъ глазами у Аглаи Семеновны и чрезвычайно быстро развившуюся нервозность. «Успокойтесь и поправится, а главное Котьку увезетъ съ собой»,—рѣшилъ онъ, и тутъ ужъ дѣйствительно обрадовался тому, какъ хитро все придумалъ и какъ искусно такимъ образомъ ликвидируетъ всю эту дурацкую исторію.

Но судьбѣ очевидно неугодно было дать Константину Васильевичу радость того блаженнаго покоя, который наступаетъ послѣ бури. Покой оказался затишьемъ передъ новой бурей, разразившейся на этотъ разъ надъ головой самого Константина Васильевича и открывшей ему вдругъ всю отвратительную, ужасающую правду скандала на елкѣ.

Вотъ какъ это произошло.

Въ столовой команды, во время обѣда, подрались два нижнихъ чина, писаря Верейкинъ и Кузовкинъ. Подрались въ очереди у каши. Собственно пустое столкновеніе изъ-за очереди не дошло бы до драки, если бы у Кузовкина не было затаеннаго раздраженія противъ Верейкина, досаждавшаго ему насмѣшками надъ тѣмъ, что у него на елкѣ офицеры отбили барышню. Верейкинъ даже и куплетъ про это сочинилъ и каждый день подъ балалайку распѣвалъ, при общемъ хохотѣ всей команды, которая поощряла Верейкина и подбивала на новыя насмѣшки.

И сейчасъ, когда Кузовкинъ и Верейкинъ заспорили, кто-то «поддалъ жару», напомнивъ о куплетѣ. Кузовкинъ взвинтился и ударилъ Верейкина по щекѣ. Верейкинъ, парень бывалый и испытанный въ дракахъ, не растерялся и треснулъ Кузовкина по черепу тарелкой такъ, что тарелка раскололась на двое. Кузовкинъ взвизгнулъ и полѣзъ на Верейкина. Зрѣлище было рѣдкое и слишкомъ соблазнительное, чтобы отказаться отъ него. Всѣ разступились, дали мѣсто, залюбовались.

Драка вышла на славу. Оба вцѣпились другъ въ друга съ яростью, съ бѣшенствомъ, съ рычаньемъ. И только когда перевѣсъ явно оказался на сторонѣ Верейкина и онъ навалился на поверженнаго Кузовкина, продолжая молотить кулакомъ по его рукамъ, которыми тотъ закрылъ голову, зрители спохватились и розняли дерущихся...

Кузовкинъ, встрепанный и уничтоженный, поднялся, перестегнулъ поясъ, заправилъ рубашку, пригладилъ волосы и, задыхаясь отъ злости, отчаянія и безсилія, крикнулъ:

— Сейчасъ пойду жаловаться на тебя, сволочь проклятая. Къ самому генералу пойду.

И направился къ дверямъ.

Солдаты заступили ему дорогу, загладѣли всѣ сразу:

— Это не полагается. Брехать на товарища не годится. Это ты оставь.

Пыжовъ подставилъ грязную пятерню къ самому носу Кузовкина и свирѣпо оскалился:

— А! Не совѣстно тебѣ, чертъ облѣзлой, жаловаться на товаришша?

— Ничего мнѣ не совѣстно!—взвигнулъ Кузовкинъ.—Чего онъ ко мнѣ цѣпляется? Я не могу больше терпѣть!

— Ехидный ты человѣкъ, вотъ что,—лѣзь на него Пыжовъ. Солидный, всегда молчаливый Агѣевъ тоже сдѣлалъ попытку урезонить Кузовкина:

— По-моему тоже не слѣдуетъ начальство впутывать. Нехорошо. Не годится такое дѣло. Правда.

Спокойный тонъ Агѣева нѣсколько отрезвилъ Кузовкина.

— Не слѣдуетъ? Я его сколько разъ просилъ не трогать меня.

— Ну, пошутилъ. Простить можно.

— Это не шутка. Онъ насмѣхается. И если желаете знать правду, онъ не въ ту точку попалъ. Ежели была на елкѣ исторія, такъ вовсе не черезъ мою барышню, а потому, что генераловъ сынъ записочку получилъ, что ротмистръ Дойниковъ съ мамашей его путается. Вотъ.

— Эге-ге!—загалдѣли солдаты.

— Это онъ должно самъ записочку и написалъ.

— Чучела, ты, право слово. Выходить нагадилъ самъ и жаловаться бѣгить, стерва.

— Поди-ка, поди, пожалуйся. Мы тебя подведемъ подъ статью.

Солдаты оттѣснили Кузовкина отъ двери, загнали въ уголь и осыпали градомъ ругательствъ, упрековъ и угрозъ. И незамѣтили, какъ дверь распахнулась и на порогъ появился генераль, привлеченный шумомъ въ столовой.

— Что здѣсь? Что это?—крикнулъ онъ.

Голоса его никто не услышалъ, но услышали Мухина, который заоралъ неистово:

— Смирна-а!

Вмигъ все стихло. Солдаты обернулись и замерли пригвожденные сердитыми глазами генерала.

— Что такое? Что здѣсь? Кто дежурный?

Пыжовъ вылѣзь впередъ.

— Нестоящая дѣло, ваша превосходительство. Подрались, вишь, ты, а онъ, сволочь, жаловаться на товаришша. Ну и зашумѣли.

— Кто дрался?

— Кузовкинъ съ Верейкинымъ,—доложилъ изъ толпы Мухинъ.

— Выйдите сюда.

Кузовкинъ и Верейкинъ стали рядомъ передъ генераломъ.

— Какъ вы смѣли? Негодяи этакіе? А?..

Кузовкинъ робкимъ, осѣкающимся голосомъ, пробормоталъ:

— Онъ издѣвался надо мной, ваше превосходительство...

— Дозвольте доложить, вашшш...—перебилъ Кузовкина Пыжовъ.

— Ну?

Пыжовъ круто повернулся къ Кузовкину и, пожирая его свирѣпыми глазами, зарычалъ:

— А ты чаво, песь облѣзлой, нагадилъ на елкѣ про яво благородія мамашу,—онъ обернулся къ генералу,—про жану твою, ваша превосходительства, записку написалъ, что путается съ яво высокоблародіемъ, Дойниковымъ, штабсъ-капитаномъ. Эта сволочь пакостная, ты яво ня слухай, ваша превосходительства, что онъ вратъ будя.

Съ Константиномъ Васильевичемъ произошло то, чего никогда, за всю его долгую военную службу не случалось: надо было крикнуть, приказать убрать, ударить негодяя, осмѣлившагося въ такой неопозволительной формѣ разговаривать съ генераломъ, а вмѣсто этого онъ испуганно попятился къ дверямъ. Ему представилось, что солдатъ грязной рукой схватилъ его за горло и хлещетъ по щекамъ и надо вырваться и уйти. Онъ нащупалъ дверь и тихонько отступилъ.

По смертельно-блѣдному лицу генерала солдаты поняли, что случилось что-то необычное и страшное. Мухинъ дернулъ Пыжова за гимнастерку. Агѣевъ отгѣснилъ его, сталъ передъ генераломъ.

— Дозвольте доложить, ваше превосходительство...

Но Константинъ Васильевичъ даже не замѣтилъ смѣны лицъ. Нащупавъ дверь, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и, очутившись въ коридорѣ, захлопнулъ дверь.

Только у себя въ кабинетѣ, Константинъ Васильевичъ опомнился, точно отъ глубокаго обморока очнулся, обвелъ глазами стѣны, и сталъ судорожно обшаривать свои карманы, повинуюсь возникшей въ его мозгу мысли о томъ, что онъ потерялъ какую-то нужную ему бумажку... записку... Записка! Слово это озарило его затменную память.

Все, что произошло за этимъ, было-какъ-будто Константинъ Васильевичъ впалъ въ длительный сонъ, сопровождающийся отдѣльными, ничѣмъ не связанными между собою сновидѣніями: приснится съ великой живостію, съ мельчайшими живыми подробностями, а потомъ вдругъ оборвется и забудется накрѣпко, навсегда, безвозвратно. А на мѣсто забытаго придетъ новый сонъ. И этотъ тоже приснится и канетъ въ забвеніе.

Константинъ Васильевичъ оглянулъ свой кабинетъ, такой знакомый и привычный, увидѣлъ календарь, тщательно вычерченный тушью, увидѣлъ столъ, заваленный чертежами и бумагами и вспомнилъ на чемъ оборвалъ работу: провѣрялъ вѣсь перекрытія блиндажей, строящихся по проекту военного инженера Чешихина.

Онъ сѣлъ за столъ, протянулъ руку за карандашемъ, но вмѣсто карандаша поспалъ пальцемъ на кнопку звонка и нажалъ.

Дверь безшумно открылась и на порогѣ появился дежурный жандармъ.

Константинъ Васильевичъ немножко удивился его появленію, но тотчасъ же сообразилъ, что надо отдать приказаніе.

— Пошли сюда ротмистра Ухова.

— Изволили звать меня, ваше превосходительство?—спросилъ Уховъ, убѣдившись, что генераль, углубленный въ работу, не замѣчаетъ его кашля.

— Что?

— Вы приказали мнѣ, ваше превосходительство, явиться.

— Точно, точно. Приказалъ. Да. Приказалъ. Подайте мнѣ сегодня же рапортъ объ отчисленіи. У васъ безобразія въ командѣ. Да. Безобразія. Ступайте.

— Ваше....

Уховъ хотѣлъ что-то сказать, но слово застряло у него въ горлѣ и только сережка взволнованно затрепетала въ ухѣ.

— Ступайте, ротмистръ. Ступайте.

Уховъ совсѣмъ оторопѣлъ и исчезъ за дверью.

Константинъ Васильевичъ вышелъ изъ-за стола, постоялъ среди кабинета, потирая указательнымъ пальцемъ високъ, какъ бы что-то напряженно вспоминая, потомъ рѣшительно подошелъ къ двери и заперъ ее на ключъ.

.....Когда со всѣми предосторожностями открыли дверь, генераль сидѣлъ въ креслѣ, склонивъ голову на правое плечо. По щекѣ его на сѣдую бороду медленно сползала струйка крови.

Иосифъ Матусевичъ

СТРАДИВАРИЙ

Ломбарди прозрачныя долины,
Кто видѣлъ васъ, тотъ позабыть не могъ
Руины тихія, алыющую глину
Вдоль ровныхъ и укатанныхъ дорогъ.

Гдѣ проходили мѣдные титаны
И яростные пѣнились вѣка,
Неугомонно шелестятъ платаны
И плещется широкая рѣка...

И гдѣ смолкаетъ шумъ неугомонный
И медленный вливается притокъ,
Ты дремлешь, полусонная Кремона,
Игрушечный и мертвый городокъ.

И никогда надменное Треченто
Не отмѣчало въ памяти вѣковъ
Твоей рѣки серебряную ленту
И золотыя стаи облаковъ...

Однимъ—соборъ, другимъ—Пинакотека,
Торговый портъ и пристани у рѣкъ,
Но лишь въ концѣ семнадцатаго вѣка
Тебя прославилъ нѣкій человекъ...

И слетницы шептались у обѣдни,
Слѣдя кареть неуловимый скрипъ,
Кѣмъ онъ почтенъ, кто былъ посоль послѣдній
И какъ его привѣтствовалъ Филиппъ.

И далеко отъ грохота возстаній
Онъ неизмѣнно ясенъ и великъ
Въ своемъ потертомъ, бархатномъ кафтанѣ,
Склонившіися надъ скрипками старикъ.

И вотъ изъ клена, кроющаго тѣнью
Извилины серебряной рѣки,
Рождается божественное пѣнье
Послушное движенію руки.

Отъ канцонетъ и кантиленъ, и арій
Остались міру плиты у рѣки,
И золотое имя Страдиварій
На мраморѣ расколотою доски...

Л. Никулинъ

ВСТРѢЧА ВЪ ПАРКѢ

РАЗСКАЗЪ Н. БРОМЛЕЙ

I

ВЪ ПАРКѢ

Новая, послѣдняя комната. Въ первый день, какъ я пріѣхала, было за окномъ хлестанье и сумрачный блескъ дождя. Я лежала смирно, боясь, что начинаю умирать, пила лѣкарство и едеа переводила духъ отъ страха и неловкости передъ смертью, въ одиночествѣ и темнотѣ. Однако, еще возвратилось солнце и мнѣ стало весело одной. Теперь настали новые дни и въ нихъ та исключительность, какая бываетъ въ короткіе быстрые, весенніе сроки. Свѣтъ смугль, небо розовато поутру, крыши кротки въ садахъ, надъ ними густая древесная тѣнь, какъ благословеніе; жизнь тиха и лукава весной; у меня остался уголокъ, гдѣ каждый часъ чудесенъ. Иногда схожу съ ума отъ чувства свободы, это дѣлаетъ моя близкая смерть.

Я прекращаю свои мысли о матери; сестеръ не увижу, и не хочется. Конецъ ихъ голосамъ, ихъ двиганью вещами, шуму платьевъ, когда онѣ приходили въ домъ матери съ мужьями и маленькими дѣтьми.

— «Какъ твое здоровье?—Хорошенькая кофточка.—А ты все читаешь.—Хочешь на службу поступить? Неужели? А какъ же съ твоими легкими? А въ Москву лѣчиться?—Докторъ говоритъ ничего?—Ну, что жъ, это хорошо, конечно.—А мы... А мы съ Андреемъ—мы съ Алешей,—а мы съ дѣтьми».

Изъ легкихъ сочится кровь, еще не послѣдняя; какова смертная тяжесть: еще, еще ждать! Ничего нельзя начать, некогда. Прикасаюсь къ вещамъ, руки дрожатъ отъ неувѣренности, слабости и странной лѣни.

Пріѣхала въ Москву, пошла на кладбище. Очень понравилось. Домикъ съ памятниками; трава кругомъ засорена, въ углу выметены два маленькихъ креста; на большомъ надгробномъ крестѣ нарисовано распятіе: ребра Христа похожи на двѣ простеганныя узкія подушки, желтый, темный животъ такъ плотень и мертвъ. Читала надписи. Что значать слова: мать, жена, родильница, трупъ?— Горечь во всемъ.

Пока сижу дома, смерть лежитъ на моей груди и туго обхватываетъ горло; лицо пылаетъ. Ни о чемъ не прошу.

Вѣтеръ весны возбужденный влетаетъ во всѣ окна, всѣ двери и ставни хлопаютъ, всѣ ткани трепещутъ. Была буря, короткая, передъ вечеромъ; какъ затолкались вѣтки въ саду, дождь упалъ въ чащу зелени, вѣтви опрокинулись по вѣтру, листья засверкали бѣлизной. Я хотѣла закричать имъ въ окно: вѣтви, я умираю! Мнѣ хочется плакать, я одна. Молодые деревья такъ долговѣчны и такъ пахнутъ свѣжестью; много ли я старше ихъ, я вся еще горяча отъ юности, слышишь,—какъ спѣшитъ мое сердце? Цѣлую васъ, листья.

Я хожу теперь всюду одна и не боюсь. Что можетъ быть страшнымъ, если смерть я всюду ношу съ собой? Это мой сторожъ, вѣрная обезьяна, которая меня оберегаетъ. Выхожу на холмъ, солнце грѣетъ голову и отъ этого мечты въ ней раскрываются большими цвѣтками, золотыми и синими. Луга разливаются передо мной зелеными озерами, ихъ темныя волнистыя берега—рощи—у подножія одѣты лиловымъ туманомъ; туманъ рѣетъ передъ моими глазами, сопровождая упоительное головокруженіе...

Дѣтская рука лежитъ на грубой шеѣ взрослога, старуха рядомъ, ея лицо отъ старости сползаетъ съ костей, она согнулась, какъ оплывшая свѣча; ребенокъ пошевелилъ пальчиками, каждый изъ нихъ, какъ завязь цвѣтка; глаза старухи недвижно устремились на мои сложенные на колѣняхъ руки, онѣ такъ красивы и нѣжны, я хочу на нихъ наглядѣться и поэтому послѣдніе дни не ношу перчатокъ. Мы всѣ вмѣстѣ шумно ѣдемъ въ трамваѣ, высоко тихое небо, какія-то сіянія издали прикасаются къ сердцу.

* * *

Наканунъ я всѣ деньги истратила на все бѣлое. Въ этотъ день я стала самой веселой изъ умирающихъ. Изъ оконъ я увидѣла небо, созрѣвшее для счастья, розовый пухъ одѣвалъ его снизу. Я спала всю ночь, была свѣжа и сѣла съ ногами на подоконникъ. «Здравствуй все въ мѣрѣ!»—сказала я и помахала рукой и полюбовалась на свою руку; потомъ выбирала рубашку и думала объ огромныхъ букетахъ, которые принесу домой послѣ сегодняшней прогулки. Огромныхъ!

Когда я вошла на крыльцо бѣлая въ маленькой шляпѣ изъ кружевъ, солнце одѣло меня горячей мантией, и легкомысленнѣйшее предсмертное безуміе слетѣло на меня! Я смѣялась: солнце, никакихъ, никакихъ мыслей! Такъ-то дѣлаются дѣла. Недаромъ я прѣѣхала въ Москву на смерть въ самую весну со связкой нѣжнаго бѣлья и съ тремя склянками духовъ, лѣкарства и яда. Пять дней въ Москвѣ. Моя смерть роскошна. Какой городъ, одѣтый листвою и звономъ лучей! Здѣсь солнце круглѣй, чѣмъ вездѣ, и бѣлѣй бѣлизна; здѣсь—смерть подъ балдахиномъ весны.

Сіяющее тепло свергалось съ небесъ, я шла, и казалось, что слѣпящій подсолнечникъ мнѣ предшествуетъ. Небеса улетѣли въ высь и тамъ смѣются чему-то невидимому; мой духъ течетъ и шепчетъ межъ вѣтвей; вѣтви льются по вѣтру, сверкая какъ свѣжія струи, вѣтеръ порывистъ, какъ предостереженіе, угроза,—раскидываетъ тепло и вѣтви. Я шла и думала: сейчасъ подойду къ самому главному, загляну въ него. Такъ опьяняешь себя, когда можешь еще итти и слышать тепло.

Стеклянный столъ; мнѣ дали крѣпкаго кофе, чистаго нѣжнаго хлѣба; шляпа моя была очень дорога и красива и я загадочно улыбалась въ пространство, когда ко мнѣ приглядывались, вынувъ изо рта папиросу.

Съ полудня стало жечь щеки, я немного задыхалась, совсѣмъ не кашляла. Паркъ, пойду по травѣ, все равно.

Вошла въ кустарникъ, сломала вѣтку, лихорадочно оборвала мягкіе орѣховые листья,—зелень пахнетъ пряно: иду, стегаю траву, много головокъ. Долой головку—легко на сердцѣ—долой головку—а! У меня не будетъ дѣтей—долой! У меня не должно быть совѣсти.—Долой, долой головку—мнѣ ничего не страшно и не очень жаль. Долой! А! Не хочешь, а! Вотъ тебѣ!

Нагибаетъ шею,—еще! Сваливается,—еще! Это молодой кустъ. Я посмотрѣла на истерзанное мною растеніе, лепестки были розовы и разсѣчены. Все равно, пусть. Дальше въ травѣ были водосборы, пышно и тонко устроенные съ горлышками, юбочками и жилками: ахъ, какъ вы великолѣпны и какъ скоро придетъ всему конецъ! Какая трава, какой непроснувшійся воздухъ, блестящій изъ-за паровъ, какое движущееся тепло! Кукушка. Боже, какое приволье, я одна между луговиной и рощей. Крикъ кукушки самое простое и самое совершенное во всемъ этомъ; ты хочешь, чтобы я была задумчива? Я задумаюсь. Мнѣ не надо спасенія души. Мама, ты не понимаешь. Благодарю васъ за спасеніе души, я хочу выпить вино, которымъ все это пахнетъ. Кукушка, я считаю: завтра, послѣзавтра, черезъ недѣлю, завтра, послѣзавтра...

Она замолчала и вскорѣ тотчасъ вдали—другая.

Что бы ты сказала, мать, строгая женщина? Это была молодая круглоголовая аллея. Липы имѣли буйный видъ красивыхъ мальчишекъ, въ темнотѣ ихъ майскіе листья отсвѣчивали дальнимъ свѣтомъ; если бы кто понялъ, какъ все это нѣжно,—нужно умереть завтра, чтобы сегодня почувствовать это. Проѣхалъ нѣкто въ экипажѣ, въ темнотѣ онъ былъ горделивъ, великолѣпенъ. Это былъ, наприимѣръ, Годфридъ, Луи, Оливеръ или Наполеонъ. «Здравствуйте»,—закричала я, высунувшись изъ-за вечернихъ деревьевъ. Онъ обернулся и крикнулъ:—«Здравствуйте!»—гремящимъ, умнымъ голосомъ. Такъ набралась я храбрости, храбрости на все на свѣтѣ. Ахъ, надо мною занесено было гибельное знамя. Просѣлка, косою свѣтъ зелень отъ травъ и древесной синей тьмы и тѣни.

Я увидѣла челоуѣка въ сумракѣ: стройный, сильныя плечи.—«Послушайте, послушайте!»—закричала я. Я была такъ смѣла, что готова была смѣяться, какъ взлетѣвшая птица.—«Темнѣетъ, пожалуйста, проводите меня»,—сказала я дѣтскимъ голосомъ.

Я хитра и восхищаюсь, если бы кто зналъ, что значитъ это чувство безмѣрной свободы! Ты захотѣлъ бы умереть завтра, чтобы сегодня цѣлый день слышать въ себѣ этотъ колоколь, бьющій о блаженной свободѣ.

У него былъ пріятный, лѣнивый голосъ. «Пожалуйста»,—сказалъ онъ въ темнотѣ. «Я васъ не стѣсняю?»—пробормотала я.—«Нисколько». Его голосъ былъ погруженъ въ думы, казалось, ему трудно было ихъ покинуть; пройдя нѣсколько шаговъ, онъ сдѣлалъ движеніе, какъ

бы освобождая шею, и я разглядѣла большой круглый подборсдокъ и маленькій ротъ, потомъ онъ опять поникъ головой; прямой затылокъ и шея имѣли выраженіе упрямое и простое, у него были темныя брови, онъ былъ серьезень, утомлень среди весенняго дымнаго вечера. Ахъ! Ахъ! говорила я себѣ, какъ все это мило и счаровательно. Онъ совершенно обыкновенный.

— «Вотъ исторія, ни одного извозчика!»—сказаль онъ, оглядываясь.—Мнѣ хотѣлось заглянуть ему въ глаза и засмѣяться: а трамвай?—спросила я. «Какіе трамваи, два часа»,—сказаль онъ,—третья ночь на ногахъ,—онъ зѣвнулъ и сказаль: да жизнь, средняго достоинства,—и вдругъ закричалъ весело и замахаль палкой, такъ какъ ѣхаль извозчикъ. Онъ обшелся съ нимъ съ веселостью и лаской и былъ такъ счастливъ, что сидитъ, наконецъ. Онъ мгновенно уснулъ, прислонясь ко мнѣ, отъ него пахло сигарой и, по-моему, добротой. Я была такъ счастлива. Ахъ, какая это была поѣздка, вѣтеръ пролеталь надъ нами, экипажъ качался, мысли качались. Онъ тяжело лежалъ у меня на плечѣ и я видѣла его рѣсницы и тупой носъ и, смѣясь, посмотрѣла вверхъ, чтобы спросить, видятъ ли звѣзды. «Охъ, Господи!»—сказаль онъ во снѣ и вскочиль.—«Простите ради Бога!»—и сѣлъ.

Меня обуреваль предприимчивый, безумный духъ, цвѣтущій и юный геній моей короткой копчашейся жизни. Лицо моего спутника клонилось, миръ, престодушный умъ и сонъ были на немъ.

— Скажите, вы не докторъ, вы не можете достать мнѣ ціанистаго кали?

Онъ пришелъ въ себя, помолчалъ. «Ціанистаго кали? Зачѣмъ вамъ ціанистаго кали?»

— Отравить собаку.

Онъ вздохнулъ и сказаль сонно: «Какой породы собака? Нѣтъ, я не докторъ»—и зѣвая сказаль:—«я юристъ, это еще похуже, простите, я зѣваю. Ціанистый кали еще ничего, вотъ у меня пріятель повѣсилъ, это худо». Онъ проснулся совсѣмъ и разсказаль о пріятелѣ, разсердясь добавилъ:—какой онъ мнѣ пріятель, я его презираю,—три дня приводиль въ порядокъ его дѣла, лицо совершенно невыносимое, весь черный.

— Что жъ онъ долженъ былъ сдѣлать?

— Не знаю, подъ поѣздъ броситься,—сказаль онъ,—вообще, презираю!

— Въ Сокольникахъ ходять поѣзда?—спросила я.

— Ходять. Вы тоже хотите подъ поѣздъ? Бросьте, пожалуйста.—

Ему захотѣлось потянуться, онъ былъ измученъ и снова засыпалъ.

— Какъ надо ѣхать въ Сокольники? Вы знаете, гдѣ Путяевскій оврагъ?—повторила я настойчиво, хотя онъ спалъ уже. Онъ вздрогнулъ: «Путяевскій оврагъ, Сокольники, что за чушь, ничего не понимаю»,—сказалъ онъ.—Тамъ близко проходятъ поѣзда?—«Гдѣ?»—Тамъ, гдѣ оврагъ?—«Тутъ же, рядомъ»,—сказалъ онъ несерьезно. «Гдѣ вы живете? Куда васъ везти?»

— Въ гостиницу.

Онъ сказалъ извозчику, поспорилъ съ нимъ и ждалъ около входа въ гостиницу, пока я угваривалась съ швейцаромъ.

— Спасибо. Прощайте,—сказала я.

— До свиданья.

— Нѣтъ, навсегда, прощайте.

— Почему, наоборотъ, было бы очень пріятно встрѣтиться.—Я покачала головой.

— Бросьте пожалуйста,—сказалъ онъ,—еще встрѣтимся—и пожалъ мнѣ руку. Войдя въ прихожую и заглянувъ въ окно, я увидѣла разсвѣтъ на улицѣ и моего провожатаго, глядѣвшаго мнѣ вслѣдъ.

II

ВЪ СОКОЛЬНИКАХЪ

Туманъ и свѣтъ лежали на моихъ вѣкахъ, вѣтви и небо рѣяли передо мной. И вотъ съ ужасомъ со страхомъ счастья вижу его у перекрестка. Я была оглушена, слаба; точно колоколь ударилъ,—счастье, страхъ. Я спряталась, онъ пошелъ мимо съ поднятымъ внимательнымъ лицомъ. Пропустивъ его впередъ, я побѣжала; я бѣжала, теряя силы, безъ дыханія, чтобы на перерѣзъ ему выйти первой на полотно дороги. Я добѣжала до насыпи. Поѣздъ. Рельсы заныли, поднялся вдаль клубящійся бѣлый столбъ, стукотня донеслась, приближаясь; трогая насыпь рукой, я поднималась, потомъ скинула шляпу; я рѣшила броситься подъ поѣздъ, если онъ не подойдетъ. Все внутри меня съ болью расширилось, я хотѣла смерти,—я боялась всего, кромѣ смерти. Я подняла руки; небо бѣло надо мною, маленькая верба въ травѣ въ желтомъ цыплячемъ пуху; я подняла руки, кровь шумѣла навстрѣчу прилетающему по рельсамъ гулу и стуку; я услышала шаги позади себя, руки на своихъ плечахъ и закричала и зарыдала отъ страха, отъ счастья и отъ горя. Богъ казнилъ меня, Богъ

пожалѣлъ меня. Я увидѣла лицо этого человѣка днемъ и близко и въ лучшей его часъ, когда онъ былъ блѣденъ и строгъ и велъ меня къ лѣсу, къ деревьямъ, рыдающую безудержно и слѣпую отъ слезъ.

Посадивъ меня на скамью, онъ сказалъ:—«Ну, довольно, нечего плакать».

Онъ вынулъ папиросы и закурилъ сумрачно дрожащими пальцами, ожидая конца моихъ слезъ. Наконецъ, я вытерла лицо и встала.—«Куда вы?»—сказалъ онъ,—«сидите».—«Какое вамъ дѣло!»—сказала я. Онъ сказалъ съ сердцемъ:—«Рѣшительно никакого! Сидите». Я закричала:—«Не смѣйте вы! Что вы меня мучаете!» Потому что я видѣла, что это не то, что это обыкновенный случай холоднаго участья. Онъ молчалъ, отмалчивался и не пускалъ меня. Потомъ затопталъ папиросу и спросилъ:—«Ну, говорите въ чемъ дѣло.—«Ни въ чемъ».—«Перестаньте, вѣдь все уладить можно. Я берусь все что угодно уладить».—«Ничего не хочу»,—сказала я и вырвалась и побѣжала, онъ нагналъ меня, покраснѣвъ, схватилъ за руки.—«Все равно не пущу, не вырывайтесь, что за безобразіе!»

— Что вамъ отъ меня нужно!—я вырывалась, чтобы онъ крѣпче меня обнялъ, чтобы сильнѣе держали добрыя руки; онъ былъ взволнованъ, былъ со мной.—Вѣтки нагнулись надъ нами, онъ были красивы до слезъ.

— Пустите, я пойду,—онъ пошелъ рядомъ, и слѣдя, чтобы схватить меня, когда я побѣгу.

— Все равно не уйдете.

— Вы долго будете меня мучить?

— А что же мнѣ остается дѣлать?

Я сѣла на землю и принялась ломать руки. Онъ не отходить, но что ему, что ему до меня!

— Убейте меня!—сказала я, раскачиваясь.

— Благодарю васъ.—Перестаньте!—вдругъ закричалъ онъ, онъ сидѣлъ на землѣ возлѣ меня, у него покраснѣло лицо и глаза блеснули,—бросьте это! Вы просто себя настраиваете, что у васъ такого особеннаго? Ну? Ну, говорите въ чемъ дѣло? Конечно, ерудна, чушь, сумасбродство. Бросилъ васъ кто-нибудь? Простите, пожалуйста, но я не знаю, какъ васъ образумить, вы не въ своемъ умѣ.

— Нѣтъ, никто меня не бросилъ,—сказала я рѣзко, дрожа отъ враждебности и поднимаясь на колѣни.

— Денегъ нѣтъ? Въ чемъ дѣло? Вамъ жить нечѣмъ?

— Какія глупости,—сказала я.

— Да вы постойте, что вы обижаетесь, что я вамъ нянька,

стойте, все равно не пушу.—У него было возбужденное разстроенное лицо.

— Я ненавижу васъ,—сказала я дрожа стъ слезъ и разочарованія, и мы, не расходясь, сердито смотрѣли другъ на друга. Я встал и пошла впередъ, онъ шель сзади. Я нетерпѣливо озиралась.

— Ну, пойдите сюда, потолкуемъ,—сказаль онъ,—есть скамейка.

— Отпустите меня!—я зарыдала. Онъ сбняль меня, посадиль, погладилъ по рукѣ, я опять была немного счастлива и плакала.

— Не бранитесь,—сказаль онъ ворчливо и прижаль меня къ себѣ.—Теперь рассказывайте.»—«Нѣтъ».—Ну расскажите, умница, вѣдь вы хорошая женщина! Вы замужемъ?

— Нѣтъ.

— Такъ. Родители живы?

— Да.

— Въ Москвѣ?

— Нѣтъ.

— Вы одна здѣсь?

— Да.

— Навѣрное?

— Навѣрное.

— Такъ. Ну, такъ что же случилось? Ну? Наберитесь храбрости. Что жъ я вамъ зла желаю, вѣдь нѣтъ? Ну, такъ какъ же?—Онъ поправиль свою руку, которой меня держаль, и обхватиль меня попржнему. Тогда я стала думать о своей скорой смерти и слезы высохли, и я долго думала, пока не почувствовала, что холодѣю и падаю въ безконечность.

— Что же вы блѣднѣете?—сказаль онъ.

Я думала о кладбищѣ, о распятіи, похожемъ на высохшій трупъ, о вчерашней высокой травѣ съ соринками, о черемухѣ, которая гдѣ-то по пути метнулась передо мной рыхлыми грудами цвѣта, точно закричалъ кто-то, какъ улетающій поѣздъ: въ послѣдній разъ! И я услышала голосъ челоуѣка рядомъ: «Слушайте, такъ нельзя. Послушайте, придите въ себя». Я положила голову ему на плечо и сказала: «Все равно, конецъ».

— Милая, вѣдь вы живете, вы сильная женщина, вы посмотрите на себя въ зеркало, какая милая, вѣдь правда? Зачѣмъ себя губить? У васъ волосы распались, вотъ шляпа ваша, я ее несу все время и о ней забыль. Приберите волосы, какіе у васъ волосы, напрімѣръ,—сказаль онъ. Я молчала, опершись ладонями о скамью, такъ смертное

равнодушіе было тяжело. Онъ принялся меня ласкать, убирая волосы и платье, и мнѣ казалось, что жалость, нѣжность и желаніе въ немъ велики и что это не то обыкновенное или грубое, чего я боялась.

— Да будетъ вамъ,—сказаль онъ около моего уха,—вы хоть въ порядокъ себя привели бы, просто нездорова, больна, красная, навѣрное жаръ, просто въ постель надо.—Я молчала.

— О чемъ вы думаете?—Онъ придвинулся и поцѣловаль меня,—нетерпѣливый, грубый поцѣлуй.

— О нѣтъ, нѣтъ!—Кровь бросилась мнѣ въ лицо.—Этого я не хочу, этого я не хочу!—У меня были злыя гримасы, я бѣшено толкалась.

— Что значить этого? Чего этого?—«Нѣтъ, нѣтъ!»—онъ держаль меня.—Что жъ я виноватъ, что вы мнѣ нравитесь?

— Вы не смѣте! Я ненавижу всѣхъ, кто пристаесть на улицѣ, всю жизнь презирала такихъ, какъ вы. Это мой послѣдній день! кричала я, вырываясь,—вы не смѣте. Надо пожалѣть этотъ день. Я ненавижу васъ!—Я кинулась бѣжать и остановилась: жаръ, кашель, слабость,—точно холодомъ подуло изъ подвала.

— Простите меня,—сказаль онъ, догнавъ меня,—не сердитесь. Сердитая! Сумасбродка! Руку дайте. Сами ведете себя, какъ сумасбродка и хотите, чтобы другіе были благоразумны. Съ чѣмъ это сообразно? Да не обижу васъ! Онъ велъ меня, держа за локти, мы—шли, какъ потерянные, толкаясь и останавливаясь.

— Посмотрите на меня,—сказаль онъ. Я посмотрѣла ему въ лицо, оно мнѣ нравилось; жаръ усиливался, ротъ мой высохъ и горѣлъ, сердце точно кусаль кто-то, руки дрожали въ огнѣ, въ нерѣшимости. Я закрыла глаза.

— Что нездоровится? Конечно, надо въ комнату. Мы гдѣ-нибудь здѣсь найдемъ комнату, вы простужены, надо въ домъ.

Тутъ я закашлялась, и страхъ, что онъ пойметъ, былъ такъ силенъ, что я смогла превозмочь припадокъ, я отошла и вытерла кровь совершенно незамѣтно. Съ этой минуты всѣ мои мысли сосредоточились на томъ, чтобы до конца обмануть его, я была такъ занята этимъ и такъ слаба, что не помѣшала ему обнять себя. Онъ опять зваль искать комнату.—«Да, я хотѣла бы только нарвать черемухи».—Нѣтъ здѣсь никакой черемухи.—«Нѣтъ есть». Я пошла впередъ, чувствуя, что онъ уже не отойдетъ отъ меня; минутами я какъ бы отъ колѣнъ до корней волосъ погружалась въ огонь.

— Не бѣгите, вы отъ меня бѣжите? Зачѣмъ? Мучительница!—говорилъ онъ,—можно вамъ сказать одну вещь?—Мы пересѣкли аллею сосенъ, вошли въ болѣе молодой лѣсъ и очутились на лужайкѣ;

рядомъ свѣтила опушка; заросль черемухъ шевелила холмы бѣлаго, рыхлаго, сыплющагося цвѣта; тутъ стоялъ черемуховый запахъ, сильный и горькій, запахъ крайняго безумія, безпредѣльной фантазіи, запахъ всѣхъ сумасбродныхъ обѣщаній и всѣхъ страстей. У меня потемнѣло въ глазахъ.

— Ну, что жъ, нарвать черемухи,—сказаль онъ. Если бъ кто видѣлъ это недовольное лицо и пристальный, нетерпѣливый взглядъ! Конечно, я не хочу черемухи, я не хочу ничего больше, но этотъ человекъ, вѣроятно, скоро будетъ моимъ мужемъ, не все ли равно, вѣдь я хотѣла чего-нибудь въ этомъ родѣ. Все это сдѣлала я сама. Весьма трезвая любовь, весьма трезвая смерть; что мнѣ оставалось, кромѣ покорности въ этотъ мой часъ, и что казалось страшнѣе—любовь или смерть, и что преслѣдовало съ худшею холодной неотступностью?

Однако, когда мы остались вдвоемъ въ угловой комнатѣ досчатаго дома, вотъ здѣсь,—мнѣ нужнѣе всего была жалость и я принялась плакать, и онъ былъ добръ со мною; онъ ушелъ и принесъ мнѣ обѣдъ, вина, конфетъ; онъ рассказываль о себѣ и въ промежуткахъ цѣловаль меня и мнѣ стало казаться, что домъ нашъ невѣроятно высокъ, что въ окнахъ южный пейзажъ, и въ комнатѣ душный, нѣжный запахъ; отъ слабости все кругомъ принимало непомѣрные размѣры, и голосъ его и его нѣжность, казались такъ трогательны, что я надрывалась отъ сладкаго плача, стараясь припомнить всю нашу горестную исторію, которая вообразилась мнѣ въ этотъ часъ. Потомъ я видѣла необыкновенныя вещи: подъ звѣздамъ въ окнѣ двигалась пальмовая крона, и дикіе звѣри шевелили на медленномъ ходу полосатыя спины, я радовалась имъ; голубое деревцо, похожее на ладонь, выросло изъ земли позади нашей стѣны.

Устала до смерти. Послѣ того, какъ онъ ушелъ, я кашляла безостановочно, такъ какъ удерживалась весь день; потомъ я пила воду и лѣкарство, чтобы остановить кровь; писала, чтобы еще побыть съ собой. Слова на бумагѣ, буквы.

— Боже, ты покараль меня, но въ Твоихъ ладоняхъ скрыто страшное счастье, цвѣта, похожаго на перламутръ и пахнущее жимолостью, я видѣла Твою ладонь раскрытой. Теперь я лежу. Сердце договариваетъ свой длинный стихъ.

Н. Бромлей.

В О Р Ъ

РАЗСКАЗЪ ИВАНА НОВИКОВА

Лѣтомъ въ Москвѣ скучно и пыльно, бездѣтельно; нечѣмъ дышать. Стѣны раскалены, нога утопаетъ въ смолистомъ асфальтѣ, походка теряетъ упругость, неинтересно становится жить. Барышни вялы на улицахъ, кислы на бульварахъ, и у всѣхъ отъ жары неопрятныя кофточки. Изъ дня въ день рѣжетъ глаза пыль отъ известки и мусора, а ночью, во время работы, только откроешь сундукъ и сдернешь покрышки, какъ по всѣмъ, на лѣто покинутымъ комнатамъ, густою струей поплыветъ пронзительный запахъ нафталина. Веселое и дерзкое ремесло воровское теряетъ всю прелесть и становится скучной чиновничьей службой: разницы мало—рыться въ архивной пыли или перетряхать нафталинную дрянь.

Миша, по прозвищу Щеголь, былъ существомъ молодымъ, жаднымъ до риска и приключеній, любилъ хорошія книги, выставки, острый театръ, жилъ скромно, уютно, въ двухъ комнатахъ, былъ склоненъ къ работѣ изящной; цѣня мастерство, всѣ свои предпріятія обдумывалъ тщательно, до мелочей, какъ если бѣ работалъ надъ небольшой, но цѣпкою пьесой, и разыгрывать ихъ любилъ безъ партнеровъ, одинъ.

Къ срединѣ іюня оставаться въ Москвѣ стало невыносимо и, подсчитавъ свою небольшую наличность, Миша рѣшилъ прокатиться по Волгѣ. Двѣ эти недѣли весьма освѣжили его: есть что-то крѣпящее душу въ этомъ согармоничномъ съ темными водами, размѣрномъ движеніи между то плоскихъ, то круто взъерошенныхъ, но равно медлительно проплывающихъ мимо васъ береговъ—похоже на жизнь.

Миша душой отдыхалъ. Великая простота полей и воды, свѣжіе токи вѣтровъ и прохладная близость звѣздныхъ ночей давали покой, рождали раздумье.

Миша сталъ воромъ отчасти по случаю, отчасти по смутному влеченію, которому немногаго не доставало, чтобы стать настоящимъ призваніемъ. Гимназіи онъ не окончилъ, весь его независимый духъ былъ глубоко враждебенъ общему строю этой маленькой, предварительной, фабрики для будущихъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ. Кроме того, Миша оказался немного скомпрометированъ и политически, и его изыятіе изъ журнальнаго списка совершилось столь просто, необходимо и безболѣзненно, какъ сама собою выталкивается пробка на поверхность воды. Миша оставилъ стараго дядю, у котораго и своихъ дѣтей была куча, и уѣхалъ въ Москву. Здѣсь онъ, одно за другимъ, прошелъ шоферскіе курсы, мѣсяца два проработалъ на заводѣ Бромлей, потомъ на Мясницкой въ одномъ иностранномъ электротехническомъ предпріятіи; всѣ эти знанія, навыки позже очень ему пригодились.

Первая кража почти не была, собственно, кражей. Зимой на Кузнецкомъ, въ фешенебельный часъ, остановился онъ у Даціаро рядомъ съ молоденькой дамой, свѣжо у нея были подведены губы, рѣсницы изогнуты столь же лукаво, какъ былъ лукаво-насмѣшливъ и взоръ. На рукѣ, которой она касалась легко, время отъ времени, гдѣ-то у уха, неопредѣленно, у завитковъ, глухо шумѣли звенья браслета, когда же она ее опускала, то магическій этотъ предметъ и для глаза тускло блестѣлъ, широкій, чешуйчатый, поверхъ узенькой, обливающей руку, блекло зеленой перчатки; мизинецъ изящно, съ горбившимися черезъ лайку перстнями, отведенъ былъ въ сторону.

Миша былъ голоденъ, въ конторѣ едва съ управляющимъ не произошло столкновенія, придется, быть можетъ, покинуть ее, хотѣлось какого-то вольнаго жеста, равнаго молодости и красотѣ, о которой ему не разъ давали понять кое-какія случайности его, съ переборами, жизни. Онъ заглядѣлся на даму, невольно и смутно и на браслетъ.

Постоявъ, однакоже, дама пошла, чуть-чуть поведя на прощанье въ Мишину сторону кончикомъ губъ, какъ бы остреемъ похожей на жало улыбки, взмахомъ тѣнистыхъ рѣсницъ. Миша тотчасъ пошелъ слѣдомъ за ней и по походкѣ угадывалъ, что она это знаетъ и позволяетъ. Медленный снѣгъ огромными хлопьями падалъ на шубку идущей, на плечи ея, какъ бы ихъ обнимая: такъ Миша чувствовалъ это и понималъ. вмѣстѣ съ движеніемъ въ немъ пробуждалась голодная жадность: «Ты не уйдешь отъ меня»,—говорилъ онъ себѣ и ступалъ слѣдомъ за ней осторожно, внимательно. И вдругъ онъ увидѣлъ, какъ въ ботикѣ ножка ея, мохнатая, какъ у пчелы, отягощенная

взятокъ, на бѣломъ предательскомъ коврикѣ, скользнула, подбила другую, и все милое тѣло, вдругъ обозначившееся въ душномъ просторѣ легкой коротенькой шубки, граціозно-безпомощно, какъ подсѣченное, покосилось направо, блеснулъ на мгновенье браслетъ, но еще не успѣла рука, съ инстинктивно все же отведеннымъ пальчикомъ, коснуться земли, какъ Миша схватилъ и ее, у запястья, и, съ этою нѣжною ручкою вмѣстѣ, принялъ легко упавшее тѣло. Одновременно почти, два, и едва ли не одинаково острыхъ, волненія были разрѣшены. Одно ощущение было жаркое, полное и утоляющее внезапно возникшую жажду касанія—тому уже минуло два съ половиною года, но живо оно, какъ если бы было вчера; вся его дрожь, все напряженіе такъ сладостно были погашены, какъ погасилъ бы разбѣгъ упругой волны раскаленную сталь жадныхъ до влаги шипцовъ. И почти вслѣдъ затѣмъ ощутилъ онъ другое: холодная тяжесть, какъ полнолѣсная змѣйка, разомкнувшаяся, скользнувъ, лежала у него на ладони; полусознательно онъ ее сунулъ въ карманъ.

Дама смѣялась, все обошлось благополучно, но онъ все же крѣпко придерживая—лѣвой рукой, вопреки этикету, велъ ее между людей; золото слабо отогрѣвало въ правомъ карманѣ, и пальцы руки безъ перчатки произвольно ласкали глухо, казалось, шуршавшія, подвижно скрѣпленные между собою пластинки. Миша весело ей улыбался и говорилъ первый пришедшій въ голову вздоръ. «Ну, конечно, отдамъ»,—думалъ онъ про себя, съ нѣкоторой все же неопредѣленностью.—«Вотъ будетъ удивлена!» Онъ былъ неважно одѣтъ, она превосходно, но оба смѣялись, шель снѣгъ, Кузнецкій и молодость—онъ ощутилъ къ этому вкусъ, хорошо.

Въ сущности, этимъ немногимъ все было уже предрѣшено, но и послѣдній, завершающій штрихъ не замедлилъ послѣдовать.

Дама укоротила шагъ, потомъ повела, освобождаясь, рукой, онъ машинально отнял свою. Пожилой господинъ шель имъ навстрѣчу, солидность его не возбуждала сомнѣній.

— Я очень вамъ благодарна,—сказала привѣтливо дама и заторопилась.

Глаза ея, кажется, что-то сказали теплѣй, пожалуй, лукавѣе, но Мишу это не тронуло. Онъ подождаль короткой ихъ встрѣчи и проводилъ глазами извозчика. Гдѣ же его, мелкаго служащаго, было узнать, но Миша узналъ хорошо одного изъ директоровъ предпріятія. Все было такъ просто, естественно, что Миша даже не огорчился, скорѣе напротивъ: теперь эта вещь, что осталась въ рукѣ, была его вещью по праву.

Было ему даже нѣсколько весело, когда черезъ четверть часа онъ спросилъ себѣ скромнаго кофе, однако, въ хорошемъ кафе, и сталъ пробѣгать вечерній листокъ, точно бы это давнимъ было его и обычнымъ препровожденіемъ времени. Машинально читая, онъ думалъ: «Контору похерить, конечно... Директоръ ей купить другой... Ювелиръ... Ювелиръ...» Оказалось, тѣмъ временемъ, что газетный листокъ раскрылъ передъ нимъ свои объявленія. Онъ наугадъ намѣтилъ себѣ ювелирную фирму. Какъ на свѣтѣ все, въ сущности, просто, удобно!

Позже не разъ Миша раздумывалъ, специализировавшись на драгоценностяхъ: въ тогу рядиться, конечно, не нужно, но все жъ таки воры хоть небольшой коррективъ къ вопиющей социальной несправедливости.

И, однакожъ, на Волгѣ спокойная ясность его и равновѣсіе, смѣнившія было усталость отъ лѣтней Москвы, заколебались, въ концѣ-концовъ, и затуманились. Смутно почувствовалъ онъ тщету одинокой своей, размѣренной жизни, вернется домой—и что же? Опять все сначала?

И, завершивъ путешествіе, онъ отъ Нижняго взялъ билетъ не на Москву, а нѣсколько дальше: внезапная тяга въ родные края полонила теперь воображеніе Миши. Несвойственно романтически глядѣлъ онъ въ окошки вагоновъ на дымящуюся по вѣтру рожь, на сѣрыя ленточки горькой полыни по рубежамъ; на станціяхъ онъ выходилъ и насвистывалъ съ мягкой задумчивостью грустный мотивъ. Здѣсь тишина не была такою кристально прозрачной, какъ на водѣ, была она больше вѣсома, жива потаенною жизнью, тысячи звуковъ дышали въ ней и копошились, скорѣе угадываемый, ни на минуту оркестръ не оставлялъ играть подъ сурдинку... о чемъ?

Это была теплая, милая жизнь, единственно, можетъ быть, настоящая: птица въ гнѣздѣ кормила птенцовъ и щорохъ родился при открываніи клюва, отъ мягкаго движенія передаваемой кашицы, въ похлипываніи едва оперившихся грудокъ, хрупкія вѣточки зыбкаго птичьяго дома похрустывали при перебираниі крохотныхъ ножекъ; пчелы, шмели, муравьи... міриады движеній, дыханія, легкаго бѣга, трепета крыль; станціонный начальникъ и барышни съ ненужными зонтиками, и все же столь обязательными къ проходу каждаго поѣзда, какъ потертый флажокъ у сигналиста—и они едва ль отдѣлимы отъ хлопотливой всей мелкоты, живущей по милости солнца... Мишино сердце ныло и билось съ доселѣ ему незнакомой истой.

На утро онъ съ истиннымъ наслажденіемъ шелъ отъ вокзала

пѣшкомъ, знакомыя улицы, запахи, неизмѣнныя тѣ же, заботливой пилкою вынутыя сердечки на ставняхъ, неторопливая вся и добродушная лѣтняя дѣнь провинціального города... Точно бы и никуда не уѣзжалъ, и великій соблазнъ—взамѣнъ чемоданчика потряхнуть по-старинному кожанымъ ранцемъ, гдѣ завтракъ, тетрадки, карандаши... Миша свисталь теперь весело, бодро, и, предвкушая семейную сцену, радость свиданія, радушные возгласы дяди, успѣвшаго, надо надѣяться, передохнуть отъ племянника, путешественникъ нашъ съ веселою торопливостью дернулъ звонокъ. Все то же зеленое было крылечко съ подгнившими досками теса, зацвѣтшаго мохомъ. съ любимой его, изрѣзанной ножикомъ кленовой скамейкой, тѣ же шумѣли изъ-за забора листы серебристаго тополя, и облака, кажется, тѣ же легко и широко плыли надъ садомъ къ рѣкѣ.

— Дядя что? Спать? Вещи возьмите!—выпалилъ Миша, сразу, одно за другимъ.

Дѣвушка въ простенькомъ клѣтчатымъ платьѣ, которую принялъ онъ за прислугу, весело фыркнула и тотчасъ же рукою закрыла ротъ; привычный взглядъ Миши отмѣтилъ колечко съ теплымъ топазомъ.

— Дядя?—переспросила она, смотря все еще полными смѣха глазами.—У меня его нѣтъ, а тетюшка цвѣты поливаетъ въ саду.

Миша стоялъ въ недоумѣніи; одною рукою держась за ручку дверей, другой опершись о притолоку, стояла дѣвушка передъ нимъ какъ живая изгородь, за изгородью оставался и домъ, и милый садъ Мишинъ, родной, гдѣ незнакомая тетюшка въ утренній часъ поливала цвѣты и проникнуть куда, видимо, было нельзя.

Все это, кажется, со слишкомъ явною ясностью пробѣгало по его лицу, потому что дѣвушка, черезъ минутку молчанія, заколебалась.

— А впрочемъ, войдите,—сказала она, наконецъ.—Я проведу васъ въ садъ.

— Какъ вы добры,—отвѣтилъ ей Миша.—Я прямо съ вокзала, пѣшкомъ, и немного усталъ.

— Пойдемте вотъ такъ,—сказала дѣвушка, когда они заперли дверь.—Оставьте тутъ чемоданъ. Зовутъ меня Катя.

— Да я знаю, какъ пройти,—отозвался съ улыбкою Миша.— Я тутъ родился.

— Вотъ оно что...—протянула она, и грустное сочувствіе глянуло изъ живыхъ ея глазъ.—А мы тоже... имѣніе продали... за долги,—при этомъ она улыбнулась,—и только прошлаго года сюда пересели-

лись, купили. Вѣрно у вашего дяди... Съ бородкой? Въ очкахъ? (Миша кивнулъ головой утвердительно.) Куда-то въ Сибирь переѣхалъ.

Грустныя нотки въ словахъ этой дѣвушки, смѣшливой и легкой, въ свою очередь, тронули Мишу. «Такъ дядюшка мой, стало быть, вовсе тю-тю!»—подумалъ онъ между тѣмъ.—А впрочемъ, все это въ порядкѣ вещей, стоитъ ли думать, все на землѣ перемѣщается и я самъ тому соучастникъ—брошки, часы, люди... и—ничего!»

— Вотъ такъ, черезъ столовую,—сказалъ онъ весело вслухъ и привычно толкнулъ передъ собою дверь.

— Что вы, что вы!—воскликнула Катя со смѣхомъ и ужасомъ.— Боже избави!

Нѣсколько все же секундъ въ изумленіи Миша простоялъ передъ открытою дверью. Шторы были опущены и въ полусвѣтѣ, сизоватомъ и лѣтнемъ, быстро, въ веселомъ замѣшательствѣ, скользнули подъ одѣяла двѣ легкихъ фигурки; съ непостижимою быстротой сдѣлали ноги конвертикъ, изнутри, подъ одѣялами руки подоткнули края простыни и натянули ее на лицо; у одной прищемилась косичка горбикомъ около уха, другая осторожно пріоткрыла черный глазокъ.

— Какой вы сумасшедшій!—сказала Катя, отъ смѣха давясь, и схватила за руку Мишу; онъ уже закрывалъ медленно дверь.

— Тутъ подруги мои... И вообще теперь спальня...—Коричневые глазки ея отъ смѣха блестяли.—Пойдемте вотъ здѣсь.

И, чтобы обезопасить себя отъ возможной новой еще неожиданности, по коридору она повела его уже за руку.

Съ небольшой ветхой терраски Миша увидѣлъ знакомыя съ дѣтства дорожки, бесѣдку у склона къ ручью и, неожиданно, маленький аккуратный стожекъ; полянки въ саду были тщательно выкошены.

— Это у насъ свой сѣнокосъ,—сказала съ гордостью Катя,— и у насъ есть коза. Пожалуй, я вамъ покажу.—Она все еще не отпускала руки.

— Пойдемте,—отозвался Миша охотно.

Въ маленькомъ сарайчикѣ, въ полутьмѣ, коза посмотрѣла на нихъ съ интересомъ; шелковистая ея пахучая шерсть отливала матовымъ перламутромъ. Потомъ повела она, сморщивши ноздри, по направленію Миши и, переступивъ, какъ на каблучкахъ, подняла свою острую мордочку къ Катѣ и сухими губами, поймавъ, стала жевать ткань на ея рукавѣ. Миша невольно пожалъ холодные Катины пальцы, она поглядѣла на него серьезно, внимательно, потомъ, чуть-чуть отвѣтивъ едва ощутимымъ пожатіемъ, вынула руку и стала гладить животное по нѣжному его одѣянію; оба они молчали.

— Ну бѣги теперь, ты засидѣлась!—сказала вдругъ съ живостью дѣвушка и, полюбнявъ шею козы, повлекла ее къ выходу.

Миша, не двигаясь, глядѣлъ имъ вслѣдъ, Катя, казалось, вовсе забыла о немъ. Солнечный свѣтъ, падавшій въ узкую дверь, вблизи былъ разсѣянъ, дымился, тѣснясь, у самага входа и слѣпили глаза въ глубинѣ ликующимъ своимъ напряженіемъ; кусочекъ земли, видимый въ дверь, съ группой деревьевъ, листвою и зеленью, казался отсюда юно рожденнымъ и въ него, шагъ за шагомъ, вступала за полчаса до того незнакомая дѣвушка съ шелковисто-серебрянымъ послушнымъ животнымъ. Встрѣчный имъ свѣтовой звенящій потокъ мягко скользилъ по ниспадающимъ прядкамъ гладко расчесанной шерсти и міриадами брызгъ дробился у завитковъ легкихъ волосъ, золотя ихъ и обдавая сіяющей пѣной нѣжную кожу щеки, полусерпикомъ загоралось и погасало дѣвичье ухо. Миша забылся, словно восхищенный на эти мгновенія отъ самага себя.

— Идите же къ тетушкѣ,—съ простотой, полуобернувшись, промолвила Катя.—Вы вовсе забыли о ней.

Миша вздохнулъ и вышелъ на свѣтъ.

Отъ ручья, съ кувшиномъ въ лѣвой рукѣ неспѣшно шла женщина. Она была совсѣмъ молода, поверхъ головы обвязана синимъ платкомъ, на узенькихъ мочкахъ ушей висѣли, длинно болтаясь, сережки.

— Съ кѣмъ это ты? Катюша?—звонко крикнула она, поднимаясь на горку, и свободной рукой затѣнила отъ свѣта глаза.

Но вмѣсто Катюши, смѣшно французскими своими каблучками брыкнувъ, устремилась къ ней, легко перескакивая черезъ клумбы, коза; было издали видно, какъ она сунула любопытную мордочку прямо въ кувшинъ, тонкій ея язычекъ, надобно думать, съ жадностью заработала.

Не разъ еще Мишѣ въ тотъ день приходило на память это измѣнчивое бѣгство козы и ласковыя ея повторныя перебѣжки отъ тетушки Агніи къ Катѣ и снова назадъ: онъ понималъ ее. Въ Агніи не было юной той непосредственности, которая переливалась въ Катюшѣ по всѣмъ молодымъ ея жилкамъ, была она нѣсколько даже по виду строга, чѣмъ-то, можетъ быть, и озабочена, но та простота, съ которою она встрѣтила Мишу и пригласила пить кофе, а потомъ приняла его предложеніе помочь ей въ поливкѣ цвѣтовъ, такую прямую открывала въ ней душу, что Миша снова былъ очарованъ. И когда Катя ушла поднимать сонливицъ подругъ, а онъ раза три еще бѣгалъ за водою къ ручью, каждый разъ издали со смѣшаннымъ чувствомъ

любованія ею и невнятной заботы о ней слѣдилъ онъ неспѣшныя движенія Агніи между цвѣтовъ. Видимо, что-то ее безіокоило, но она не давала воли тревогъ, сѣрые внимательные глаза ея даже слегка улыбались при видѣ того, какъ Миша съ одинаковымъ усердіемъ поливалъ и цвѣты, и желтыя щегольскія свои ботинки.

— Вчера у меня былъ вечеръ дурной,—говорила она съ открытостью и простотой, наполовину сама себѣ,—я получила письмо и разстроилась, и клумбы мои забла полить, а дѣвочки до ночи катались на лодкѣ. Вы, можетъ быть, не знаете даже, что цвѣты поливать надо съ вечера? А я вѣдь жила всегда у себя, въ деревнѣ...

Мишѣ хотѣлось спросить, что за письмо, помочь ей, но онъ не рѣшался спросить, да и чѣмъ могъ бы помочь?

Въ маленькой новой столовой, бывшемъ дядиномъ кабинетѣ, шумѣлъ самоваръ, подъ колпакомъ дожидался хозяйки кофейникъ, чашечки, коричневая, гарднеровскія, съ большой аккуратностью были разставлены, на маслѣ лежалъ кусочекъ хрустальнаго льда. Одна за другой появились и дѣвочки; кусая губы и поблескивая изъ-подъ опущенныхъ вѣкъ смѣшливыми глазками, присѣли онѣ передъ Мишей, Катя, какъ старая знакомая, улыбалась ему уже вовсе открыто.

— Ну что за пустяки такіе,—говорила она, немного спустя,—поѣздъ идетъ только ночью, куда жъ вамъ дѣваться? Оставайтесь у насъ, пойдѣте всѣ за городъ.

Племянницу поддержала и Агнія.

— Тѣмъ болѣе, что сегодня пріѣдетъ Михайла Никифорычъ,—отнеслась она къ Катѣ,—и мнѣ пріятно было бы, если бъ тебя не было дома. Я отъ него получила извѣстіе.

— Какъ, онъ пріѣдетъ?—вспыхнула Катя.—Опять! Какой негодяй!

— Ну, Катя, довольно, я поговорю съ нимъ сама,—отвѣтила Агнія.

Миша съ жадностью слушалъ эти обрывки, клочки разговоръ, стараясь проникнуть въ ихъ суть. Но это лишь только отчасти ему удалось въ теченіе цѣлаго дня, который провелъ на быломъ своемъ пепелищѣ, въ прогулкѣ за городъ, на рѣкѣ въ подвижной этой стайкѣ рѣзвыхъ, щебечущихъ ласточекъ. Катя, впрочемъ, минутами становилась задумчива и Мишѣ казалось порой, что онъ ловить ея какъ бы вопросительный взоръ.

Подъ вечеръ встали надъ рѣчкой синія тучи, вѣтеръ порывами набѣгалъ на поля, круто трепалъ вѣтви ракитъ, дѣвичьи шляпы; заторопились домой. Катя немного отстала, Миша шелъ рядомъ.

— Скажите,—спросилъ онъ внезапно,—я все равно нынче уѣду, кто этотъ Михайла Никифорычъ?

— Мой бывший женихъ,—съ такой же внезапною рѣзкостью отвѣтила дѣвушка,—я слышать о немъ не хочу. Я знала, что вы меня спросите.

— Зачѣмъ онъ пріѣдетъ?

— Онъ хочетъ купить меня.

Миша невольно педнялъ глаза.

— Онъ преслѣдуетъ насъ. Мы разорились. Дѣдушка умеръ и оставилъ долги. Имѣніе продали, кое-что взяли съ собой. Да вы видѣли! Да я говорила ужъ вамъ!

Она съ досадой замолкла и, бѣгло сорвавъ головку душистаго тмина, растерла ее одною рукой и откинула въ сторону. У Миши наморщились брови, онъ терпѣливо ждалъ продолженія, но, не дождавшись, спросилъ:

— Какъ же... купить?—и голосъ его прозвучалъ неожиданно глухо.

— А вамъ зачѣмъ знать?—рѣзко оборвала его Катя.

Одна половина небесъ была сине-темна, громоздились почти надъ головой и набѣгали, клубясь, одна на другую рьяныя тучи, земля, одѣтая тѣнью, дышала уже ощутимой прохладой, и нѣжная была, мирная ясность, покой на другой сторонѣ, городъ лежалъ на склонѣ долины какъ на отдыхѣ милая пестрая кошечка.

— Я никогда не любила его,—начала опять Катя сама,—и это не вѣрно, что онъ мой женихъ. Онъ негодяй, хуже, чѣмъ воръ или мошенникъ. (Миша тронулъ себя за високъ и пальцемъ растеръ внезапный уколъ.) Ну, однимъ словомъ, у него векселя... А дѣдушка выплатилъ ихъ. Это я знаю, знаю навѣрное! И тетя навѣрное знаетъ! А онъ прижимаетъ насъ... Ну, и вотъ... меня хочетъ купить! Ахъ, зачѣмъ я вамъ рассказала!—И она сдѣлала движеніе, чтобъ побѣжать.

Миша поймалъ ея руки, крѣпко ихъ сжалъ, потомъ отпустилъ, ничего не сказавъ, какъ бы что вспомнивъ. Да и обѣ подружки смѣялись имъ издали, плескали руками.

Агнія Мишу просила остаться переночевать, ему показалось, что ей было пріятно, чтобы у нихъ ночевалъ не одинъ Михайла Никифорычъ.

— Это сосѣдъ нашъ по имѣнію... бывшему,—сказала она, знакомя съ нимъ Мишу.—Онъ не рѣшается ѣхать въ такую грозу.

— Да, ужъ вы разрѣшите мнѣ, Агнія Владимировна, по добро-

сосѣдски...—отозвался, тараща глаза, коротко остриженный, широколобый, съ рыжиной въ бородѣ человѣкъ.—Вѣдь ѣхать-то, сами вы знаете, безъ малаго тридцать пять верстъ, а я... такъ засидѣлся. Барышень вашихъ хотѣлось мнѣ поглядѣть... Катерину Аркадьевну давно не видалъ.

Миша слушалъ его со сдержанной ненавистью и быстро что-то про себя соображалъ.

Вечеръ прошелъ нѣсколько смутно. Въ саду разыгралась гроза, молніи блескъ не тонулъ и при ламповомъ свѣтѣ. Катя почти не выходила, ссылаясь на головную боль, на усталость, но Михайла Никифорычъ, видимо, не унывалъ, на что-то надѣясь. Пс-деревенски, развалившись на креслѣ, безцеремонно Агнію Владимировну онъ угощалъ деревенскими новостями. Она слушала сдержанно, устало и строго, подавая короткія реплики. Мишина ненависть противъ этого круглоголоваго накопала съ часу на часъ, что не мѣшало ему за круглымъ столомъ показывать беззаботнымъ двумъ существамъ цѣлую серію фокусовъ въ карты.

Рано легли. Въ столовой, на жесткомъ диванчикѣ, Миша долго ворочался, и не помышляя о снѣ. Гроза отшумѣла, въ окно густою струей вливались ночная прохлада, благоуханія, но не было отпущенія Мишинымъ думамъ.

Отдѣльныя падали капли съ вѣтвей среди тишины, потомъ послышался смѣхъ, сдержанный, дѣвичій, Миша сообразилъ: черезъ окно пробѣжаться по саду послѣ дождя... Ему послышался даже и бѣгъ, мягкій и мокрый по мокрымъ дорожкамъ. Тамъ ли и Катя—онъ разобратъ не сумѣлъ, ему сдѣлалось грустно. Еще немного спустя, услышалъ онъ стукъ въ сосѣдную комнату. «Можно?»—«Да, да». Скрипъ двери и пауза. «Ни-за-что и никогда».—раздѣльно сказала тетушка Агнія.—«Послѣднее слово?»—«Конечно, и незачѣмъ вамъ было и пріѣзжать. Вы должны были знать это и сами».—«Ну нѣтъ, все-таки есть зачѣмъ: завтра я предъявлю векселя».—«Однажды оплаченные?»—«Это ужъ какъ вамъ угодно-съ, а только они формальные и цѣлехонькіе-съ».—«Вы все-таки гость и сейчасъ уже ночь, но завтра я васъ попрошу оставить мой домъ... пораньше. Прощайте». Мишѣ припомнилось: одна половина неба въ грозѣ и на другой нѣжный покой, безмятежность. Лежалъ онъ, не шевелясь. Можетъ быть, черезъ четверть часа достигли его и звуки обратнаго бѣгства, столь же веселаго, какъ весель въ саду лѣтній прерывистый дождь. И опять тишина, легкіе шорохи въ дѣвичьей комнатѣ, бывшей столовой. Потомъ одинъ голось: «Олечка!»—«Что?»—«Я вѣшаю платье, думала

гвоздикъ, а это... а это кузнечикъ!» Шелестъ и смѣхъ. Сдѣлали вѣрно конвертики и подправили простыни. Катина голоса нѣтъ. Помаленьку уснули, а Миша, напротивъ, одѣлся и осторожно вылѣзъ въ окно.

Дальше событія ночи развернулись съ быстротой феерической. Не даромъ былъ Миша мастеръ сихъ дѣлъ. Всѣ векселя, не глядя и не читая, положилъ онъ въ карманъ, прихвативъ и золотые часы, чтобы больше было похоже на посторонняго вора, затѣмъ имитировалъ бѣгство къ калиткѣ, искусно мѣняя оттискъ ноги на влажной дорожкѣ, и со всѣми предосторожностями вернулся къ себѣ.

Раздѣвшись, немного помедливъ, онъ застучалъ въ стѣну къ сосѣду и на охрипшій вопросъ Михайлы Никифорыча поднялъ тревогу.

Скоро весь домъ былъ на ногахъ, Миша организовалъ энергичнѣйшій розыскъ. Встали и барышни. Кое-какъ запахнувшись, въ ночныхъ одѣяліяхъ, были онѣ очень милы и какъ овечки жались одна къ другой. У Кати, напротивъ, сдержанный блескъ сіялъ на лицѣ, она была рада. Агнія, кажется, нѣсколько была смущена, но, какъ всегда, спокойна и сдержанна. Толстякъ шумно и глупо неистовствовалъ. На дворѣ запрягали мокрую его бричку. Онъ хотѣлъ ѣхать въ полицію самъ, а оттуда въ гостиницу. «Давно бы такъ»,—съ легкостью на душѣ и удовлетвореніемъ думалъ Миша.

— Ночь все равно ужъ теперь перебита,—сказалъ онъ почти тельно Агнии, когда отшумѣли колеса помѣщичьей брички,—позвольте мнѣ васъ поблагодарить и откланяться, я все-таки तो-роплюсь. Гроза миновала и поѣздъ еще не пришелъ.

Дѣвочки, Оля и Зоя, такъ мило его обѣ просили остаться, потому что имъ страшно, и такъ смѣшно у одной вылѣзала снова кошечка, а у другой не безъ лукавства блестялъ черный глазокъ, что улыбаясь, полушутя, Миша подумалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, надо ѣхать... А то еще тутъ вовсе запутаешься».

Катя ему ничего не сказала, но пошла проводить. Ждала теперь молча она.

— Да, это я,—сказалъ ей Миша въ дверяхъ.—Вы Агнии Владимировнѣ не говорите, не надо смущать. А сами ко всему происшедшему отнеситесь здраво, прошу васъ. Наказанъ всѣмъ этимъ только вѣдь человекъ, который, какъ вы же сказали, хуже... да, хуже вора.

Онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ. Катя упорно молчала.

— И вы уѣзжаете?—сказала она, наконецъ, когда послѣ молчанія, точно самъ чего-то еще ожидая, Миша все же взялъ чемоданъ.

— Да,—отвѣтилъ онъ грустно,—потому что я... потому что я

настоящий воръ и васъ не достоинъ. Специальность моя—драгоценныя вещи. Но вы не подумайте, эти часы,—добавилъ онъ съ горечью, замѣтивъ, какъ тѣнь пробѣжала по дорогому отнынѣ лицу,—я подарю ихъ первому нищему.

Когда онъ уже отошелъ по тротуару, Катя его негромко окликнула:

— Возьмите,—сказала она, стоя уже на крыльцѣ,—возьмите... Нѣтъ, я васъ прошу. На память... Я... Я...

Тускло блеснулъ въ полутьмѣ перстенецъ, снятый съ мизинца.

— Спасибо вамъ,—тихо сказала растроганный Миша и поцѣловалъ еще разъ ея руку.

Была минута одна, когда могло, можетъ быть, что-то произойти, одна изъ тѣхъ перекрестныхъ минутъ, что бывають и въ скромныхъ дѣлахъ, и въ большихъ—и на путяхъ нашей маленькой жизни, и въ бытіи цѣлыхъ народовъ, но... ничего не произошло.

И было, однако, волненіе этой минуты такъ велико, что не могла тетушка Агнія, кажется, что-то подозрѣвавшая, долго остановить обильныхъ и страстныхъ Катиныхъ слезъ. А Миша шагаль съ чемоданчикомъ, не видя ни улицъ, ни лужъ, и только уже недалеко отъ вокзала, отъ быстрой ходьбы и отъ прохлады близкаго утра, сталъ понемногу находить самъ себя.

— Сквознячекъ...—пробормоталъ онъ съ усмѣшкой.—Сквознячекъ—это я. До грозы далеко. И все же... какъ сразу очистило воздухъ! Довелось бы пошире...—вотъ хорошо!..

И все-таки нѣжность, досада, любовь томили его и теплѣли на сердцѣ, какъ неукраденный, теплый въ рукѣ его, милый топазь.

Иванъ Новиковъ.

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Въ наше время особый смыслъ получаютъ стихи Бальмонта:

Миръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить.

Теперь миръ, виноватый миръ, труднѣе оправдать, и, значить, труднѣе жить, чѣмъ когда бы то ни было.

Но, собственно, специальная забота каждого истиннаго поэта заключается не въ томъ, чтобы миръ былъ оправданъ, а въ томъ, чтобы онъ былъ названъ. Необходимо прибѣгнуть подъ защиту, подъ сѣнь Слова. И, можетъ быть, назвавъ миръ, мы тѣмъ самымъ его оправдаемъ.

Назвать—оправдать.

До слова нѣтъ бытія. Только названное существуетъ. А что названо, то понято; а что понято, то прощено или оправдано. Вотъ почему, называя, поэты и писатели выполняютъ нѣкое философское назначеніе, рѣшаютъ метафизическую и этическую задачу. Литература—именованіе и оправданіе жизни; литература—названность міра.

Теофиль Готье говоритъ про Адама: «великій номенклаторъ». Намъ Сергѣй Городецкій восклицаетъ:

Просторенъ миръ и многозвученъ,
И многоцвѣтнѣй радугъ онъ,—
И вотъ Адаму онъ порученъ,
Изобрѣтателю именъ.
Назвать, узнать, сорвать покровы...
.....
Вотъ—подвигъ первый.

Съ тѣхъ поръ какъ Адамъ, первый наименователь, нарекъ всякую душу живую, назвалъ всѣхъ животныхъ полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ,—

каждый человек и, особенно, каждый писатель, этот человек по преимуществу (потому что он — словесник по преимуществу) только и дѣлаетъ, что продолжаетъ дѣло, продолжаетъ слово Адама, этимъ упрочивая сущность и существованіе вселенной. Люди-поэты произносятъ все новыя и новыя имена и слова, которыя называютъ внѣшнюю и внутреннюю природу, развиваютъ безконечный свитокъ мірозданія, великую картину его свободъ и возможностей, все тоньше и тоньше разоблачаютъ и расщепляютъ вселенскую тайну.

Миръ—загадка; слово—разгадка. Человѣчество ищетъ слова.

Не нами

Безсилые извѣдано словъ къ выраженью желаній,

Безмолвныя муки сказались людямъ вѣками;

Но очередь—наша; и кончится рядъ испытаній

Не нами.

Если принять эти стихи Фета, то исторія—не что иное, какъ смѣна поколѣній, ищущихъ слова. Отъ одной человѣческой волны къ другой по очереди переходитъ эта миссія, это богоискательство, или словоискательство. Словами разставляетъ человѣчество вѣхи на своихъ дорогахъ, старается вывести себя изъ лабиринта міровой запутанности. Ариадной служить здѣсь поэзія.

Сознательно или безсознательно, писатель подвергаетъ миръ реакціи на слово. Все ли можно назвать, все ли поддается наименованію, все ли подвластно неуловимымъ движеніямъ стили, этой волшебной палочки въ рукѣ у чародѣя-художника? Пробуютъ поэты, пытаются писатели. Все для нихъ на потребу, на пробу слова. Для нихъ миръ существуетъ, чтобы его описали; онъ жаждетъ быть названнымъ, услышать собственное имя. Когда его назовутъ какъ должно, тогда онъ откликнется.

Впрочемъ, это не узкій специализмъ писателей: нѣтъ, всякій человекъ, независимо отъ того, пишетъ ли онъ или только говорить, всякое словесное существо именно такъ строитъ свои отношенія къ бытію, что вноситъ свою долю въ общее дѣло именованія міра, крещенія міра.

Слово обращено къ слуху. «Слушай, Израиль!»—звучитъ библейскій призывъ. Израиль, это—все человѣчество. На слухъ рассчитываетъ разумъ. Слово по своей природѣ громко. Главное чувство души—слухъ; она не только видитъ, сколько слышитъ. Не даромъ шестикрылый серафимъ въ пушкинскомъ «Пророкѣ» больше занялся слухомъ явившагося ему на перепугѣ, чѣмъ зрѣніемъ, т. е. больше о преображеніи своего слуха повѣствуетъ новообращенный. «Напряженное ухо» поэта слышитъ не только звуки, но и трепетныя блѣдныя руки, и то, какъ сердце цвѣтеть, и травъ неясный запахъ:

Слухъ, раскрываясь, растеть
Какъ полуночный цвѣтокъ.

Великій слушающій, чуткій среди космической тишины, на лонѣ мировой таинственности, поэтъ все услышанное долженъ претворить въ слово.

Но человѣческія слова только приблизительны и поверхностны; они всего разстоянія между собою и предметами не покроютъ никогда: нѣтъ слиянія и отождествленія слова и вещи, слова и дѣла. И тѣ, кто золотоносные рудники слова разрабатываетъ по преимуществу,—они-то именно и ропщутъ, они-то и жалуются, что именованіе міра медлительно и трудно. Какъ преодолѣть несловоохотливость природы, замкнутость вселенной, какъ подняться надъ неслиянностью слова и вещи?

Специалисты слова сѣтуютъ на свое безсиліе и беспомощность. «А душу можно ль рассказать?» Душа не вмѣщается въ слова. Наболѣе тонкое въ ней и болѣе глубокое невыразимо; на самое дно этого моря не опускается бѣдный лотъ нашей рѣчи. «О, если бѣ безъ слова сказаться душой было можно!» «Людскія такъ грубы слова». «Мысль изреченная есть ложь».

Если говорящіе славятъ не слово, а молчаніе, то не является ли это съ ихъ стороны неблагодарностью къ слову, которое вѣдь ихъ взыскало, избаловало, сдѣлало своими любимцами? Нѣтъ, должно быть, какъ разъ потому, что оно приобщило ихъ къ себѣ, они больше, чѣмъ другіе люди, поняли, какъ мы все косноязычны сравнительно съ мировой красотой и мудростью, какимъ жалкимъ лепетомъ звучатъ наши рѣчи сравнительно съ нѣмымъ краснорѣчьемъ, съ вѣщей загадочностью міра. На вѣсахъ серьезности такъ много значила всегда нравственная заслуга молчанія, и великіе молчальники—точно живыя каріатиды на торжественномъ зданіи космоса.

Если ужъ говорить, то надо сказать нѣчто такое, изъ-за чего стояло бы нарушить молчаніе и что было бы мудрѣе и достойнѣе его. Тишина—стихія мысли. Не будемъ же все прерывать тишину.

Вотъ литература и стремится хоть нѣсколько исправить недостатки нашего людского произношенія, бѣдность и тусклость несовершенныхъ человѣческихъ устъ, приблизиться къ смыслу міра и соответственно его назвать. Въ этихъ цѣляхъ писатели и озабочены точностью и красотой своихъ словъ. И Ницше совѣтуетъ надъ двумя строками прозы работать какъ надъ статуей. Писатель—ваятель. Онъ испытываетъ муки слова, онъ долженъ сломить сопротивленіе мысли, которая, будучи изреченной, хсцеть обратиться въ ложь, какъ будто отмщая этимъ за то, что ее извлекли изъ спокойныхъ нѣдръ безмолвія, отторгли отъ царства вселенской тишины. Творить свою скульптуру, свои словесныя картины писатель, и все называть, называетъ, потомокъ изобрѣтателя именъ.

Если именамъ этимъ, кромѣ точности, хочетъ придать онъ и красоту, то лишь оттого, что красота умна. Красота не мѣшаетъ, а помогаетъ точности. Писатель слышитъ слово, какъ часть не только мірового разума, но и мірового ритма, какъ ноту «музыки Божьей», какъ отголосокъ небесной гармоніи. Это относится не только къ стихамъ, но и къ прозѣ. Когда проза слѣпо подражаетъ стихамъ и у нихъ перенимаетъ ритмичность, то ея, этой прозы въ павлиньихъ перьяхъ, вынести нельзя; но истинная проза имѣетъ свой ритмъ, свои специфическіе бѣлые стихи. Музыкальность рѣчи обуславливается и тѣмъ, что не только у cadaго человѣческаго голоса, но и у cadaго человѣческаго слова есть свой особый тембръ. Вообще, слова—особи: и писатель ваятель ощущаетъ живое и нервное, горячее и гбкое тѣло словъ.

Незавершенность и несовершенство слова, сравнительная скудость его, которой предпочитаютъ «житницы молчанія», великое *Silentium*, приводитъ къ тому, что если мысль изреченная есть ложка для самого поэта, для собственника этой мысли, то она еще больше—ложка для тѣхъ, кто ее воспринимаетъ. Никогда читатель не прочтетъ какъ разъ того, что написалъ писатель. Полнаго соответствія и совпаденія здѣсь не можетъ быть. Въ значительной степени правы софисты, древніе защитники человѣческой относительности, утверждавшіе, что мы не можемъ понимать другъ друга. Въ одни и тѣ же слова каждый влагаетъ особый смыслъ, особый оттенокъ смысла, и мы обмѣниваемся монетами разной цѣнности; оттого знанія не передаваемы, и никто не можетъ никого обучать; даже разговаривать нельзя: нѣтъ общаго языка, и человѣкъ человеку—недоразумѣніе. Софисты только преувеличивали трагизмъ вѣчныхъ недоумѣній, но по существу они близки были къ истинѣ; и замѣчательно, что въ своихъ парадоксахъ они могли бы опираться на поэтовъ, которые, какъ мы уже видѣли, признаются въ своей безпомощности передъ мыслью. Слово зыбко, слово туманно, и мы, читатели, понимаемъ его не совсѣмъ такъ, какъ оно произнесено вторымъ.

Только нѣтъ въ этомъ никакой бѣды, потому что дополнять писателя читателемъ необходимо,—иначе не будетъ литературы. Она представляетъ собою общеніе, контактъ, сляніе двухъ мировъ: душа писателя переливается въ душу читателя, и наоборотъ; происходитъ нѣкій духовный эндосмосъ и экзосмосъ, и уже одно это дѣлаетъ художественное произведение никогда не законченнымъ, всегда текучимъ. Искусство не фактъ, искусство—актъ. Какъ процессъ, какъ вѣчное движеніе, оно не кристаллизуется въ опредѣленныхъ формахъ, а переливается всеми цвѣтами радуги, постоянно мѣняется, и каждый слушатель или зритель своими впечатлѣніями, отъ него же полученными, обогащаетъ, усложняетъ его, зажигаетъ въ немъ особый, новый огонь,—къ прежнимъ свѣчкамъ благочестивыхъ прихо-

жанъ во храмѣ красоты прибавляетъ свою; многосмысленное, искусство имѣетъ столько смысловъ, сколько мыслей къ нему прикасается.

Литература—бесѣда; разговариваетъ писатель съ читателемъ, и это соединеніе устъ и сердецъ, эта духовная двойца осуществляетъ художественный эффектъ. Не только писатель опредѣляетъ читателя, но и читатель—писателя: первый создаетъ послѣдняго по образу и подобию своему, симпатически выявляя его сущность. Писатель, это—не то, что имъ написано, а то, что у него прочитано. И—еще разъ повторимъ—точь въ точь такъ, какъ онъ думалъ и написалъ, не думаетъ и не читаетъ никто. Мало того: самъ писатель не закрѣпляетъ однажды навсегда въ опредѣленномъ словѣ опредѣленнаго снятія; онъ! тоже подвластенъ гераклитовому потоку, и какъ нельзя дважды опуститься въ одну и ту же рѣку (она въ промежуткѣ успѣла уже стать другой), такъ онъ не можетъ два раза произнести одно и то же слово въ одномъ и томъ же смыслѣ. Это и даетъ просторъ творчеству читателя, его сотрудничеству съ писателемъ, это и расширяетъ до безконечности зону впечатлѣнія, идущаго отъ литературы. И если я не вышелъ навстрѣчу, на дѣйственную встрѣчу, къ своему писателю, если чрезъ призму своей души я не преломилъ его созданія, оно останется для меня нѣмо, какъ я остался для него глухъ. Поэзія—для поэтовъ, только для нихъ; и все то поэтическое, что есть въ каждомъ человѣкѣ, всѣ тѣ внутренніе, тѣ, опять, бѣлые стихи, которые безмолвно слагаютъ каждое сердце (къ счастью, мы вѣдь всѣ—поэты): все это должно прійти въ волненіе, для того чтобы я услышалъ и понялъ слово писателя. А если я не понялъ его, то отсюда еще не слѣдуетъ, что въ этомъ непременно виноватъ мой авторъ: надо еще убѣдиться, что именно здѣсь причиною—его ли непонятность, моя ли непонятливость. Во всякомъ случаѣ, абсолютно понятнаго (какъ и абсолютно непонятнаго) не существуетъ. И всѣми силами своего духа надо мнѣ добросовѣстно вооружиться для того, чтобы темные іероглифы словесности стали для! меня прозрачными. И все-таки полнаго сѣла и будетъ никогда: и мое слово, и слово чужое гдѣ-то въ нѣдрахъ своихъ прячетъ неизбѣжную смутность. Сквозь волнистые туманы, сквозь мгlistыя пространства и марева движется наша мысль; и нужно не только понимать, но и догадываться.

Такъ искусство играетъ съ нами; оно дразнитъ насъ, ускользая и приближаясь, разсѣивая блески своихъ причудъ, мѣняя одинъ свой обликъ на другой. Въ этомъ—его чары. Никогда не объективное, ни для кого! не обязательное, прекрасный человѣческій капризъ, *regretium mobile*, оно даетъ мнѣ право на меня, поощряетъ мою субъективность. Не будь ея, не было бы и его: вѣдь искусство не къ объективной истинѣ обращается, а къ живому субъекту измѣнчивому, какъ оно само, да и кому же быть субъективнымъ,

как не субъекту? Личность писателя трансформируется личностью читателя, и одна подходит къ другой, но между обѣими всегда остается нѣкоторая дистанція, игра сближенія и новаго отдаленія.

Только надо помнить, что субъективность, это—не произволь. Свобода читателя ограничена свободой писателя. Ему ничего нельзя навязывать. Писатель и читатель—величины соотносительныя. Кто намѣренно заслоняет своего автора собою, кто себѣ на потребу и себѣ въ угоду искажает его подлинникъ, тотъ поступаетъ вовсе не въ духѣ вольнаго импрессионизма,—наоборотъ, онъ насилуетъ свои же впечатлѣнія.

Чеховъ боялся читателя бездарнаго. Въ самомъ дѣлѣ, не только писатели, но и читатели бываютъ бездарные, и выраженіе Чехова, бросая намъ обратно, въ наше сконфуженное лицо, упрекъ, какой мы иногда посылаемъ авторамъ, подтверждаетъ необходимость той встрѣчи двухъ одаренностей, писательской и читательской, о которой мы сказали раньше.

Но слѣдуетъ бояться и читателя тенденціознаго, какъ слѣдуетъ бояться тенденціознаго писателя. Не только писать, но и читать надо талантливо. Не только писать, но и читать надо честно. Не только писать, но и читать надо безъ тенденціи. Мысль, это—свобода; умыселъ, это—рабство.

Итакъ, художественное слово, бездонное, никогда не можетъ быть готово и закончено; сказанное писателемъ, оно продолжается у читателя. Однажды начавшись, не прекращается творчество. Подводное, подсознательное, оно у художника проявляется лишь своею верхней стороною, своею кроной,—корни же его таятся въ глубинѣ, невѣдомые для самого творца. Читатель тоже воспринимаетъ сперва лишь этотъ надводный, зримый элементъ созданія, а потомъ онъ долженъ погружаться все глубже и глубже въ море художества, искатель жемчуга, водолазъ красоты, и плаванію его нѣтъ конца. Все новымъ и новымъ смысломъ расцвѣтающія слова, ихъ внутренняя неисчерпаемость и свѣжесть, ихъ вѣчная молодость, ихъ динамическая природа являються порукой того, что совмѣстное творчество поэта и слушателя, свободный союзъ писателя и читателя будутъ существовать всегда, и если нить каждой человѣческой жизни трагически блюдетъ Парка, ее рано или поздно, скорѣе рано, чѣмъ поздно, перерѣзающая, то золотой нити искусства, вьющейся по міру, живому нерву красоты, обезпечено безсмертіе и безостановочное продолженіе—отъ писателя къ читателю, отъ читателя къ писателю, въ вѣчномъ кругооборотѣ.

И потому среди нашихъ скорбныхъ дѣлъ утѣшеніе—въ словѣ.

Молчать гробницы, муміи и кости,—

Лишь слову жизнь дана.

Изъ древней тьмы, на мировомъ погостѣ,

Звучать лишь Письмена.

Такія письма начертала Россія на скрижаляхъ міровой литературы, что они переживутъ всякіе погосты. Не рухнетъ Россія, пока не умолкнетъ русское слово.

Да звучитъ же оно во всю полноту своего вдохновеннаго звука!

Ю. Айхенвальдъ.

ДОСТОЕВСКИЙ И СУДЬБА РОССИИ

Необычайныя событія, свидѣтелями коихъ мы всё являемся, понудили русское общество пересмотрѣть и переоцѣнить многія идеи и цѣнности въ области политики и социального строительства. Я полагаю, что такому пересмотру и переоцѣнкѣ подлежатъ не только политическія и социальныя программы, но и сама русская культура въ ея цѣломъ. Пора кое-чему подвести итоги, инныя надежды наши похоронить, разгадать смыслъ явленій, мимо которыхъ до сихъ поръ мы проходили равнодушно, и поставить вѣхи на будущихъ путяхъ, не утративъ нашего безпристрастія и не склонивъ головы отъ отчаянія въ судный день исторіи.

Все это нелегкое дѣло, ибо надъ Россіей висятъ мрачныя тучи. Надо претельно вглядываться во мракъ, чтобы угадать когда-то близкія, родныя и любимыя черты ея лица.

Я не принадлежу къ числу тѣхъ, кто сомнѣвается въ духовномъ единствѣ Россіи. И какъ ни справедливо мнѣніе, что всякое государство раздираемо внутренними противорѣчіями, на первый взглядъ, непримиримыми, все-таки эти противорѣчія не болѣе умаляютъ единство національное, чѣмъ душевныя колебанія, сомнѣнія и разнообразныя страсти, которыя живутъ въ душѣ отдѣльнаго человѣка. Вѣдь, и каждый изъ насъ спорить самъ съ собою; въ душѣ каждаго изъ насъ противоположныя мысли и желанія приходятъ въ столкновенія, вызывая нерѣдко мучительную боль, страданія и даже смерть, но никто изъ насъ, однако, не сомнѣвается въ своемъ внутреннемъ единствѣ, въ томъ, что онъ — человѣкъ, индивидуумъ, личность, что онъ въ известномъ смыслѣ единственный, неповторяемый, особенный, что онъ равенъ только самому себѣ.

Такъ и нація. Такъ и государство. Какъ бы внутри его ни боролись классы, группы, партіи, все-таки за нимъ остается право на самоопредѣленіе, чего не отрицаютъ даже самые страстные и самые послѣдовательные интернационалисты.

Право на самоопредѣленіе можетъ принадлежать только тому, что цѣльно, едино, самобытно, однимъ словомъ, только тому, что опредѣляется, какъ нѣчто органическое и живое. Только тогда у насъ есть основаніе и право говорить о душѣ націи и государства. Подобно тому, какъ міръ, природа, космосъ—не есть случайное и механическое соединеніе тѣхъ или иныхъ элементовъ, а въ своей цѣльности, по существу, нѣчто живое и единое, несмотря на видимую свою множественность и болѣзненный ущербъ, такъ и государство—живетъ и дышитъ, подчиняясь внутреннимъ законамъ.

Не то, что мните вы, природа —
 Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
 Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
 Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ!

Правда, это не для всѣхъ ясно, но тѣмъ хуже для неразумѣющихъ:

Они не видятъ и не слышатъ,
 Живутъ въ семь мірѣ, какъ впотьмахъ;
 Для нихъ и солнце, знать, не дышитъ
 И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ...

Какъ же мы относимся къ Россіи? Кто она? Если она лишь мертвый слѣпокъ и бездушный ликъ, оправданіе ея исторіи теряетъ свой смыслъ. Но это не такъ, —

Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
 Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ...

Въ ней есть языкъ, по умному слову Тургенева, «великій и свободный», тотъ языкъ, который созданъ тысячелѣтнею нашею исторіею; языкъ, зазвенѣвшій дивно въ ладъ со струнами вѣщаго баяна; языкъ неумирающихъ пѣсень народныхъ, украшенный тяжелыми, но драгоценными камнями державинской музыки, свѣтлый и крылатый въ поэзіи Пушкина, таинственный и благоуханный у Лермонтова, Гоголя и Тютчева, сильный и напряженный у Толстого, страстный, пронзительный и вѣщій у Достоевскаго.

Вотъ залогъ нашего возрожденія. Вотъ нашъ мечъ. И если у насъ, хмельныхъ, въ недобрый часъ вырвали изъ рукъ мечъ вещественный, духовнаго нашего меча вырвать у насъ нельзя, пока мы живы, пока не казнили насъ.

Но умираютъ люди. Умираютъ поэты. Умираютъ націи и гибнутъ государства.

А Россія? Жива ли она? Жива ли та, Великая Россія, которую подъялъ Великій Петръ «надъ самой бездною — на высотѣ уздой желѣзной»?

Или бездна, въ самомъ дѣлѣ, поглотила насъ? Или мы выдержали головокружительный полетъ, по волѣ генія, лишь на единый мигъ, ибо двухсотлѣтній императорскій періодъ русской исторіи — одно только мгновеніе въ исторіи всемірной? Надо правдѣ смотрѣть въ глаза. Великая Россія сейчасъ въ параличѣ, какъ давно ужъ, по признанію Достоевскаго, въ параличѣ Восточная Церковь.

Каждый часъ приноситъ намъ страшныя вѣсти о томъ, что мертвѣютъ ея ткани въ черной гангренѣ. Она уже не питается. Кровь медленно, остывая, течетъ по ея сосудамъ. Утомленные нервы не чувствуютъ даже боли, когда ея тѣла касается острый ножъ. Врачъ понимаетъ, что когда больной въ жару, а пульсъ слабѣетъ, значитъ, сердце работаетъ худо. Это — приближается смерть... Не сознавать этого или молчать о томъ, что совершается, воистину неразумно и стыдно. Но иные вѣруютъ, что воля и духъ человѣка могутъ оказывать чрезвычайное вліяніе на его плоть, на его тѣло. Если у человѣка есть воля къ жизни, не все погибло: тѣло духу покорствууетъ. И пожирающій тѣло недугъ не можетъ довести свое разрушительное дѣло до конца, если душа не соблазнилась смертью и не ослабла въ зломъ поединкѣ.

Припомнимъ нѣкоторыя событія и случаи изъ жизни Достоевскаго. Пусть эти напоминанія будутъ намъ путеводительными маяками. Прежде всего, представимъ себѣ одинъ ясный, сухой и холодный день въ августѣ мѣсяцѣ 1830 года. Достоевскому было тогда девять лѣтъ. Онъ сидитъ за гумномъ, въ оврагѣ, и выламываетъ себѣ изъ орѣшника хлысть. И вдругъ среди глубокой тишины отчетливый, внятный крикъ:

— Волкъ бѣжитъ!

Въ ужасѣ, боясь не волка, а непонятнаго крика, бросаетъ мальчуганъ свой орѣховый хлысть и выбѣгаетъ изъ оврага на поляну, прямо на мужика, который идетъ за сохой, подгоняя лошаденку.

Мальчуганъ кричитъ, задыхаясь отъ страха, и цѣпляется за соху и за рукавъ мужика.

И вотъ тогда произошло нѣчто такое, о чемъ спустя двадцать лѣтъ вспомнилъ вдругъ этотъ самый мальчуганъ, ставшій взрослымъ человекомъ, въ обстановкѣ, совсѣмъ не похожей на мирную отцовскую деревеньку.

Объ этой встрѣчѣ вспомнилъ Феодоръ Михайловичъ Достоевскій въ страшный часъ, когда на каторгѣ, въ казармѣ, бушевала пьяная банда злодѣевъ, когда блестяли ножи, валялись на жесткихъ нарахъ избитые до полусмерти буяны, и когда ссыльный политическій полякъ, проходя мимо него, пробормоталъ съ отвращеніемъ: «Je hais ces brigands».

Что же произошло тогда около сохи, за которую судорожно цѣплялся испуганный мальчикъ, ища защиты у бородатаго крѣпостного мужика? Произошло нѣкоторое внутреннее событіе немалой значительности. Человѣкъ увидѣлъ и позналъ въ человѣкѣ своего ближняго, самого себя, свое лицо.

Мужикъ улынулся мальчику «длинною», нѣжною, «материнскою» улыбкою. Онъ сказалъ ребенку: «Ну, полно же... Ну, Христось съ тобой, перекрестись...»

Онъ протянулъ тихонько своей толстой, черной, запачканный въ землѣ палецъ и тихонько дотронулся до дрожащихъ губъ мальчика.

И звѣриная морда, померещившаяся галлюцинирующему мальчику, исчезаетъ вдругъ, и надъ ребенкомъ склоняется бородатое лицо мужика:

— Ужь я тебя звѣрю не дамъ! Ну, Христось съ тобой... ну, ступай! — и мужикъ перекрестилъ мальчика и самъ перекрестился.

Такъ вотъ оно какое — лицо русскаго мужика. И Достоевскій не случайно вспоминаетъ о немъ на каторгѣ, среди, быть-можетъ, такихъ же мужиковъ, таящихъ у себя въ сердцѣ Христа, несмотря ни на что.

«Конечно, — говоритъ Достоевскій, — всякій бы ободрить ребенка, но тутъ, въ этой уединенной встрѣчѣ, случилось какъ бы что-то совсѣмъ другое, и если бы я былъ собственнымъ его сыномъ, онъ не могъ бы посмотреть на меня сіяющимъ болѣе свѣтлою любовью взглядомъ...»

Этого не могъ понять повстанецъ-полякъ, пробормотавшій брезгливо: «Je hais ces brigands».

Чтобы разгадать *народничество* Достоевскаго, достаточно припомнить и опѣнить эту его дѣтскую встрѣчу съ крѣпостнымъ мужикомъ. И, пожалуй, эта сцена можетъ служить ключомъ вообще къ міроотношенію Достоевскаго. Всѣ его романы — развѣ это не мистическій страхъ передъ загадочнымъ звѣремъ, и развѣ онъ не ищетъ спасенія отъ этого ужаснаго звѣря у христоролюбиваго простеца?

Христоролюбивый простецъ, по представленію Достоевскаго, становится уже богоносцемъ, Христофоромъ.

Человѣкъ-звѣрь въ новой метаморфозѣ неожиданно раскрываетъ свою добрую сущность, свое христоролюбивое сердце. Въ каторжанинѣ, убійцѣ и насильникѣ, Достоевскій увидѣлъ и разгадалъ того самаго мужика, который благословилъ его именемъ Христа и завѣщалъ ему не бояться звѣря.

Надо припомнить ту мрачную и жуткую ночь, когда русскій дворянинъ, Николай Всеволодовичъ Ставрогинъ, членъ партіи коммунистовъ-интернаціоналистовъ, пришелъ къ Шагову, бывшему члену той же самой партіи, отказавшемуся отъ нея въ концѣ-концовъ. Незадолго до этой поч-

ной встрѣчи Шатовъ, сынъ крѣпостного человѣка, ударилъ по лицу дворянина Ставрогина. И тотъ стерпѣлъ обиду. Забывать этого обстоятельства не слѣдуетъ при оцѣнкѣ знаменательнаго ночнаго разговора. Я'рѣшаюсъ напомнить этотъ діалогъ, потому что едва ли не всѣ мысли Шатова повторяетъ Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ писателя»—иногда съ буквальной точностью. Значитъ, если Шатовъ не двойникъ Достоевскаго, то, во всякомъ случаѣ, онъ одинъ изъ самыхъ близкихъ ему людей, да и Николай Всеволодовичъ кое въ чемъ не такъ ужъ чуждъ Феодору Михайловичу Достоевскому. Какова же сущность мыслей Шатова, котораго авторъ «Дневника» развиваетъ съ такою страстною настойчивостью?

Къ нимъ стоить прислушаться.

«Атеистъ не можетъ быть русскимъ»; «атеистъ тотчасъ же перестаетъ быть русскимъ». Это — первое. И далѣе: «Народъ, это — тѣло Божіе. Всякій народъ до тѣхъ только поръ и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго...»

«Такъ вѣровали всѣ съ начала вѣковъ, всѣ великіе народы, по крайней мѣрѣ, всѣ сколько-нибудь отмѣченные, всѣ стоявшіе во главѣ человечества. Противъ факта идти нельзя. Евреи жили лишь для того, чтобы дожидаться Бога истиннаго и оставили міру Бога истиннаго. Греки боготворили природу и завѣщали міру свою религію, то-есть философію и искусство. Римъ обоготворилъ народъ въ государствѣ и завѣщалъ народамъ государство...»

«Если великій народъ не вѣруетъ, что въ немъ одною истина (именно въ одномъ и именно исключительно), если не вѣруетъ, что онъ одинъ способенъ и призванъ всѣхъ воскресить и спасти своею истиною, то онъ тотчасъ же обращается въ этнографическій матеріалъ, а не въ великій народъ...»

«Кто теряетъ эту вѣру, тотъ уже не народъ. Но истина одна, а стало-быть, только единый изъ народовъ и можетъ имѣть Бога истиннаго, хотя бы остальные народы и имѣли своихъ особыхъ и великихъ боговъ. Единый народъ «богосецъ», это — Русскій народъ...»

Такія идеи Достоевскій влагаетъ въ уста Шатова. Но вотъ что любопытно: учителемъ Шатова былъ самъ Николай Всеволодовичъ, а, вѣдь, Николай Всеволодовичъ Ставрогинъ почти одновременно внушалъ Кириллову совсѣмъ иные идеи, тѣ идеи, которыя жадно воспринялъ, усвоилъ и на новый ладъ провозгласилъ великодушный нѣмецкій артиллеристъ Фридрихъ Ницше, чьи фанфары все еще звучатъ въ ухахъ иныхъ русскіихъ простодовъ, какъ благая вѣсть изъ мудрѣйшей страны.

Все это надо сопоставить, не забывая, что за кулисами идетъ работа нашихъ коммунистовъ: готовится убійство Шатова, а Ставрогина берегутъ пока, цѣня въ немъ «необыкновенную способность къ преступле-

нію». Когда понадобится царевичъ, Николай Ставрогинъ явится желаннѣйшимъ кандидатомъ на сей двусмысленный престолъ.

Русскіе коммунисты, утвердившись на безбожии, значить, не считаюсь съ идеями нравственными ни въ какой мѣрѣ и никогда, разумѣется, не были брезгливыми въ выборѣ средствъ. Идея самозванца не была чужда и Михаилу Бакунину. Ея пріятіе совершенно согласуется съ ходомъ и развитіемъ нашей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ наше русское самодержавіе въ самомъ существѣ своемъ отрицало идею права. Оно упорствовало въ этомъ отрицаніи. И какъ естественная реакція на это самодержавіе, всегда въ русской исторіи возникала пугачевщина. На протяженіи двухъ столѣтій послѣ Петра, самодержавное правительство боролось съ бунтарями, приходившими изъ глубины народа, отъ его корней—и всегда подъ знаменемъ какого-нибудь самозванца. Самодержавіе провоцировало пугачевщину, пугачевщина порождала самозванца. Западно-европейское пониманіе государственности, какъ правопорядка, не находило себѣ почвы въ русской дѣйствительности, и надо было быть слѣпыми, чтобы надѣяться на благополучный исходъ большой русской революціи. При отсутствіи въ народѣ правосознанія революція должна была непременно и неизбежно прійти къ пугачевщиѣ. Въ этомъ виновата вся исторія государства російскаго, все мы, безъ исключенія, наши предки и современники, и было бы несправедливо возлагать отвѣтственность за все на какую-либо одну группу или партію.

Но Достоевскій? Кто онъ? Онъ самъ плоть отъ плоти Россіи, онъ въ ея духѣ, въ ея геніальномъ порывѣ и въ ея постыдномъ паденіи. Онъ и Шатовъ, и Ставрогинъ, но за всеми этими личинами есть иное лицо, какъ за безобразными масками современной Россіи таится иной ея ликъ. Еще разъ повторяю, судьба Достоевскаго—судьба Великой Россіи.

И въ этомъ планѣ надо разсматривать сейчасъ духовную біографію загадочнаго писателя. И въ этомъ планѣ мы, быть можетъ, увидимъ ясное сокровенное въ символѣ народа-богоносца.

Упрощенное официальное истолкованіе творчества Достоевскаго мы находимъ у Бѣлинскаго. Впослѣствіи мнѣніе о Достоевскомъ, какъ о покорномъ власти реакціонно-настроенномъ слагательнофильствующемъ націоналистѣ, довольно прочно утвердилось въ средней господствующей критикѣ. Владимиръ Соловьевъ и символисты понудили насъ переоцѣнить общепринятое воззрѣніе на художника, значеніе котораго измѣрялось будто бы его тонкимъ психологизмомъ и отчасти—по Бѣлинскому—гуманитарною проповѣдью. Правда, иные замѣтили въ немъ «жестокій талантъ», но и это наблюденіе скользило по поверхности, не затрагивая самаго существа темы.

А существо темы требовало пересмотра не только идей и психологій

Достоевскаго, но раскрытія внутренней связи между его вѣрованіями и характеромъ русскаго народа. Теперь, послѣ опыта 1917 года, у насъ есть основаніе съ увѣренностью утверждать, что Достоевскій былъ не славянофиломъ, а къмъ-то инымъ, чьи пророчества имѣютъ особое значеніе.

Примѣчательно, что Шатовъ послѣ своего утвержденія, что «единный народъ «богоносецъ»,—это—Русскій народъ», обращаясь къ Ставрогину, вдругъ «неистово заеопилъ»:

«Неужели вы меня почитаете за такого дурака, который ужь и различить не умѣетъ, что слова его въ эту минуту или старая, дряхлая дребедень, перемолотая на всѣхъ московскихъ славянофильскихъ мельницахъ, или совершенно новое слово, послѣднее слово, единственное слово обновленія и воскресенія?..»

Это неистовое восклицаніе Шатова неслучайно. И самъ Достоевскій не былъ однимъ изъ тѣхъ славянофиловъ, которые взяли всю свою концепцію національнаго мессіанизма у тѣхъ же нѣмцевъ, у того же Фихте.

Достоевскій былъ самъ по себѣ. И чрезвычайно существенно то, что онъ несмотря на всю свою запальчивую полемику съ російскими коммунистами-интернационалистами, всегда былъ, по свидѣтельству Н. Н. Страхова, социалистомъ прежде всего. Но и безъ свидѣтельства этого близкаго ему чело-вѣка, изъ литературнаго наслѣдства, оставленнаго Достоевскимъ, можно притти къ заключенію, что проблема социализма занимала его умъ рѣшительно и неизмѣнно. Но его социализмъ былъ Христовъ, а не антихристовъ.

Однако, вернемся къ нашимъ путеводительнымъ маякамъ—къ біографіи Достоевскаго.

Представьте себѣ вечеръ у петрашевцевъ. Несмотря на разнообразіе настроеній и взглядовъ тогдашнихъ социалистовъ, увлекавшихся Фурье, передъ всѣми съ одинаковой остротою возникъ вопросъ о ближайшей преградѣ къ осуществленію политическихъ и социальныхъ чаяній—вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Представьте себѣ Федора Михайловича Достоевскаго. Ему двадцать семь лѣтъ. Онъ читаетъ «Деревню» Пушкина. Читаетъ онъ, по свидѣтельству очевидцевъ, какъ-то особенно—съ какой-то странной страстью, заражая слушателей своимъ волненіемъ, скандируя стихи нараспѣвъ, мудро храня всѣ особенности ритма. Представьте себѣ, какъ звучитъ этотъ голосъ непонятнаго товарищамъ фурьериста:

Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склоняся на чуждый плугъ, мокорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тоще влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.

И далѣе:

О, если бѣ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
 Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
 И не данъ мнѣ въ удѣлъ витѣйства грозный даръ?
 Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
 И рабство, падшее по манію царя...

Какъ? По манію царя? Да, да,—непремѣнно, «по манію царя»! Кто-то спрашиваетъ:

— Ну, а если бы освободить крестьянъ оказалось невозможнымъ иначе, какъ черезъ возстаніе?

— Такъ хотя бы чрезъ возстаніе!—кричитъ Достоевскій, блѣднѣя и стукнувъ кулакомъ по столу.

Такъ душевное подполье Достоевскаго соприкасается съ тѣмъ подпольемъ, гдѣ готовились почти сто лѣтъ русская революція.

Двадцать третьяго апрѣля 1849 года Достоевскій воротился домой послѣ одного собранія въ четвертомъ часу ночи, легъ спать и тотчасъ же заснулъ. Потомъ, сквозь сонъ, онъ услышалъ, какъ брякнула сабля. Онъ привсталъ съ кровати.

— Что случилось?

— По повелѣнію...

Рядомъ стоялъ голубой мундиръ. Феодора Михайловича Достоевскаго, смущавшаго товарищей своей вѣрою во Христа, уповавшаго на реформы по «манію царя», народолюбца и патріота, отвезли въ крѣпость.

Въ номерѣ «Русскаго Инвалида» отъ 22 декабря 1849 года напечатано было слѣдующее: «Пагубныя ученія, породившія смуты и мятежи во всей Западной Европѣ и угрожающія неспроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ, отозвались, къ сожалѣнію, въ нѣкоторой степени и въ нашемъ отечествѣ... Горсть людей, совершенно ничтожныхъ, большею частью молсдыхъ и безнравственныхъ, мечтали о возможности попрасть священнѣйшія права религіи, закона и собственности...»

Въ тотъ же день въ шесть часовъ утра заключенные въ крѣпости петрашевцы услышали въ коридорѣ шумъ, шаги, говоръ. Достоевскому приказали одѣться и вывели изъ камеры. Его посадили въ карету и повезли. Былъ морозъ и сквозь обледѣлыя окна кареты нельзя было разобрать дороги.

— Куда везутъ?

— Не приказано сказывать.

Кареты остановились на Семеновскомъ плацу. На эшафотъ взошелъ аудиторъ и прочелъ приговоръ: «приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ». Потомъ взошелъ священникъ съ крестомъ. Приговоренныхъ привязали къ столбамъ. Взводъ солдатъ взялъ ружья на прицѣль.

Достоевский въ эти мгновенія упорно смотрѣлъ на золотой куполь Семеновской церкви, гдѣ горѣли яркіе солнечные лучи. «Ему казалось, что эти лучи его новая природа, что онъ черезъ какія-нибудь три минуты сольется съ ними». Неизвѣстность была ужасна. Что если бы не умирать, что если бы воротить жизнь! Какая безкопечность!

Но вотъ махнули платкомъ, ударили отбой. «Его Императорское Величество даруетъ жизнь...»

«Зачѣмъ такое ругательство, безобразное, ненужное, напрасное?» спрашиваетъ одинъ изъ героев романа Достоевскаго:—«Нѣтъ, съ человѣкомъ такъ нельзя поступать...»

Между прочимъ, одинъ изъ товарищей Достоевскаго по эшафоту, когда его отвязали отъ столба, сошелъ съ ума. Теодору Михайловичу Достоевскому умственные способности не измѣнились, но этотъ невольный опытъ предвосхищенія смерти былъ для него вторымъ событіемъ, не менѣе значительнымъ, чѣмъ въ дѣтствѣ встрѣча съ мужикомъ, который, перекрестивъ, защитилъ его отъ таинственнаго и страшнаго звѣря.

Третій внутренній опытъ Достоевскаго, испытанный имъ во вторую половину его жизни и многократно повторявшійся, былъ опытъ священной болѣзни. Передъ припадкомъ «на нѣсколько мгновений,—признавался Достоевский,—я испытываю такое счастье, которое невозможно въ обыкновенномъ состояніи и о которомъ не имѣютъ понятія другіе люди. Я чувствую полную гармонію въ себѣ и во всемъ мірѣ, и это чувство такъ сильно и сладко, что за нѣсколько секундъ этого блаженства можно отдать всю жизнь». «Самому мнѣ довелось разъ быть свидѣтелемъ, какъ случился съ Теодоромъ Михайловичемъ припадокъ,—разсказываетъ Н. Н. Страховъ,—это было въ 1863 году, какъ разъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Поздно, часу въ 11-мъ, онъ зашелъ ко мнѣ и мы оживленно разговорились... Это былъ очень важный и отвлеченный предметъ... Онъ говорилъ что-то высокое и радостное... Онъ обратился ко мнѣ съ вдохновеннымъ лицомъ... Онъ остановился на минуту, какъ бы ища словъ для своей мысли... Я смотрѣлъ на него съ напряженнымъ вниманіемъ, чувствуя, что онъ скажетъ что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровеніе. Вдругъ изъ его открытаго рта вышелъ странный, протяжный и безмысленный звукъ, и онъ безъ чувствъ опустился на полъ». Начались судороги, на углахъ губъ показалась пѣна...

Христолюбивый простецъ мужикъ, благословившій Достоевскаго на безстрашный жизненный путь; слѣпая, мрачная и безпощадная государственность, понудившая его взойти на эшафотъ и заглянуть въ лицо смерти; священная пророческая болѣзнь, обручившая его душу съ несказанною, не-земною тайною: вотъ эти три опыта опредѣлили судьбу Достоевскаго.

Первый опытъ привелъ Достоевскаго къ признанію народной правды и къ неосторожному признанію одного народа богоизбраннымъ—тѣломъ Христовымъ; второй опытъ увлекъ Достоевскаго на отрицаніе всякой государственности, основанной на принужденіи, т. е. къ своеобразному религиозному анархизму, ибо самодержавіе, признаваемое Достоевскимъ, воображаемое и въ дѣйствительности никогда не существовавшее, въ его пониманіи, было лишь символомъ органическаго непринудительнаго порядка, куполомъ коммунистическаго христіанскаго общества; наконецъ, третій опытъ—его эпилептическій экстазъ—далъ ему даръ прозрѣнія. Воистину онъ могъ сказать, какъ пушкинскій пророкъ:

И внялъ я неба содроганье,
И горни ангеловъ полеть.

Да, воистину Достоевскій «лежалъ въ пустыни, какъ трупъ», чтобы въ урочный часъ возстать, повинувъсь волѣ Бога, и, «обходя моря и земли», глаголомъ жечь сердца людей.

Возможны два пониманія историческаго процесса—эпическое и трагическое. Когда мы смотримъ на исторію эпически, мы не видимъ въ ней ни начало, ни конца. Тогда у насъ является идея прогресса, надежда на закономѣрное развитіе общества; мы желаемъ оправдать настоящія скорби и страданія будущимъ возможнымъ благомъ; мы готовы признать въ мірѣ какое-то прочное и устойчивое начало; потокъ событій мы стремимся разгадать, какъ нѣкій планъ, подчиняя его искусственно и условно въ нашемъ воображеніи субъективной логикѣ. Когда мы смотримъ на исторію трагически, мы не сомнѣваемся въ томъ, что въ ней будетъ развязка, конецъ, подобно тому, какъ было въ ней и начало; идея прогресса, какъ накопленія благъ и цѣнностей, теряетъ свой смыслъ; страданія и ущербъ міровой жизни—при трагическомъ взглядѣ на исторію—не могутъ быть оправданы счастьемъ будущихъ поколѣній; ничего простаго и устойчиваго въ этомъ мірѣ вовсе нѣтъ съ трагической точки зрѣнія; наконецъ, потокъ событій представляется неразгаданнымъ до тѣхъ поръ, пока онъ вдругъ не явится, какъ нѣкое начало «внѣ времени».

При эпическомъ отношеніи къ исторіи ея внутреннее содержаніе по существу утрачиваетъ всякій смыслъ. Погибшія поколѣнія, безмѣрная мука мятущихся народовъ, крушенія культуръ—все остается не оправданнымъ, ибо, вѣдь, нельзя строить счастье будущаго человѣчества на позорѣ и страданіи поколѣній, ушедшихъ въ темную могилу.

«Только то и крѣпко, подо что кровь протечеть». «Только забыли негодяи, что крѣпко-то оказывается не у тѣхъ, которые кровь прольютъ, а

у тѣхъ, чью кровь прольютъ,—пишетъ Достоевскій на листкѣ своей записной книжки.—Вотъ онъ законъ крови на землѣ».

При трагическомъ отношеніи къ исторіи всѣ событія міровой жизни мы разсматриваемъ, какъ нѣчто совершающееся во временномъ единствѣ. Мы ждемъ развязки. Мы ждемъ конца. Мы ждемъ очищенія, оправданія, катарсиса. Тогда всѣ страданія, весь ужасъ и кровь исторіи приобретаютъ значеніе несчастной жертвы. Тогда все возносится къ единому центру, къ Голгоѣ, къ крестной смерти и воскресенію.

Или мы должны примириться съ безмысленностью исторіи, принять, не переоцѣнивая, нелѣпую и подлую смѣну гнусныхъ явленій классовой и личной вражды, то жалкое торжество эксплуатирующихъ социальныхъ группъ, то не менѣе жалкое торжество черни—въ нерадостной и нетвердой надеждѣ, что когда-нибудь наладится болѣе или менѣе социальное равенство въ ущербъ культурной сложности и при постыдномъ сознаніи, что все зданіе построено на костяхъ замученныхъ дѣтей, распятыхъ праведниковъ, обманутыхъ и убитыхъ дѣвушекъ, тѣни которыхъ будутъ бродить вокругъ насъ, какъ грозное мemento mori, требуя отмщенія.

Такъ думалъ и вѣрилъ Достоевскій. Его міротношеніе было воистину трагическимъ. Но, вѣдь, трагедія, предполагаетъ, что въ мірѣ есть душа, что космосъ—«не слѣпокъ, не бездушный ликъ», что эта душа стремится, воплощаясь, соединиться съ тѣмъ безсмертнымъ началомъ, имя которому—страдающей и воскресающей Богъ.

Какъ? Достоевскій вѣрилъ въ Бога? И современники говорили ему: «Ты—безумецъ. Ты забылъ, что былъ великій вѣкъ просвѣщенія, разрушившій наивныя вѣрованія, что философскій скептицизмъ и научный позитивизмъ побѣдили всѣ мѣфы и легенды, что послѣднее слово тончайшей нѣмецкой гносеологинъ вырвало съ корнемъ идею личнаго живого Бога. На что же ты надѣешься, безумный?» И тѣ же самыя слова обращаютъ къ его тѣни наши современники, даже съ тою же интонаціей, съ тѣмъ же раздраженіемъ, озлобленіемъ и ненавистью. И теперь иногда говорятъ о Достоевскомъ съ такою страстною запальчивостью, какъ-будто ненавистный пророкъ живъ и надо побить его камнями сегодня, ибо онъ опасенъ и страшенъ. Его опять возводятъ на эшафотъ, какъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогда глумился надъ нимъ самодержавный царь, сегодня глумится надъ нимъ умственная чернь, имущая или неимущая—не все ли равно? Его, мертваго, хотягъ снова убить, въ рабскомъ страхѣ угадывая, что его голосъ изъ могилы все такъ же опасенъ—и для безбожныхъ монарховъ, и для безбожной толпы.

А Достоевскій на страницахъ своей записной книжки, непредназначенной вовсе для печати и читателей, писалъ:

«Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною вѣрою въ Бога. Этимъ олухамъ и не снилось такой силы отрицанія Бога, какое положено въ Инквизиторѣ и въ предшествовавшей главѣ, которому отвѣтомъ служить *весь романъ*. Не какъ дуракъ же (фанатикъ), я вѣрую въ Бога. И эти хотѣли меня учить и смѣялись надъ моимъ неразвитіемъ! Да ихъ глупой природѣ и не снилось такой силы отрицанія, которое перешелъ я. Имъ ли меня учить!»

Это правда. Имъ ли его учить! Достоевскій, какъ Паскаль, приобрѣлъ право на вѣру въ Бога и Христа цѣною необычайнаго опыта сомнѣній и отрицаній, передъ которымъ блѣднѣетъ поверхностный скептицизмъ всѣхъ философствующихъ атеистовъ.

Если мы станемъ разсматривать три идеи Достоевскаго—идею «народа богоносца», идею «мистическаго самодержавія» и, наконецъ, его идею «страдающаго и воскресающаго Бога»—въ планѣ эпическаго пониманія исторіи, въ эти три идеи потрясутъ всякій смыслъ и значеніе: народъ-богоносецъ перестаетъ быть таковымъ со всякою повою историческою обстановкою. ибо при эпическомъ пониманіи міра все относительно и нѣтъ единой истины, есть лишь слѣпая смѣна случайныхъ вѣрованій; мистическое самодержавіе, никогда въ исторіи не существовавшее, превращается или въ диктатуру генія, какъ это было съ самодержавіемъ Великаго Петра, или въ гнусный деспотизмъ какого-нибудь безответственнаго монарха вродѣ Петра Третьяго; на конецъ, идея «страдающаго и воскресающаго Бога» умалется до степени историческаго мифа, лишенаго абсолютнаго и вселенскаго значенія.

Но если мы будемъ разсматривать эти три идеи въ планѣ трагическаго пониманія исторіи, всѣ онѣ приобрѣтутъ непреходящее значеніе: народъ-богоносецъ явится намъ лишь какъ одинъ изъ аспектовъ всего человѣчества, всей живой земли, стремящейся къ вѣчному солнцу; мистическое самодержавіе, лишенное своихъ относительныхъ атрибутовъ, выразитъ символически христіанскую общину съ пастыремъ во главѣ, которая можетъ найти свое воплощеніе лишь въ *последнее* мгновеніе исторіи; а третья, все предопредѣляющая идея, засіяетъ немеркнущимъ свѣтомъ, какъ вѣчная правда Голгосса и единаго чуда, въ которомъ разрѣшаются всѣ земныя противорѣчія.

Но трезвые люди, люди, такъ называемаго, здраваго смысла, скажутъ съ негодованіемъ: «Какое намъ дѣло до этихъ безумныхъ идей? На что намъ Голгоссъ и Христосъ? И если бы даже въ этихъ идеяхъ была какая-нибудь правда, какъ ихъ связать съ повседневностью, съ реальною политикою! напимѣрь?»

Они правы, эти люди здраваго смысла: связать эти безумныя идеи съ реальною политикою нельзя. Но исторія движется не только путями ре-

альной политики. История прерывиста, в истории мы видим не только эволюционную последовательность, но и судные дни катастроф и революций. Революция всегда находит свой конец в реакции, но мятеж не проходит безслѣдно. Онъ неизмѣнно сѣть сѣмена бури, которая вновь и вновь рождается и колеблетъ мнимую прочность государственнаго и социальнаго порядка.

Революция питается максимализмомъ. Но разныя бываютъ революціи: внѣшнія и безплодныя, — и внутреннія, чреватія духовными богатствами. Достоевскій былъ такимъ революционеромъ и такимъ максималистомъ, передъ пламеннымъ лицомъ котораго кажутся жалкими и тусклыми огнями всё костры самыхъ буйныхъ, хмельныхъ и кровавыхъ революцій. Коммунисты-атеисты воображаютъ, что, отрицая матеріальный буржуазный порядокъ, они дошли до предѣла революціоннаго максимализма. Но эта — по выраженію Достоевскаго — «коротенькая и тупенькая» мысль вовсе не максимализмъ, а лишь смѣшной компромиссъ съ исторической действительностью. И нерѣдко вмѣсто реальной политики мы видимъ лишь дурную политику, вмѣсто торжества однихъ буржуевъ — торжество буржуевъ новыхъ, что едва ли содѣйствуетъ міровому благу и приближаетъ человѣчество къ послѣдней и верховной цѣли.

Достоевскій боролся съ буржуазностью міра не только матеріально. Посѣтивъ Парижъ послѣ подавленія коммуны 71 года, онъ съ отвращеніемъ наблюдалъ самодовольство мѣщанъ-побѣдителей, но съ меньшимъ отвращеніемъ онъ слѣдилъ за пропагандою атеистическаго коммунизма, который, сражаясь за земную правду, теряетъ правду Христову.

Трезвые люди правы: міроотношеніе Достоевскаго и его идеи никакъ не сочетаются съ реальной политикою, а если въ этомъ направленіи нынѣшніе пытались дѣлать опыты, такіе опыты приводили къ печальнымъ послѣдствіямъ: мистическое самодержавіе превращалось въ бюрократическій абсолютизмъ, вѣра въ народъ-богоносца мирилась съ реакціоннымъ націонализмомъ, христіанская идея никла и умалялась на путяхъ восточнаго православія.

Но всё эти опыты — суть провокація и ложь. Достоевскій былъ величайшимъ максималистомъ, а максимализмъ, всякій максимализмъ, никогда не можетъ быть связанъ съ реальнымъ политическимъ и социальнымъ строительствомъ.

Максимализмъ всегда катастрофиченъ, а его предѣлъ — анархія. Какая ужъ тутъ реальная политика!

Искать непосредственнаго приложенія идей Достоевскаго къ политическому плану такъ же странно, какъ странно было бы съ точки зрѣнія

реальной политики оцѣнивать откровенія святого Іоанна, пророчества Исаи или Giocetti Франциска Ассизскаго.

Да, Достоевскій былъ послѣдовательнымъ и непримиримымъ врагомъ буржуазнаго міра. Но что онъ разумѣлъ подъ буржуазностью? Онъ разумѣлъ подъ ней самодовольное и ограниченное пріятіе этого міра, съ его слѣпою косностью, алчностью, лицемѣріемъ, предательствомъ, компромиссами и безбожіемъ. Буржуа тотъ, кто полагаетъ предѣлъ челоуѣку въ корыстномъ владѣніи земными матеріальными благами, кто ограничиваетъ челоуѣка ближайшими и вѣшними цѣлями, кто не чувствуетъ ответственности за все и за всѣхъ, кто не видитъ въ исторіи трагедіи и не понимаетъ мистеріи Голгосы.

Но гений Достоевскаго не былъ отвлеченнымъ гениемъ. Онъ былъ по собственному признанію «реалистомъ въ высшемъ смыслѣ». Вотъ почему буржуа всѣхъ типовъ и категорій, имущіе и неимущіе, всѣ равно ненавидѣли его и боялись. Враги Достоевскаго чувствовали и чувствуютъ, что онъ обладаетъ какою-то наиреальнѣйшею правдою, таинственною и недоступною для нихъ.

Какая же это правда? Это — правда о землѣ, землѣ живой и въ существѣ своемъ святой—той землѣ, которую цѣловалъ Алеша послѣ кончины старца Зосимы, рыдая, и которую клялся любить во вѣки-вѣковъ. Надъ нимъ тогда широко необозримо опрокинулся небесный куполь, полный тихихъ сіяющихъ звѣздъ. Тишина земная какъ бы сливалась съ небесною, тайна земная соприкасалась со звѣздною. «О чемъ плакалъ онъ? О, онъ плакалъ въ восторгѣ своемъ даже и объ этихъ звѣздахъ, которыя сіяли ему изъ бездны, и не стыдился изступленія сего...» «Палъ онъ на землю слабымъ юношей, а всталъ твердымъ на всю жизнь бойцомъ...»

Такимъ бойцомъ былъ и самъ Достоевскій, рыцаремъ святой Земли, рыцаремъ неумирающей Прекрасной Дамы, какъ благороднѣйшій и мудрѣйшій Донъ-Кихоть, какъ князь Мышкинъ, кому трезвые буржуа со злорадствомъ дали прозвище идиота.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму...

Видѣнія и призраки окружали Достоевскаго. Смысль, значеніе и реальное содержаніе этихъ привидѣній мы знаемъ давно. То, что призраки не всегда суть субъективная иллюзія, мы убѣдились послѣ нашихъ бесѣдъ съ господиномъ Свидригайловымъ. Его діалектикѣ могъ бы позавидовать, пожалуй, тончайшій изъ нѣмецкихъ гносеологовъ.

Но среди всѣхъ этихъ вѣшнихъ видѣній одно видѣніе «непостижное уму» приобретаетъ для насъ особенное значеніе; это — видѣніе Прекрас-

ной Матери-Земли, или въ иной ея метаморфозѣ — Земли-Невѣсты, чьи многоликія отраженія возникаютъ непрестанно въ загадочныхъ повѣствованіяхъ Достоевскаго. Эта невѣста Христова, чающая прихода своего желаннаго жениха, является намъ то въ образѣ юродивой хромоножки, Марьи Тимофеевны, то въ образѣ таинственной Настасьи Филипповны. Душа міра, — душа родины — душа живой воплощенной личности — вотъ три аспекта одной и той же сущности.

Родина, земля родная! Съ нею была связана судьба Достоевскаго. И къ ней относятся его пророчества. Юродивая и мудрая Марья Тимофеевна — сама страдающая Россія. Она тихо ждетъ своего освободителя — и вотъ онъ приходитъ, наконецъ. Кто же онъ? Это все тотъ же ея странный обольститель — не то революціонеръ, интернаціоналистъ, коммунистъ, не то великій провокаторъ — Николай Всеволодовичъ Ставрогинъ.

Вотъ онъ входитъ въ ея убогое, нищее жилище. Онъ застаётъ ее спящей. Спитъ юродивая. Спитъ Россія. Онъ долженъ разбудить ее отъ тяжелаго сна. Она просыпается и видитъ загадочнаго гостя и странный испугъ на ея лицѣ.

«Онъ продолжалъ стоять на томъ же мѣстѣ у дверей; неподвижно и произительнымъ взглядомъ, безмолвно и упорно вематривался въ ея лицо. Можетъ быть, этотъ взглядъ былъ излишне суровъ, можетъ быть, въ немъ выразилось отвращеніе, даже злорадное наслажденіе ея испугомъ...»

Но гость опомнился.

— Виноватъ, напугалъ я васъ, Марья Тимофеевна, нечаяннымъ приходомъ.

Улыбка робко шевельнулась на ея губахъ.

— Здравствуйте, князь, — прошептала она, какъ-то странно въ него вглядываясь.

— Должно быть сонъ дурной видѣли? — продолжалъ онъ все привѣтливѣе и ласковѣе улыбаться.

— А вы почему узнали, что я *про это* сонъ видѣла?

И вдругъ она опять задрожала.

— Полно, чего бояться, неужто вы меня не узнали?

Но она уже какъ-будто узнала его.

— Зачѣмъ появились? Скажите, пожалуйста, — прошептала Марья Тимофеевна, пристально его разсматривая.

— Я слышала, будто вамъ худо было жить безъ меня. Не хотите ли вы, Марья Тимофеевна, опять въ монастырь?

— Эка невпаль мнѣ вашъ монастырь! Поздно мнѣ третью жизнь начинать!

— Вы за что-то очень сердитесь, ужь не боитесь ли, что я васъ разлюбилъ?

Она презрительно усмѣхнулась:

— Я сама боюсь, чтобы кого очень не разлюбить.

И она опять не узнаетъ своего страннаго гостя.

— Слыхала я, что всѣ въ заговорѣ—неужто и онъ? Неужто и онъ измѣнилъ?

Вотъ она вглядывается въ него:

— Встаньте, князь...

— Съ чего вы меня княземъ зовете и... за кого принимаете?

— Какъ? Развѣ вы не князь?

— Никогда имъ и не быть.

Она засмѣялась ему въ лицо.

— Похожъ ты... Очень на него похожъ... Господи! А я то столько лѣтъ его ждала! А это вовсе не онъ... Соколы мой гдѣ-то тамъ, за горами, живетъ и летаетъ, на солнце взираетъ... Говори, самозванецъ, много ли взялъ? За большія ли деньги согласился?

— У, идиотка!—проскрежеталъ онъ въ ужасѣ.

— Прочь, самозванецъ! Не боюсь твоего ножа!

— Ножа?

— Да, ножа! У тебя ножъ въ карманѣ. Ты думалъ, что я спала, а я видѣла, все видѣла...

— Что ты сказала, несчастная!—крикнулъ онъ и бросился бѣжать.

Но она успѣла ему прокричать, ~~съ хохотомъ~~, ~~вслѣдъ~~ въ темноту:

— Гришка От-репъ-евъ, анабама!

Я полагаю, что этотъ разговоръ безумной невѣсты съ ея женихомъ, гражданиномъ кавтона Ури, можетъ служить надлежащимъ заключеніемъ нашей статьи о судьбѣ Достоевскаго и судьбѣ Россіи.

1 мая 1918 г.

Борисъ Кремневъ.

